ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ» (РУДН)

На правах рукописи

ДУСТОВ Далерджон Вохидшоевич

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА США В ПЕРИОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА УОРРЕНА БЕРГЕРА (1969–1986 гг.)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Аллалыев Руслан Мурадович,
кандидат юридических наук

Москва – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. Верховный суд США: между правом и усмотрением 20

1.1 Реализация судебного контроля в практике Верховного суда США: институциональные рамки и процессуальные инструменты 20

1.2 Судейское усмотрение как фактор формирования конституционно-правовой доктрины 39

ГЛАВА 2. Переопределение границ государственного вмешательства в период председательства Уоррена Бергера 59

2.1 Эволюция доктрин свободы слова и прессы 59

2.2 Доктрина «стены разделения»: интерпретация отношений церкви и государства 82

2.3 Права собственности и государственное регулирование: судебные ограничения в контексте социальных реформ 104

ГЛАВА 3. Гарантии должной правовой процедуры: векторы развития в период «суда Бергера» 117

3.1 Модернизация уголовного судопроизводства: стандарты доказывания и гарантии прав обвиняемых 117

3.2 Репродуктивная автономия под защитой XIV поправки: от Griswold v. Connecticut к Roe v. Wade 130

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 138

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 142

Приложение А 161

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Период председательства Уоррена Бергера в Верховном суде США (1969–1986) стал моментом серьезных изменений в американской правовой системе. Время его пребывания на посту председателя пришлось на момент экономической стагфляции, противостояния США и СССР, а также обострения общественного настроения после публикации материалов о Вьетнамской войне. Эти факторы существенно влияли на работу Суда, так как именно на этом фоне шли изменения в политических и общественных процессах, «подогревавшие» споры о пределах полномочий судов и роли самого Верховного суда США в политико-правовой системе государства.

Еще до назначения на должность председателя Суда Бергер заявлял о необходимости сдержанного подхода к осуществлению конституционного контроля и сокращения масштабов судебного активизма, который был характерен для 1950-х годов[1]. Свою миссию Бергер видел не столько в ограничении расширительного толкования конституционных норм, сколько в сохранении уже достигнутого уровня защиты прав и свобод человека. Его интересовало достижение баланса между буквальным текстом Конституции и ее судебными интерпретациями. Во многом именно поэтому период его председательства характеризовался определенной парадоксальностью: придерживаясь судебного минимализма, он был инициатором принятия решений, которые оказали заметное влияние на развитие гражданских прав и регулирование общественных отношений. Подобная «двойственность» судебной практики «суда Бергера» стала причиной его неоднозначных оценок в правовой доктрине. Тем не менее, благодаря его характерному подходу к

[1] На фоне общественных обострений 1950-х годов Верховный суд США зачастую принимал судебные решения, которые основывались на расширительном толковании норм Конституции. Безусловно, такого рода прецеденты не могли не вызывать недовольства у определенной части общества.

осуществлению правосудия результаты его работы представляют особый интерес для всестороннего научного исследования.

В условиях значимого политического раскола общества «суд Бергера» мог сохранить свой авторитет и легитимность, пожалуй, благодаря только логически выверенной юридической аргументации своих решений. Каждое такое решение должно было являться не просто судебным актом, а обдуманным и аргументированным правовым выводом, чтобы быть воспринятым общественностью и политическими институтами. Как показывает практика, чрезмерно частый пересмотр ранее сформированных прецедентов (посредством *judicial review*) вызывает правовую неопределенность и подрывает доверие общества к судебной системе. Важно отметить, что при толковании нормы Основного закона изменениям подвергается не сам конституционный текст, а его нормативная сущность и практическая реализация в правовом поле. В многом это объясняло приверженность Бергера судебному минимализму.

Верховный суд США под руководством Уоррена Бергера в процессе принятия ключевых решений ориентировался на разработку пропорциональных многофакторных тестов, позволявших на основе систематизированных критериев выводить итоговое решение. Создание подобных тестов, таким образом, правомерно рассматривать не только в качестве сугубо правового инструмента, но и в качестве ключевого механизма легитимации, призванного представить решение в качестве объективного и беспристрастного. Аналогичные методики активно использовались по таким категориям дел, как защита частной собственности, вопросы свободы вероисповедания, свобода слова, уголовное судопроизводство, репродуктивные права и другим категориям. Бесспорно, разработка подобных тестов способствовала унификации правоприменительной практики и значительно упрощала работу нижестоящих судебных инстанций. Совокупность результатов деятельности Верховного суда США под руководством Уоррена Бергера оказала существенное воздействие на

концептуальные изменения в его правовой политике, произошедшие в первую очередь на институциональном и доктринальном уровнях. Наследие Бергера состоит в стратегической «перенастройке» судебной ветви власти, которая подготовила институциональные и доктринальные предпосылки для последующей консолидации консервативной правовой парадигмы, доказав, что Верховный суд может быть умеренно-консервативным, сохраняя при этом легитимность в глазах общества.

Сформированные в тот период прецеденты Верховного суда США продолжают оказывать значительное влияние на развитие судебной практики в мировом масштабе. «Суд Бергера» – это пример того, как внешнее давление заставляет судебный институт искать способы легитимации для своих решений. Анализ этих механизмов позволяет увидеть закономерности эволюции судебной власти, что в дальнейшем может служить более осознанному подходу к её модернизации. Понимание того, как «суд Бергера» в условиях масштабных государственно-правовых преобразований смог сохранить свой авторитет и легитимность дает нам ключ к тому, чтобы использовать его методики и приемы в отечественной правовой науке.

Практический потенциал проведенного исследования выходит далеко за рамки простого исторического экскурса. Его результаты открывают возможность для более глубокого осмысления тех проблем, с которыми сталкивается современная судебная система Российской Федерации. В этом отношении опыт американской судебной системы дает исключительно ценный компаративный материал. Поскольку в нем содержится логика поиска баланса: материал демонстрирует различные, порой противоречащие друг другу, способы согласования актуального общественного запроса с неотчуждаемыми конституционными гарантиями прав и свобод. Такого рода подход может быть ценным инструментом для более точной диагностики собственных институциональных проблем.

В процессе решения собственных задач российская правовая система зачастую обращается к опыту стран общего права. Важным этапом этого

процесса стало принятие Постановлений Пленума Верховного суда РФ № 12 и 13 (2020), регламентировавших порядок апелляционного и кассационного судопроизводства. В соответствии с этими документами кассационные суды обязаны проверять выводы первой и апелляционной инстанций на предмет соответствия правовым позициям Верховного суда РФ: вынесенные решения подлежат отмене, если нижестоящие инстанции действовали по собственному усмотрению, игнорируя позицию ВС РФ. В поддержку данного направления развития на Петербургском международном юридическом форуме (2025) вице-президент Российской академии наук Т. Я. Хабриева подчеркнула возрастающее значение прецедента и судебной практики в правовой системе России, а председатель комитета СФ ФС РФ по конституционному законодательству и государственному строительству А. А. Клишас отметил важность законодательных инициатив ВС РФ, особенно в области гуманизации права.

При всей несхожести правовых традиций задача, стоявшая перед «судом Бергера», во многом созвучна вызову, с которым сталкивается и современная российская судебная система: сохранить стабильность, предсказуемость и легитимность права в условиях социальных изменений. Именно поэтому вопрос о том, какими юридическими методами Бергер решал эту задачу, перестаёт быть предметом исключительно историко-правового описания и приобретает практико-методологическое значение.

Методологическая обоснованность изучения опыта Верховного суда США, в частности периода председательства Уоррена Бергера, обусловлена необходимостью анализа не прецедента как источника права в его англосаксонском понимании, а конкретных юридических механизмов, разработанных «судом Бергера»: многофакторных тестов для разрешения сложных коллизий, принципов судебного самоограничения в условиях политической напряженности, а также процедур выработки решений, обеспечивающих их легитимность. Изучение данного опыта имеет ценность для развития доктрины российского конституционного права и практики

Конституционного Суда РФ в аспекте повышения обоснованности и системной согласованности его правовых позиций, что способствует обеспечению единообразия судебной практики и повышению эффективности правосудия.

Степень научной разработанности темы исследования. Исследование деятельности Верховного суда США под руководством Уоррена Бергера опирается на значительный массив научной литературы, которая разрабатывалась как в российской, так и в зарубежной историко-правовой традиции.

Фундаментальный вклад в изучение американского конституционализма и судебной системы внесли труды Р. М. Аллалыева[2], Е. А. Агеевой[3], С. В. Боботова[4], В. А. Власихина[5], М. Д. Горбунова[6], В. Б. Евдокимова[7], Е. Н. Трикоз[8], Г. А. Есакова[9], С. А. Егорова[10], А. А. Клишаса[11], А. А. Малиновского[12], которые заложили методологические основы анализа института судебного контроля. И. Ю. Жигачев[13] и

---

[2] Аллалыев Р. М. Верховенство права как политический и правовой идеал в англосаксонской правовой традиции // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. № 4. С. 859–870.

[3] Агеева Е. А. Деятельность Верховного Суда США под председательством Э. Уоррена, 1953–1969 гг.: историко-правовое исследование: дис. канд. юр. наук: 12.00.01. Белгород, 2009. 167 с.

[4] Боботов С. В. Конституционная юстиция. Сравнительный анализ. Москва: РПА МЮ РФ, 1994. 127 с.

[5] Правовая система США. Вып. 3 / Бернам У.; Науч. ред.: Власихин В. А. М.: Новая юстиция, 2006. 1216 с.

[6] Горбунов М. Д. Современный англо-американский правовой позитивизм: хронология и актуальные темы научного дискурса / М. Д. Горбунов // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49, № 2. С. 254–262. DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-254-262. EDN LMZPKA.

[7] Евдокимов В. Б. Конституционное судопроизводство в США. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 126 с.

[8] Киреев Д. В. "Верховный Суд США против Франклина Рузвельта": К вопросу о судебной реформе в 1930-е гг / Д. В. Киреев, Е. Н. Трикоз // Нравственно-правовые критерии формирования судебной власти в государстве : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 17 ноября 2017 года / Под редакцией В.В. Гребенникова. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. С. 73–76. EDN XYGUGL.

[9] Есаков Г. А. Mens rea в уголовном праве США: историко-правовое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 553 с.

[10] Конституционализм в США: политико-правовые аспекты / Егоров С. А.; Отв. ред.: Мишин А. А. М.: Наука, 1993. 198 с.

[11] Клишас А. А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран: Сравнительно-правовое исследование. М. : Международные отношения, 2015. 560 с.

[12] Малиновский А. А. Механизм правового регулирования в зарубежных правовых семьях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 4 (32). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-pravovogo-regulirovaniya-v-zarubezhnyh-pravovyh-semyah (дата обращения: 18.02.2025).

[13] Введение в правовую систему США / Боботов С. В., Жигачев И. Ю. М.: Норма, 1997. 333 с.

О. А. Жидков[14] исследовали эволюцию доктрин Верховного суда в контексте социальных изменений, а И. Д. Козочкин[15], Б. С. Крылов[16] и В. М. Курицын[17] акцентировали внимание на взаимодействии судебной власти с законодательной и исполнительной ветвями. В. И. Лафитский[18] и А. А. Мишин[19] проанализировали роль прецедента в американской правовой системе, тогда как М. С. Саликов[20] и А. Ю. Саломатин[21] рассмотрели вопросы федерализма и разделения властей. Однако в отечественной историко-правовой литературе этот период изучен лишь фрагментарно. При изучении российской литературы мы наблюдаем определенный дисбаланс: основной фокус практически всегда направлен на знаковые прецеденты, *Roe v. Wade*, *United States v. Nixon* и еще несколько резонансных решений, тогда как общая логика развития судебной практики Верховного суда США проработана заметно слабее. Этот пробел и пытается отчасти закрыть настоящее исследование.

Иначе обстоят дела с зарубежной, в частности западной литературой. Здесь массив публикаций огромен, и в нем можно выделить по меньшей мере два уровня. На первом уровне – обобщающие труды, фиксирующие курс движения Верховного суда США в сторону консервативных подходов. К ним относится исследование Майкла Дж. Греца и Линды Гринхаус[22]. На втором уровне – публикации, закрывающие тематические ниши. Первая поправка и

---

[14] «История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 1» / Под общ. ред. О. А. Жидкова и Н. А. Крашенинниковой. 2-е изд., стер. М.: Норма, 2004. 624 с.

[15] Козочкин, И. Д. Уголовное право США : учебник для вузов / И. Д. Козочкин. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 218 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-9916-8870-3. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/561352 (дата обращения: 28.04.2025).

[16] Крылов Б. С. США: федерализм, штаты и местное управление. Москва: Наука, 1968. 243 с.

[17] Опыт становления конституционализма в США, Японии и Советской России. Учебное пособие для вузов / Курицын В. М., Шалягин Д. Д. М.: Академический проект, 2004. 496 с.

[18] Лафитский В. И. Конституционный строй США. Москва: Издательство «СТАТУТ», 2011. 351 с.

[19] Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. Москва: Наука, 1984. 190 с.

[20] Саликов М. С. Сравнительный федерализм США и России. Свердловск: Уральская юридическая академия, 1998. 635 с.

[21] Саломатин А. Ю. Верховный суд США: судебная правовая политика от Дж. Джея до Дж. Робертса. ИНФРА-М, 2022. 138 с.

[22] Graetz M. J., Greenhouse L. The Burger Court and the Rise of the Judicial Right [Суд Бергера и восход судебных правых]. New York: Simon & Schuster, 2016. 480 с.

связанные с ней коллизии свободы слова и печати: Винсент Блази[23] и Тинсли Э. Ярбро[24]. Наряду с ними, в публикациях Бернарда Шварца[25] и Чарльза Уайтбреда[26] изучена реформа уголовного процесса и расширение прокурорских полномочий. Не обойдена вниманием и церковно-государственная проблематика, репродуктивные права, а также вопросы расовой дискриминации в трудах Филипа Курланда[27], Кермита Л. Холлома[28], Люциуса Дж. Баркера[29] и Эрла М. Мальца[30].

Тем не менее в зарубежных работах преобладает тематический подход, при котором авторы анализируют лишь узкие правовые институты. При этом практически не исследован вопрос о преемственности между решениями «суда Бергера» и современной практикой Верховного суда США (например, правовыми позициями по делу *Dobbs v. Jackson*). Кроме того, многие исследователи рассматривают период председательства Уоррена Бергера преимущественно как переходный этап между эпохами Уоррена и Ренквиста, уделяя меньше внимания влиянию самого Бергера на формирование основных направлений судебной политики Верховного суда.

Объектом диссертационного исследования является деятельность Верховного суда США в период председательства Уоррена Бергера (1969–1986).

---

[23] Blasi V. The Burger Court: The Counter-Revolution That Wasn't [Суд Бергера: контрреволюция, которой не было]. New Haven: Yale University Press, 1983. 326 с.

[24] Yarbrough T. E. The Burger Court: Justices, Rulings, and Legacy [Суд Бергера: судьи, решения и наследие]. Bloomsbury Academic: ABC-CLIO, 2000. 366 с.

[25] Schwartz B. The Ascent of Pragmatism: The Burger Court in Action [Восход прагматизма: Суд Бергера в действии]. Boston: Addison-Wesley, 1990. 482 с.

[26] Whitebread Ch., Slobogin Ch. Criminal Procedure: An Analysis of Cases and Concepts [Уголовный процесс: анализ дел и концепций]. New York: Foundation Press, 2000. 1100 с.

[27] Kurland Ph. B. The Religion Clauses and the Burger Court [Религиозные положения и суд Бергера] // Harvard Law Review. 1984. URL: https://scholarship.law.edu/lawreview/vol34/iss1/4 (Дата обращения: 28.04.2025).

[28] Hall K. L. Race relations and the law in American history : major historical interpretations [Расовые отношения и закон в американской истории: основные исторические интерпретации] New York: Garland Pub, 1987. 655 с.

[29] Barker L. J. African Americans and the American Political System [Афроамериканцы и американская политическая система]. New York: Prentice Hall, 1999. 372 с.

[30] Earl M. Maltz, Legislative Inputs and Gender-Based Discrimination in the Burger Court [Законодательные инициативы и дискриминация по признаку пола в период суда Бергера] 90 MICH. L. REV. 1023 (1992). URL: https://repository.law.umich.edu/mlr/vol90/iss5/4 (Дата обращения: 28.04.2025).

Предметом исследования выступают концептуальные основания, содержание и основные направления судебной политики Верховного суда США в период председательства У. Бергера (1969–1986), выразившиеся в изменении баланса между судебным активизмом и судебной сдержанностью, а также трансформации доктринальных подходов по вопросам защиты прав личности и гражданских свобод.

Целью диссертационного исследования является выявление ключевых векторов развития и особенностей правовой политики Верховного суда США под председательством Уоррена Бергера.

Достижение поставленной цели обусловило решение следующих **задач**:

- Раскрыть теоретические основы и особенности реализации Верховным судом США полномочий конституционного контроля в контексте стратегий судебного минимализма и доктринальной сдержанности.
- Проанализировать влияние динамики состава Суда и изменений общественно-политической ситуации на формирование и корректировку его правовой политики в 1969–1986 гг.
- Определить степень и характер влияния Уоррена Бергера как Председателя Суда на консервативную трансформацию судебной политики, а также выявить роль субъективных факторов (партийная принадлежность, личные убеждения, религиозные воззрения) судей в формировании конституционно-правовой доктрины в исследуемый период.
- Систематизировать эволюцию доктринальных подходов Суда к интерпретации конституционных гарантий (свобода слова, религиозные свободы, защита собственности) в контексте консервативного курса.
- Установить специфику консервативного пересмотра процессуальных гарантий прав обвиняемых в уголовном судопроизводстве в практике Верховного суда США.

Хронологические рамки исследования. Хронологические границы исследования определяются периодом деятельности Верховного суда США

под руководством Уоррена Бергера (1969–1986). Для полного понимания эпохи Бергера автор разделил данный период на три этапа:

I) Переходный период (1969–1972) – в эти годы формировался новый состав Верховного суда США. Президент Ричард Никсон выдвигал на должности судей кандидатов с традиционной (консервативной) идеологией. До 1972 года были назначены Гарри Блэкман, Льюис Пауэлл и Уильям Ренквист. Начался процесс консервативного реформирования при сохранении преемственности эпохи Эрла Уоррена, в том числе в вопросах расширения гражданских прав. Например, «суд Бергера» не препятствовал отмене сегрегации, а, напротив, прилагал усилия в этом направлении. Кроме того, именно в этот период появились первые значимые решения «суда Бергера» по уголовным делам, таким как *Brady v. United States*[31].

II) Период активной правовой трансформации (1973–1978) – в этот период были сформулированы и приняты знаковые решения, определившие наследие «суда Бергера». Решения по таким делам, как *Roe v. Wade, United States v. Nixon, Miller v. California, Lemon v. Kurtzman* и *Gregg v. Georgia*, стали основой правовой позиции Бергера и во многом определили дальнейший курс развития Верховного суда США.

III) Период консервативной переориентации судебного курса (1979–1986) – в последние годы председательства Уоррена Бергера в практике Верховного суда США усилились консервативные тенденции, во многом предопределившие последующий курс Суда при Уильяме Ренквисте. Проводимая Бергером политика укрепления позиций государства и правоохранительных органов в уголовном процессе вела к сокращению процессуальных гарантий обвиняемых. В частности, Верховный суд ограничил действие исключительного правила в рамках Четвертой поправки к Конституции (защита от необоснованных обысков) и сузил применение «правила Миранды». Параллельно с этим усложнился доступ к процедуре

[31] Brady v. United States, 397 U.S. 742 (1970) // Justia U.S. Supreme Court URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/397/742/ (дата обращения: 22.05.2025 г.).

habeas corpus, что способствовало расширению самостоятельности штатов в ряде вопросов, традиционно относившихся к федеральной юрисдикции. Во многом именно эти изменения, определившие направление эволюции судебной практики, получили дальнейшее развитие уже в период председательства Уильяма Ренквиста.

Если раньше деятельность «суда Уоррена» можно было охарактеризовать как своего рода «либеральный активизм», то при Бергере пришло время «прагматичного консерватизма». На практике это отражалось в следующем: расширительное толкование конституционных норм постепенно сужалось, многие вопросы передавались в ведение штатов с одновременным укреплением позиций правоохранительных органов. Условно, можно утверждать, что Бергер заложил основу такой политики, а Ренквист, опираясь уже на более консервативный состав, продолжал развитие данного курса. Во многом именно тогда оформилась та траектория, по которой Верховный суд страны двигался вплоть до конца столетия.

Методологическая основа исследования. В основу исследования положен *диалектический метод*. Его применение позволило рассмотреть развитие правовых позиций «суда Бергера» не как линейную эволюцию, а как движение, в котором сталкиваются разнонаправленные импульсы. Наиболее яркий материал зачастую мог быть представлен деятельностью самого Уоррена Бергера. К примеру, в деле *Roe v. Wade* (1973) Бергер голосует за легализацию абортов, однако спустя четыре года, в деле *Maher v. Roe* (1977), он отказывает в финансировании абортов через программу Medicaid. Диалектический подход помогает увидеть за этими внешне противоречивыми голосованиями не смену взглядов, а сложное устройство судебной философии, внутри которой с самого начала сосуществовали конфликтующие принципы.

Сравнительно-правовой метод позволил сопоставлять судебные решения Бергера с практикой как «суда Уоррена», так и последующего «суда Ренквиста». Использование такого метода дало возможность выявить

различия в толковании конституционных норм, в подходах к разрешению споров, а также в других аспектах конституционного права.

Цивилизационно-культурный подход позволил проанализировать воздействие социокультурного контекста 1970-х годов на решения Верховного суда США. В частности, рост консервативных настроений и влияние «холодной войны» на трактовку национальной безопасности могли непосредственно воздействовать на курс движения Суда в сторону «минимализма».

Юридико-догматический метод заложил основу текстуального анализа Конституции, судебных прецедентов и законов, которые использовались в практиках Верховного суда США.

Также в ходе исследования были использованы *формально-логические методы*, такие как анализ и синтез, индукция и дедукция.

При подборе и первичной систематизации научной литературы использовались два вспомогательных инструмента на основе искусственного интеллекта: *Elicit* и *Perplexity AI* с веб-доступом. Все выявленные сведения, фактические данные и библиографические описания в обязательном порядке подвергались последующей верификации посредством обращения к первоисточникам, что обеспечивало достоверность и научную обоснованность использованных материалов.

Нормативно-правовая и эмпирическая база исследования. Правовая и эмпирическая основа исследования включает законодательные и иные источники американского права. Среди них: Конституция США, федеральное статутное право, представленное в основном Кодексом законов США (*United States Code, U.S.C.*), президентские указы, постановления федеральных органов исполнительной власти, Кодекс федеральных нормативных актов (*Code of Federal Regulations, CFR*), своды статутного права штатов и ведомственных нормативных актов штатов, прецеденты американских судов различных инстанций, в частности, Верховного суда США.

Теоретическую основу диссертационного исследования составил комплекс фундаментальных и прикладных работ в области юриспруденции, истории и политической науки. Историко-правовой характер исследования обусловил необходимость глубокого погружения в историю права и государственно-правовых институтов. Для достижения цели исследования потребовалось привлечь широкий круг источников. Их можно условно разделить на несколько групп.

Во-первых, фундаментальные труды по теории государства и права, а также по конституционному и сравнительному праву. Эти источники задали общую методологическую рамку исследования. Во-вторых, специализированные исследования по истории права и судебных систем, прежде всего касающиеся Верховного суда США. В-третьих, работы по политической истории и институциональному развитию США – без них невозможно понять контекст, в котором формировалась судебная практика. Наконец, четвертую группу составили аналитические публикации практикующих юристов, которые смотрят на проблематику судебного процесса изнутри. Такой набор источников дал возможность не просто описать правовые явления, но и проследить их развитие, а также провести анализ конкретных прецедентов.

Научная новизна исследования определяется несколькими взаимосвязанными результатами. До сих пор в российской историко-правовой науке не проводилось комплексного исследования деятельности Верховного суда США под руководством Уоррена Бергера (1969–1986). Восполняя этот пробел, исследование показывает, как именно трансформировалась судебная практика под воздействием социально-политических вызовов того времени. Такой подход позволил зафиксировать уникальную черту «судебного прагматизма» Бергера: сочетание консервативной ориентации с поддержкой прецедентов, которые впоследствии легли в основу современных правовых дискурсов.

Другим важным аспектом является внедрение в российский научный оборот значительного массива решений Верховного суда США 1970–1980-х годов. Многие из этих прецедентов сохраняют свою актуальность для решения правовых коллизий по сей день. Это касается и баланса между свободой слова и национальной безопасностью, и проблемы пределов исполнительной власти. Сюда же относятся вопросы равной защиты прав и эволюция подходов к неприкосновенности частной жизни – тема, которая с развитием технологий становится только острее. Проведенный анализ дает основания утверждать: принципы, сформулированные «судом Бергера», и сегодня служат методологической основой при разрешении споров о границах вмешательства государства, об этнокультурном многообразии и о технологических вызовах праву.

На защиту выносятся следующие положения, обладающие признаками научной новизны:

1. Деятельность Верховного суда США под председательством Уоррена Бергера носила «переходный» характер, обусловленный не столько хронологическим положением, сколько трансформацией содержания судебной политики. Суд отошёл от либерального активизма предшественников, но ещё не пришёл к последовательному консерватизму. В диссертации обосновывается, что главная особенность Суда Бергера состояла в формировании институциональных предпосылок для постепенного пересмотра основных доктрин, что, как правило, выражалось в активном использовании консервативных принципов при формальном сохранении либеральных прецедентов.

2. В отношении Первой поправки практика «суда Бергера» не образовывала единой доктринальной линии: либеральные и консервативные подходы чередовались, не складываясь в целостную концепцию судебной политики. Если в первые годы его председательства Суд ещё не был последовательно консервативным и в деле New York Times Co. v. United States (о публикации документов Пентагона) либеральное большинство обеспечило

прессе существенные гарантии, то в делах, затрагивавших вопросы национальной безопасности, продолжала действовать традиционная доктрина явной и непосредственной опасности. Таким образом, в практике Суда можно было проследить два разнонаправленных импульса: стратегический (на ограничение судебного вмешательства) и ситуативный (зависевший от того, какая позиция получала большинство в конкретном голосовании). Именно это внутреннее напряжение во многом предопределило противоречивость деятельности Верховного суда США в рассматриваемый период.

3. В уголовно-процессуальной сфере политика Суда Бергера подчинялась устойчивой логике: либеральные стандарты предшествующего периода систематически пересматривались в сторону ограничения. Процессуальные нормы толковались всё более узко, круг гарантий для обвиняемых сокращался, а полномочия обвинения расширялись. Однако и эта линия не отличалась внутренним единством. Суд постоянно искал баланс между охраной индивидуальных прав и эффективностью правоприменительной деятельности, однако преимущество чаще оказывалось на стороне правоохранительных органов. Эта тенденция особенно заметна в делах, касающихся Четвёртой поправки, где формальные процедурные требования уступали место практической целесообразности, однако окончательного отказа от гарантий справедливого судопроизводства не произошло, так как Пятая и Шестая поправки продолжали задавать минимальный стандарт защиты.

Одновременно с этим пересматривались стандарты допустимости доказательств и критерии оценки эффективности защиты, активно применялась доктрина harmless error (безвредной ошибки), последовательно ограничивался доступ к федеральному пересмотру уголовных дел по habeas corpus. За этими изменениями стоял не ситуативный расчёт, а глубокий доктринальный сдвиг, который привёл к формированию компромиссной модели уголовного процесса, характерного для данного переходного периода.

4. Переходный характер «суда Бергера» также нашел свое отражение в делах о регуляторном изъятии (regulatory takings). В этой сфере произошел отход от формализованных критериев в пользу ситуативного взвешивания: частные имущественные интересы и публичные цели сопоставлялись применительно к конкретным обстоятельствам, на фоне постоянно расширяющегося государственного регулирования. Суду не удалось выработать единую доктринальную позицию, так как законодательство во многом оставалось фрагментированным, а социально-экономический контекст — динамичным. Тем не менее анализ рассмотренных дел показывает, что из этого разнородного материала постепенно сложилась определённая модель, основанная на принципе «разумного баланса». Она позволяла, не разрушая конституционный каркас, адаптировать его к давлению новых обстоятельств — урбанизации, экологическим кризисам, растущим социальным требованиям.

5. В исследовании выявлена закономерность, во многом определившая судьбу одного из самых резонансных решений Верховного суда США — Roe v. Wade (1973). Право на прерывание беременности было выведено Судом из расширительного толкования права на частную жизнь (privacy), однако прямых конституционных оснований для такой конструкции не было предусмотрено. Отсутствие прочного доктринального фундамента создавало предпосылки для последующего сужения этого права. Выбор в пользу доктрины неприкосновенности частной жизни в ущерб принципу равенства повлёк постепенное ослабление и в конечном счёте отмену прецедента.

6. В исследовании обоснована закономерность трансформации позиции Верховного суда США по религиозным вопросам: от изначально жёсткой позиции «никакой помощи» религиозным институтам — к более гибкой модели «нейтралитета». В судебных решениях значение придавалось не самому факту государственной поддержки, а её конечным целям, что

создало правовые основания для финансирования религиозных организаций, прежде всего в сфере образования.

7. В работе выявлены три устойчивых измерения трансформации судебного контроля Верховного суда США: институциональное (эволюция роли Суда), кризисно-стабилизирующее (способность Суда в кризисные периоды целенаправленно расширять судебный контроль и тем самым смягчать межвластные и социальные конфликты) и адаптационное. Последнее измерение заслуживает особого внимания, так как адаптация в рассматриваемы период шла двумя путями — через создание новых конституционных доктрин в процессе толкования, а также через расширение федерального контроля за судами штатов.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что ее выводы могут быть применены в будущих научных работах по истории государства и права, а также в сравнительном правоведении. Практическая ценность диссертации также обусловлена возможностью ее использования в современной судебной системе. Результаты исследования могут быть включены в учебную и методическую литературу, использоваться в лекционных курсах и на семинарах, а также в других образовательных и научно-исследовательских проектах.

Апробация результатов диссертационного исследования: диссертационное исследование прошло процедуру обсуждения на заседании кафедры теории права и государства Юридического института РУДН имени Патриса Лумумбы, где было рекомендовано к защите. Основные положения и выводы работы опубликованы в пяти научных статьях, четыре из которых – в журналах из Перечня ВАК при Минобрнауки России.

Отдельные результаты докладывались на международных научных мероприятиях. В их числе XXXVII Международные Плехановские чтения (РЭУ имени Г. В. Плеханова), где автор выступил с докладом об оригиналистском подходе в судебной практике Верховного суда США.

Публикационная активность и обсуждение работы на представительных научных форумах дают основания говорить о том, что ее теоретические и прикладные выводы получили определенное признание в профессиональном сообществе.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения.

ГЛАВА 1. Верховный суд США: между правом и усмотрением

1.1 Реализация судебного контроля в практике Верховного суда США: институциональные рамки и процессуальные инструменты

Идея создания надзорного органа, контролирующего соблюдение верховенства права, берет свое начало из правовой практики Англии конца XVI–XVII веков. Для осуществления конституционного надзора был создан специальный орган, называвшийся Тайным советом. Именно в рамки полномочий этого органа входил надзор за соответствием подзаконных актов вышестоящим нормам. Основными законами для Англии были «Петиция о праве» (1628), «Акт о лучшем обеспечении свободы подданного» (1679) и «Билль о правах» (1689). Ввиду отсутствия писаной конституции эти акты выполняли роль нормативных ориентиров английской государственно-правовой традиции. Деятельность Тайного совета ориентировалась именно на эти законы, и они формировали предпосылки для последующего развития правового контроля. Если сравнить английскую модель с американской, то она была тесно связана с парламентским суверенитетом и исключала возможность судебного оспаривания законов, что было не характерно для правовой конструкции, сформировавшейся впоследствии в США. Несмотря на то, что американская модель заимствовалась из английской, ее путь был весьма самостоятельным. В частности, принятие Конституции 1787 года стало отправной точкой для институционализации судебного надзора в его современном понимании.

Предпосылки формирования судебного конституционного надзора берут свое начало еще до 1787 года. Принятие резолюции Континентального Конгресса от 10 мая 1775 года закрепило за колониями право автономно формировать собственные органы власти. Данная резолюция не

предусматривала создания централизованного судебного органа, тем не менее именно с этого документа началось формирование основы федерализма. Когда штаты выработали собственные механизмы правового регулирования, позже их интегрировали в единую конституционную парадигму. Важно отметить, что практика осуществления судебного надзора началась именно в рамках отдельных колоний. Например, учредительный акт Северной Каролины прямо закреплял право граждан на судебное оспаривание действий исполнительной власти, что послужило историческим прообразом современного судебного контроля[32]. Другим примером могут стать судебные решения в штате Северной Каролины[33], где суд оценивал законодательство с точки зрения его соответствия высшим правовым нормам. Эти примеры свидетельствуют о постепенном формировании института судебного надзора в американской правовой системе и опровергают тезис о том, что он возник исключительно по инициативе федеральной судебной системы. Таким образом, фундаментальные признаки американской модели конституционного надзора отличались от английской модели тем, что в ней судебная защита конституционных прав граждан предусматривалась в качестве ключевого института правовой системы.

Ввиду того, что Конституция 1787 года была первым нормативным актом в качестве Основного закона в современном его понимании, она имела много пробелов в плане формирования государственного механизма и распределения полномочий между ветвями власти. В частности, эти пробелы

---

[32] Хусаинова А. В. Становление и развитие североамериканской модели судебного конституционного контроля // Интерактивная наука. 2018. № 7 (29). С. 76–78.

[33] Решения Верховного суда Род-Айленда // JUSTIA US Law. URL: https://law.justia.com/cases/rhode-island/supreme-court/ (дата обращения: 22.01.2024).

После Американской революции власти Северной Каролины конфисковали имущество лоялистов, хотя Парижский мирный договор 1783 года требовал его возврата. Когда местные законы запретили судам рассматривать иски лоялистов, это привело к конфликту с конституционными нормами штата. Ярким примером стало дело Баярд против Синглтона (1787), где Суд впервые четко заявил: законы, противоречащие Конституции, не могут применяться.

Это решение стало важным шагом в развитии конституционного надзора в США. Оно показало, что суды могут отменять законодательные акты, если те нарушают основные законы. Подобные прецеденты на уровне штатов заложили основы для будущей федеральной системы судебного контроля, окончательно утвержденной Верховным судом США. Так, локальные споры о собственности превратились в ключевой принцип американского права – верховенство Конституции над обычными законами.

явно отражались в Статье III, которая указала лишь учреждение Верховного суда страны и делегировала вопросы компетенции и порядка взаимодействия ветвей власти дальнейшему развитию судебной практики[34]. В результате именно интерпретационная деятельность самих судебных органов привела к постепенному, ситуативному расширению их полномочий далеко за рамки первоначальных буквальных формулировок закона. Тем не менее реформа органов правосудия берет свое начало именно с принятия Конституции, которая закрепила приоритет федерального права над законодательством штатов. В рамках Статьи III документа были впервые определены основы федеральной судебной системы. Ключевые полномочия передавались Верховному суду и тем нижестоящим инстанциям, которые Конгресс мог учреждать по своему усмотрению[35].

Во исполнение этих положений Закон о судоустройстве 1789 года оформил трехуровневую систему правосудия и зафиксировал первоначальную численность Верховного суда США в составе шести судей. За этими преобразованиями стояла своя логика, и она вытекала из предшествующего опыта. До определенного момента принцип верховенства Основного закона проводился в жизнь фрагментарно – через локальные прецеденты, которые разные штаты вырабатывали независимо друг от друга. Перелом состоялся тогда, когда данный процесс обрел единую федеральную рамку. Именно эта рамка и обеспечила нормативную базу для последовательной защиты конституционных устоев уже не на уровне отдельных штатов, а в масштабе всей страны.

Специфика конституционно-правового статуса органов правосудия в системе государственного управления долгое время предопределялась отсутствием однозначного нормативного регулирования. Подобная неопределенность, усугублявшаяся постоянными дискуссиями о пределах

[34] Берлявский Л. Г. Классификация теорий конституционной интерпретации в США // Известия высших учебных заведений. 2015. № 2 (319). С. 64–87.

[35] Конституция с комментариями // Конституции Соединенных Штатов Америки: анализ и толкование. URL: https://constitution.congress.gov/constitution/ (дата обращения: 17.01.2024).

легитимности судебных решений, а также прямой зависимостью судов от ресурсного обеспечения со стороны иных ветвей власти, объективно сужала реальный потенциал судебной системы на ранних этапах.

В издании «*The Federalist*» (*J. and A. McLean*) обосновывался тезис об особой природе судебной власти в системе разделения властей. В этой классической триаде именно судебная ветвь по причине своих функциональных ограничений в наименьшей степени способна посягать на конституционно-политические права граждан, поскольку механизмы для их системного нарушения у нее фактически отсутствуют[36].

В отличие от других ветвей власти, исполнительная власть обладает как символическими рычагами влияния, так и реальными инструментами принуждения, а законодательная власть контролирует финансовые потоки и обладает нормотворческой монополией, устанавливая правовые рамки для всех граждан. Судебная же власть лишена инструментов силового воздействия (не управляет силой общества), экономических рычагов (не контролирует богатство) и инициативных полномочий (не может принимать активных мер). Ее сущность сводится исключительно к оценочной функции, а практическая реализация решений требует организационной поддержки исполнительных структур.

Верховный суд США исторически взял на себя функцию конституционного надзора, что позволило не только укрепить легитимность Основного закона страны, но и обеспечить его верховенство в правовой системе. Для эффективной защиты Конституции требовался независимый институт, способный выявлять нарушения и привлекать к ответственности тех, кто посягает на ее нормы. Эту миссию естественным образом взяла на себя судебная власть, которая благодаря своей нейтральности и беспристрастности идеально подошла для роли арбитра в спорных правовых вопросах.

---

[36] The Federalist No. 78, [28 May 1788] // National Archives. URL: https://founders.archives.gov/documents/Hamilton/01-04-02-0241 (дата обращения: 24.06.2025).

Осуществление функции судебного контроля в значительной степени усилило авторитет и легитимность Верховного суда США в системе разделения властей. Однако расширение судебных прерогатив породило серьезные дискуссии между «федералистами» и «антифедералистами». Первые поддержали данную тенденцию и выступали за сильную центральную власть и гибкое применение конституционных норм. Вторые, наоборот, выступали против и опасались того, что чрезмерное расширительное толкование норм Конституции может нанести ущерб буквальному тексту закона. В результате становление конституционного надзора и расширительное толкование норм Конституции по усмотрению Суда породило долгосрочные дискуссии о пределах компетенции судебной власти.

На начальном этапе своего существования Верховный суд США не обладал современным уровнем влияния. Как отмечает Е. А. Агеева, в первые годы функционирования судебная ветвь власти не имела высокого престижа в кругах политической элиты. Наглядным свидетельством такого положения дел является решение первого председателя Верховного суда Джона Джея покинуть свой пост ради должности губернатора Нью-Йорка. Судебные органы во многом воспринимались как преемники колониальной эпохи, а сами конституционные формулировки об их прерогативах оставались слишком общими[37].

В ходе дальнейшего развития американского государства роль судебной власти изменилась. По оценке исследователей, в числе которых В. В. Лузин и французский правовед Л. Фавье, именно судебная система превратилась в действенный инструмент сдерживания законодательной и исполнительной ветвей власти в США. Этот процесс активизировался после Второй мировой войны, когда на фоне усложнения общественных отношений началось формирование специализированных органов конституционного контроля.

[37] Агеева Е. А. Деятельность Верховного Суда США под председательством Э. Уоррена, 1953–1969 гг.: историко-правовое исследование: дис. канд. юр. наук: 12.00.01. Белгород, 2009. 167 с.

Подобная эволюция позволила судебной власти существенно укрепить свои позиции в системе сдержек и противовесов[38].

Конституционный надзор в США складывался в условиях острой межведомственной и политической конкуренции. Г. Г. Арутюнян, анализируя этот процесс, связывает переход к централизованной модели контроля с исчерпанием возможностей традиционного судебного механизма. Старый порядок, при котором Суд разбирал отдельные дела, перестал успевать за запросами динамичного общества. На этот переход накладывалось непрерывное соперничество государственных органов. Каждый стремился расширить свою компетенцию. Арутюнян делает следующий вывод: в системе сдержек и противовесов борьба за полномочия между ветвями власти сама превратилась в основной фактор нестабильности. Парадоксальным образом именно в этих турбулентных условиях Верховный суд смог последовательно отвоевать себе право окончательного толкования Конституции. Это право, в свою очередь, поставило его в совершенно особое положение внутри всей конструкции государственного управления[39].

Дело *Marbury v. Madison* (1803) принято считать моментом, когда американское правосудие обрело новый уровень. Опираясь на принцип верховенства Конституции, Верховный суд США по собственной инициативе присвоил себе полномочие, которого прежде в таком явном виде не существовало, – право конституционного контроля. Этот шаг трудно переоценить. До прецедента *Marbury* судебная власть была прежде всего арбитром в конкретных спорах, теперь же она получила инструмент, позволяющий влиять на само содержание правового регулирования через признание законодательных актов неконституционными. Фактически возник механизм, ограничивающий законодателя, а судебная ветвь заняла принципиально иное место в системе разделения властей. Суды перестали

---

[38] Лузин В. В. Принцип разделения властей как основа конституционализма. Сравнительное исследование на примере США, Великобритании и Франции. Н. Новгород, 1997. С. 56.

[39] Арутюнян Г. Г. Конституционный Суд в системе государственной власти (сравнительный анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1999. С. 13.

быть только правоприменителями. Они стали частью процесса формирования правового поля страны и включились не как политический игрок, а как гарант незыблемости конституционных норм. В этом, быть может, и состоит главный итог дела *Marbury*. Судебная власть получила не просто новое право, а новую роль, которая с тех пор определяет всю архитектуру американского конституционного порядка.

Значение данного судебного решения лежит не столько в сфере формального декларирования надзорных полномочий, сколько в изменении самих подходов к осмыслению роли органов правосудия. Фактически Верховный суд США пересмотрел подход к реализации своих функций в условиях, когда конституционные рамки его компетенции оставались неопределенными. В итоге дело *Marbury* трансформировало представление о судебной философии. Верховный суд от пассивного толкования законов перешел к активному участию в формировании правового поля. Особенно показательно, что такая метаморфоза произошла через внутреннюю судебную инициативу, а не в результате прямого конституционного предписания. В результате была создана прецедентная модель, где судебная власть сама определяла границы своего влияния в системе сдержек и противовесов.

В научной литературе прецедент *Marbury v. Madison* (1803) продолжает вызывать дискуссии среди правоведов. Как отмечает американский юрист и политик Мэтью Уитакер, с момента вынесения решения в 1803 году существовали различные подходы к его интерпретации – от буквального до расширительного понимания. Главный судья Маршалл в своем решении делал акцент на положениях Статьи III Конституции, которая, по его мнению, неявно наделяла Верховный суд США правом проверять соответствие законов Конституции страны. Особое внимание он уделил самому факту существования писаной конституции, утверждая, что основатели не могли

допустить приоритета обычных законов над основополагающим документом[40].

Однако существуют альтернативные трактовки конституционных положений. Ряд ученых полагает, что Статья III прямо не предусматривала за сулом полномочий по признанию законов неконституционными, а лишь позволяла федеральным судам разрешать споры на основании конституционных норм[41]. Даже сторонники этой концепции признают значительную, хотя и не исключительную, роль судебной власти в сфере конституционного контроля.

Решение по делу *Marbury v. Madison* (1803) не просто вошло в учебники – оно задало логику развития американской правовой системы на десятилетия вперед. Главный судья Маршалл выстроил аргументацию вокруг простого, но сильного тезиса: суд не может и не должен применять законодательные акты, если они противоречат Конституции. Из этого следовало, что судебная власть вправе такие акты признавать недействительными. По сути, это было нормативное утверждение принципа конституционного верховенства и одновременно перераспределение полномочий между ветвями власти. Реакция не заставила себя ждать. Президент Джефферсон увидел в решении Маршалла прямую угрозу: по его мнению, исполнительная власть столкнулась с попыткой суда узурпировать исключительное право толковать Конституцию[42]. Для Джефферсона это был опасный прецедент – не просто конкретный спор, а шаг к судебному всевластию. Так, собственно, и началась та длительная дискуссия о границах конституционной интерпретации, которая продолжается по сей день. Дело *Marbury*, при всем своем значении, не закрыло

[40] Комментарии Уитакера по делу «Марбери против Мэдисона»: абсурд или в рамках основного течения? // University of Cincinnati Law Review. URL: https://uclawreview.org/2019/01/26/whitakers-comments-on-marbury-v-madison-absurd-or-within-the-mainstream/ (дата обращения: 25.06.2025).

[41] Там же.

[42] «Толкование закона – это прерогатива и обязанность судебной власти» // Хранитель: медиапортал о безопасности. URL: https://psj.ru/nb-arhiv/tendentsii/72240-tolkovanie-zakona-eto-prerogativa-i-obyazannost-sudebnoj-vlasti.html (дата обращения: 25.06.2025).

вопрос о балансе между ветвями власти – оно его вскрыло и вывело на поверхность.

Прецедент 1803 года показал, что конституционные нормы можно толковать расширительно, не привязываясь к букве Основного закона, и это открывало перед Верховным судом совершенно новые горизонты. В дальнейшем Суд получил правовую основу для последующего утверждения принципа конституционного верховенства в судебной практике. Следующий крупный шаг был сделан в деле *McCulloch v. Maryland* (1819). Здесь Джон Маршалл вновь повел Суд за собой и сформулировал доктрину, которая во многом определила архитектуру американского федерализма. В своем вердикте он подтвердил конституционность создания национального банка, опираясь на доктрину «подразумеваемых полномочий», согласно которой федеральное правительство вправе действовать не только в строго перечисленных Конституцией рамках. Одновременно Суд поставил заслон попыткам штатов вмешиваться в деятельность федеральных институтов через налоговые рычаги – и здесь опорой послужило положение о верховенстве федерального права[43].

Решение по делу *McCulloch* изменило сам баланс американского федерализма. Центральное правительство укрепилось, особенно в экономической сфере, а принцип федерального верховенства приобрел значение базового элемента в отношениях центра и штатов. Кроме того, прецедент *McCulloch* окончательно закрепил за Верховным судом право последнего слова в конституционной интерпретации. Именно в рамках этих прецедентов был создан юридический фундамент, на котором впоследствии выстраивалась вся эволюция судебной системы.

Полномочия Верховного суда США не ограничивались только осуществлением функции конституционного надзора. В процессе развития федеральной юрисдикции высшая судебная инстанция расширяла сферу

[43] McCulloch v. Maryland, 17 U.S. 316 (1819) // Justia U.S. Supreme Court URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/17/316/ (дата обращения: 26.06.2025).

своего влияния, включив в компетенцию надзор за решениями судов штатов. Прецедентом в этом отношении стало дело *Martin v. Hunter's Lessee* (1816), в котором был подтвержден принцип верховенства федерального законодательства над правовыми актами штатов. В данном решении Верховный суд США установил правовой механизм, позволяющий отменять решения судебных органов штатов в случае их противоречия федеральным законам[44]. Этот вердикт определил границы компетенции региональных властей, обозначив пределы их юрисдикции в вопросах, выходящих за рамки территориальных образований. Тем самым обеспечивалось единообразное применение федерального права на территории страны.

Позиция судьи Джозефа Стори по делу *Martin v. Hunter's Lessee* (1816) сыграла важную роль в укреплении федеральной судебной системы. В своем решении Стори настаивал на необходимости единообразного толкования федерального законодательства, подчеркивая, что интерпретации Верховного суда США имеют приоритет над трактовками судов штатов. Данный подход был призван обеспечить единообразие правоприменительной практики и правовую определенность на всей территории страны[45].

Решение по делу *Martin* стало важным этапом в укреплении федеральной судебной власти. Судья Джозеф Стори построил свою аргументацию на последовательном отрицании доктрины прав штатов, которую отстаивал Верховный суд штата Вирджиния. В позиции вирджинских судей ему виделось опасное возрождение антинационалистических настроений – тех самых, что десятилетием ранее, во время войны 1812 года, уже использовались радикальными федералистами для подрыва авторитета центра. Стори не просто отверг конкретные доводы оппонентов, он объявил несостоятельной саму теорию сохранения суверенных прав штатов в рамках федерального союза. В противовес был утвержден принцип верховенства

[44] Martin v. Hunter's Lessee, 14 U.S. 304 (1816) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/14/304/ (дата обращения: 26.06.2025).

[45] Там же.

федеральной юрисдикции. Практическим результатом стало закрепление обязательности решений Верховного суда США для всех судебных инстанций, как федеральных, так и на уровне штатов. Это существенно расширило возможности высшей судебной инстанции по пересмотру дел, рассмотренных в судах штатов, и способствовало складыванию единообразной практики применения федерального права.

Вместе с тем дело *Martin v. Hunter's Lessee* не разрешило всех противоречий. Принцип федерального верховенства был подтвержден, но вопрос о конкретных механизмах взаимодействия между центром и штатами остался открытым. Сохранялась правовая неопределенность относительно четкого разграничения компетенций. Федеральные органы получили полномочия пересматривать решения судов штатов – это стало неоспоримым фактом, тогда как местные власти по-прежнему стремились к сохранению собственной автономии в правоприменительной сфере. По существу, прецедент *Martin* обозначил общее направление движения, но не дал детальной карты. Выработка конкретных процедур и механизмов взаимодействия растянулась на десятилетия и сопровождалась постоянным напряжением между двумя уровнями юрисдикции.

Спор о пределах федеральной юрисдикции, едва наметившийся в деле *Martin*, получил продолжение в деле *Cohens v. Virginia* (1821). Здесь Джон Маршалл сделал еще один шаг в том же направлении, на этот раз распространив федеральный пересмотр на уголовные дела. Он обосновал, что если дело, рассмотренное судом штата, затрагивает федеральное законодательство или конституционные права, Верховный суд вправе вмешаться. Опора нашлась в Статье III Конституции, и Маршалл особенно настаивал на том, что без единообразного толкования федеральных норм вся конструкция теряет смысл. Суд ясно осознавал опасность множественных интерпретаций Основного закона. Если каждый штат получит право самостоятельно решать, где проходят границы федерального права, ни о каком единстве правового поля говорить не придется. Вслед за этим пострадали бы

и торговые отношения, и политическая стабильность, которая обеспечивала функционирование США как единого пространства. В этом смысле дело *Cohens* было не просто судебным решением, а важным элементом государственного строительства. Маршалл последовательно превращал Верховный суд в институт, способный удерживать правовой каркас федерации от расползания по швам.

Правовые позиции Верховного суда США по делу *Cohens v. Virginia* (1821) оказали существенное влияние на развитие американского федерализма, определив характер разграничения полномочий между штатами и федеральной властью. Джон Маршалл, формулируя позицию Суда, опирался на представление о том, что сам акт ратификации Конституции означал добровольную передачу штатами части суверенитета[46]. В этом, по мысли Маршалла, и заключалась суть американской модели федерализма, который основывался на сознательном самоограничении штатов, признавших приоритет общегосударственных институтов. Впоследствии именно этот подход лег в основание интерпретации Десятой поправки, очертившей нормативные границы между предметами ведения федерации и компетенцией штатов. Прецедент *Cohens*, таким образом, дал не просто решение по конкретному эпизоду, а цельную теорию федеративных отношений, в которой центр и штаты не противопоставлены друг другу, а связаны общим конституционным обязательством.

Не менее значимым был и институциональный аспект прецедента. Верховный суд не ограничился тем, что воспроизвел логику дела *McCulloch v. Maryland*, где уже утверждался приоритет федеральных законов. В деле *Cohens* он пошел на принципиальное расширение собственных полномочий, закрепив практику *selective review* – выборочного пересмотра уголовных дел, прошедших через суды штатов. За этим стоял вполне прагматический расчет. Только располагая таким инструментом, Суд мог реально влиять на

[46] Cohens v. Virginia, 19 U.S. 264 (1821) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/19/264/ (дата обращения: 27.06.2025).

единообразие правоприменения в масштабах страны. Без *selective review* любой разговор о верховенстве федерального права повисал в воздухе, поскольку у центра попросту не было рычагов, позволяющих корректировать судебную практику на местах. Прецедент *Cohens* такие рычаги создал, и с этого момента судебный контроль над штатами приобрел не декларативный, а вполне рабочий характер.

Расширение полномочий Верховного суда США было тесно переплетено с кризисными периодами американской истории. Именно в такие моменты, когда политическая система испытывала перегрузки, Суд получал возможность сделать очередной шаг вперед. При Маршалле в условиях острого противостояния федерального центра и штатов, таким шагом стало закрепление права окончательного толкования Конституции. С этого рубежа началось последовательное расширение практики конституционного контроля, охватывавшей все более широкий массив законодательных актов и судебных решений. То, что поначалу выглядело как смелый прецедент, постепенно превращалось в рутинный, но чрезвычайно влиятельный инструмент судебной власти.

Параллельно шел другой процесс. Федеративная система эволюционировала в сторону централизации, и для региональных элит все острее вставал вопрос о сохранении автономии. Верховный суд оказался в эпицентре этого напряжения. Он не мог просто встать на чью-либо сторону, его задача состояла в том, чтобы через конкретные решения удерживать баланс между интересами центра и правами штатов. Со временем судебный контроль вышел за первоначальные рамки проверки нормативных актов. К XX веку его логика распространилась и на действия высших должностных лиц. Теперь перед Судом стоял вопрос не только о том, соответствует ли закон Конституции, но и о том, соответствуют ли ей действия тех, кто этим законом должен руководствоваться.

Пожалуй, самым ярким подтверждением этой новой роли Суда стало дело *United States v. Nixon* (1974). Уоррен Бергер, возглавлявший тогда

Верховный суд, обязал главу государства подчиниться законным требованиям, и это был не просто очередной прецедент, а прямая проверка того, способна ли судебная власть контролировать исполнительную в рамках конституционного порядка. Особую остроту ситуации придавало то, что Бергер был назначен на должность именно тем президентом, чьи действия теперь оказались предметом разбирательства. Итоговый вердикт подтвердил институциональную независимость судебной власти в системе сдержек и противовесов. Решение по делу *Nixon* в этом смысле стало кульминацией длительного процесса, в ходе которого Суд шаг за шагом расширял зону своей компетенции, пока не добрался до самого верхнего уровня.

Но эта кульминация произошла не в вакууме. Начало 1970-х годов было временем, когда внутриполитический кризис в США достиг опасного накала, а общественное доверие к федеральным институтам упало до рекордно низких отметок. Еще до Уотергейта страну всколыхнули два события. Публикация «Документов Пентагона» вскрыла системное искажение администрацией сведений о целях и масштабах вьетнамской войны[47]. А расстрел демонстрантов в Кентском университете – инцидент, при котором национальные гвардейцы применили оружие против собственных граждан, – вызвал резкую эскалацию протестных настроений по всей стране. На этом взрывоопасном фоне Уотергейтский скандал стал уже не просто политическим кризисом, а экзистенциальным тестом для всей системы разделения властей. И Верховный суд этот тест выдержал.

При рассмотрении дела *United States v. Nixon* (1974) Верховный суд США обратился к определению пределов исполнительной привилегии. Председатель Верховного суда Уоррен Бергер, несмотря на свое назначение действующим президентом, сформулировал правовую позицию, основанную на приоритете принципа верховенства права. В решении указывалось, что конституционные гарантии справедливого правосудия, закрепленные в Пятой

[47] United States v. Nixon (1974) // Infoplease. URL: https://www.infoplease.com/us/government/judicial-branch/united-states-v-nixon-1974 (дата обращения: 27.06.2025).

и Шестой поправках, обладают приоритетом перед президентской привилегией конфиденциальности. Верховный суд установил, что статус главы исполнительной власти не может служить основанием для создания препятствий в ходе расследования уголовных дел.

Итоговый вердикт повлек за собой прямые политико-правовые последствия: спустя несколько дней Судебный комитет Палаты представителей начал процедуру импичмента, что вынудило Ричарда Никсона подать в отставку 9 августа 1974 года. Данный прецедент не просто подтвердил эффективность системы сдержек и противовесов, но и продемонстрировал самостоятельность судебной власти в условиях острого государственного кризиса.

Судебный контроль в американской системе не сводится к одной лишь проверке актов на конституционность. Параллельно идет процесс, который можно назвать судебным нормотворчеством. Толкование норм Конституции, предложенное Верховным судом, приобретает обязательную силу, и выработанные им правовые доктрины становятся ориентирами для всех нижестоящих судов. По существу, Суд не просто применяет право, но и формирует его. Наглядной иллюстрацией служит дело *Bolling v. Sharpe* (1954). В этом деле Верховный суд, опираясь на Пятую поправку и закрепленную в ней «надлежащую правовую процедуру», распространил запрет дискриминации на федеральный округ Колумбия[48]. Примечательно, что прямого текстуального упоминания данного принципа в указанной норме нет. Прецедент наглядно демонстрирует, как судебное толкование способно расширять содержание правовых гарантий даже там, где буква закона молчит. Другой вопрос, что сама категория «надлежащей правовой процедуры» до сих пор вызывает доктринальные споры, и единого мнения о ее пределах в американской юриспруденции не сложилось.

[48] Bolling v. Sharpe, 347 U.S. 497 (1954) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/347/497/ (дата обращения: 30.06.2025).

В этом контексте особое значение приобретает принцип *stare decisis*. Он требует от судов уважать ранее принятые решения, обеспечивая тем самым стабильность правоприменительной практики. Но что делать, когда стабильность входит в конфликт с необходимостью адаптировать конституционный текст к меняющимся социальным условиям. Классическая доктрина настаивает на устойчивости, тогда как динамика общественных отношений и институциональные сдвиги требуют гибкости. Противоречие это не академическое, а вполне практическое. Достаточно сказать, что в 2022–2023 годах Верховный суд под председательством Джона Робертса пересмотрел более двадцати собственных правовых позиций[49]. Такого показателя американская судебная система не видела десятилетиями. Фактически мы наблюдаем момент, когда баланс между устойчивостью и адаптивностью начал смещаться, и последствия этого смещения еще предстоит осмыслить.

Чем активнее Суд пользуется механизмом судебного пересмотра, тем выше риски размывания правовой определенности. Это оборотная сторона гибкости, которую дает *judicial review*. И все же, отменяя прежние прецеденты, Верховный суд не ослабляет свои позиции в институциональном плане, а скорее подтверждает свой статус окончательного интерпретатора Конституции. Дело *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization* (2022), отменившее прецедент *Roe v. Wade*, возможно, самый яркий тому пример. Оно показало, что смена персонального состава Суда может привести к пересмотру даже тех доктрин, которые прежде выглядели нерушимыми. Это возвращает к вопросу о критериях судейского усмотрения. В связи с этим все острее встает вопрос о том, какими критериями должно руководствоваться судейское усмотрение. Пока эти критерии не определены, правовая система будет существовать в режиме постоянного напряжения между стабильностью и обновлением.

[49] Supreme Court cases, October term 2022-2023 // Ballotpedia. URL: https://ballotpedia.org/Supreme_Court_cases,_October_term_2022-2023 (дата обращения: 30.06.2025).

Внутри самого Верховного суда эта дилемма осознается, причем довольно остро. Джон Робертс, возглавляющий Суд, не раз говорил о значении единогласных решений. По его убеждению, именно они работают на укрепление общественного доверия к судебной системе. Елена Каган смотрит на проблему с другой стороны. Она предупреждает, что если пересмотр устоявшихся прецедентов станет слишком частым и будет следовать за каждой сменой состава Суда, легитимность самого института может пошатнуться. Робертс и сам понимает эту опасность. Еще в 2006 году, только начиная председательство, он подчеркивал, что коллеги осознают необходимость беречь авторитет Суда при обновлении судейского корпуса. «Мы не хотим создавать впечатление, что судебная доктрина меняется исключительно из-за смены судей»[50]. За этими словами стоит больше, чем забота о репутации. Это признание того, что преемственность – это не просто юридическая традиция, а условие, без которого судебная власть рискует утратить свой главный ресурс – доверие к ее решениям.

Приведенные выше оценки – лишь часть более широкой дискуссии о том, где проходят границы судейского усмотрения. Сама по себе функция *judicial review* дает правовой системе необходимую гибкость, позволяя отвечать на новые вызовы. Но когда Суд слишком далеко отходит от принципа *stare decisis*, возникает другая крайность: право теряет предсказуемость. В последние годы эта дилемма обострилась. Верховный суд стал заметно чаще пересматривать собственные решения, и это породило споры о том, насколько глубоко политические факторы проникают в судебную практику.

О масштабе явления можно судить по цифрам. За два с лишним века – с 1803 по 2024 год – Верховный суд полностью или частично признал неконституционными 984 акта Конгресса и легислатур штатов. Но темп этой работы никогда не был равномерным. С 1803 по 1850 год Суд отменил лишь 25 законов. К концу XIX века счет пошел на сотни: за 1851–1900 годы – 155

[50] John Roberts’s Early Supreme Court Agenda: A Study in Disappointment // The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2022/11/21/us/politics/john-roberts-supreme-court.html (дата обращения: 30.06.2025).

решений. В первой половине XX века (1901–1950) – уже 292 случая. А пик пришелся на вторую половину столетия: с 1951 по 2000 год Суд признал неконституционными 426 законодательных актов[51]. Для сравнения: с 2001 по 2024 год таких решений набралось всего 86. Кривая судебного активизма сначала резко пошла вверх, а затем столь же заметно упала.

Научная литература предлагает разные ключи к интерпретации этой динамики. Одна группа исследователей настаивает на том, что Верховный суд чувствителен к электоральным циклам и колебаниям общественных настроений[52,53]. Другая – не менее убежденно доказывает обратное, ссылаясь на конкретные дела, в которых Суд занимал позицию, не совпадавшую ни с общественным мнением, ни с курсом других ветвей власти[54,55]. Истина, скорее всего, лежит где-то посередине, но сам факт поляризации мнений говорит о том, насколько сложен этот институт.

Современный этап, начинающийся примерно с 1990-х годов, отмечен общей тенденцией к снижению судебного активизма. Верховный суд все чаще прибегает к доктрине «политических вопросов», используя ее как инструмент самоограничения. Суд просто отказывается вторгаться в сферы, которые считает компетенцией политических ветвей власти. Это существенно отличается от «судебной революции» середины XX века, когда Верховный суд активно формировал правовую повестку и не уклонялся от острых

---

[51] Table of Laws Held Unconstitutional in Whole or in Part by the Supreme Court // Constitution of the United States of America: Analysis and Interpretation. URL: https://constitution.congress.gov/resources/unconstitutional-laws/ (дата обращения: 30.06.2025).

[52] Фридман Б. Воля народа: Как общественное мнение влияло на Верховный суд и формировало значение Конституции / Пер. с англ. Нью-Йорк. : Farrar, Straus and Giroux, 2009. С. 312. «Суд редко идет против преобладающего мнения большинства. Однако решение по делу «Браун против Совета по образованию» (1954) оказалось успешным, так как отношение к расе уже начало меняться в обществе».

[53] Эпштейн Л., Найт Дж. Выбор, который делают судьи: стратегическое поведение в Верховном суде / Пер. с англ. М.: CQ Press, 1998. С. 67. «Судьи могут изменять свои решения, чтобы не допустить отмены решений Конгресса или негативной реакции общественности в случаях, когда их предпочтения противоречат предпочтениям избранных ветвей власти».

[54] Маршалл Т. Р. Общественное мнение и Верховный суд / Пер. с англ. Бостон. : Unwin Hyman, 1989. С. 112. «Решения, подобные делу «Браун против Совета по образованию» (1954 г.), изначально столкнулись с 70% неприятием на Юге, но Суд отказался отступать».

[55] Скалия А. О вопросах интерпретации: Федеральные суды и закон / Пер. с англ. Вашингтон. : Princeton University Press, 1997. С. 22–40. «Судьи должны придерживаться буквы закона, а не общественных ожиданий. Конституция − это не гибкий документ, и ее нормы не должны искажаться ни при каких обстоятельствах».

конфликтов. Сегодняшняя сдержанность – это не признак слабости, а скорее сознательный выбор иного стиля судебного поведения. Но насколько устойчивым окажется этот выбор, покажет только время.

Преемственность подходов к конституционному толкованию, которую демонстрирует Верховный суд США, уходит корнями в историческое противостояние федералистов и антифедералистов. Первые отстаивали необходимость гибкой адаптации Основного закона. Вторые опасались, что гибкость обернется забвением первоначального смысла. Это противоречие никуда не исчезло, оно и сегодня задает рамку для дискуссий о пределах судебной власти. Сама же эволюция подходов Верховного суда представляет собой не линейное восхождение к какой-то единственно верной доктрине, а скорее реакцию на подвижки социально-политического ландшафта. Исторический анализ показывает одну устойчивую закономерность: судебное толкование Конституции активизируется именно тогда, когда общество ждет правовых перемен, а законодательная и исполнительная власть по тем или иным причинам не могут на эти запросы ответить. В такие моменты Верховный суд берет инициативу на себя. Немалую роль здесь играет и смена правовых взглядов внутри самого судейского корпуса. Достаточно вспомнить, как либеральный курс Суда Уоррена сменился консервативными тенденциями при Бергере.

У таких перемен есть своя цена. Когда новые интерпретации Конституции вступают в конфликт с привычными общественными практиками, возникают правовые коллизии. Решения последних лет по вопросам абортов (*Dobbs v. Jackson*), избирательных прав (*Shelby County v. Holder*) и позитивных действий (*Students for Fair Admissions v. Harvard*) – это не просто страницы судебной хроники, а иллюстрации того, как работает данный механизм. В каждом из этих дел правовые воззрения судей, сформированные конкретным историческим контекстом, приводили к изменению содержания конституционных доктрин. Подобная динамика высвечивает глубинное свойство судебного контроля. Состав Верховного суда

меняется, поколения судей сменяют друг друга, и вместе с ними могут пересматриваться правовые позиции, которые прежде считались устоявшимися. В этом нет ничего аномального – это заложено в самой природе института. Но именно поэтому изучение полномочий Верховного суда в сфере нормоконтроля с необходимостью требует анализа субъективных факторов судейского усмотрения. От того, как эти факторы взаимодействуют с меняющимися общественными отношениями, зависит формирование правовых позиций, определяющих судьбу конституционного правосудия.

1.2 Судейское усмотрение как фактор формирования конституционно-правовой доктрины

Положение Верховного суда США внутри системы разделения властей отличается одной принципиальной особенностью. Высшая инстанция не просто применяет право, она во многом определяет направление, в котором движется вся правовая система страны. Полномочия конституционного контроля дают Суду возможность напрямую влиять на развитие конституционно-правовых принципов. И происходит это не в академической тишине, а в ходе разрешения реальных, общественно значимых конфликтов, где ставки зачастую предельно высоки. Такая роль исключает автоматическое, бездумное применение нормативных предписаний – она требует от судейского корпуса постоянного внимания к социальному контексту и способности предвидеть правовые последствия собственных решений. Именно здесь и возникает проблема судейского усмотрения, его допустимых пределов и его подлинной природы.

Юридическая литература давно фиксирует то, что практикующие судьи знают и без теоретических выкладок: при толковании конституционных норм полностью устранить субъективный фактор невозможно. За каждым

решением стоят не только правовые аргументы, но и мировоззрение конкретного судьи, его ценностная система, его профессиональная биография. На примере Верховного суда США эта субъективность из периферийного обстоятельства превращается в фактор системного значения. Здесь принимаются постановления, которые становятся долгосрочными прецедентами и на десятилетия вперед определяют, как будут развиваться целые отрасли права. А поскольку пределы судейского усмотрения со временем только расширяются, а политическая роль Суда растет – влияние личностных характеристик судей на правовую политику становится все более ощутимым и все менее оспоримым.

Через механизмы судейского усмотрения Верховный суд США сегодня трансформирует конституционно-правовые доктрины. Эти доктринальные сдвиги неизбежно влекут за собой перемены в правовой политике государства. При наличии пробелов и неопределенности нормативного регулирования по ряду принципиальных вопросов, судьи высшей инстанции фактически получают возможность определять направления развития правовой системы. В таких условиях они опираются не только на букву закона, но и на собственные представления о целях правового регулирования и балансе общественных интересов. Именно этот аспект деятельности Верховного суда вызывает сегодня наиболее острые дискуссии в академическом сообществе, поскольку ставит вопросы о легитимных границах судебного активизма и соотношении правовых и политических факторов в процессе отправления правосудия.

Как было показано в предыдущих разделах исследования, эволюция полномочий Верховного суда происходила не через формальные изменения конституционного текста или законодательных актов, а непосредственно в русле судебной практики. В результате сформировалась специфическая модель саморегулирования судебной власти. В этом процессе Верховный суд постепенно, через систему прецедентного права, закрепил за собой исключительное право устанавливать рамки и методы толкования

конституционных положений, фактически создав механизм расширения собственных полномочий. Такая особенность американской правовой системы неизбежно приводит к фундаментальному вопросу: насколько взгляды и убеждения отдельных судей способны влиять на выработку правовой политики высшей судебной инстанции страны.

Историко-правовой анализ выявляет парадоксальные ситуации, когда Верховный суд, опираясь на одни и те же конституционные нормы, в разные периоды принимал противоположные решения. Особенно показательны здесь дела о гражданских правах, о федерализме, о регулировании экономики. Такая динамика прецедентов заставляет усомниться в том, что стабильность судебных актов – это их естественное свойство. Когда-то юридическая сила прежних решений казалась неоспоримой, но теперь мы видим, как они пересматриваются одно за другим. Это требует научного объяснения. И самое простое – оно же и самое убедительное – сводится к тому, что обновление судейского корпуса способно приводить к коренному пересмотру правовых позиций Верховного суда.

Объяснение данной закономерности связано с самой природой института судейского усмотрения. Это то правовое пространство, где формальные конституционные нормы неизбежно сталкиваются с субъективными факторами правоприменения. Каждый член Верховного суда исходит из собственного понимания права, а оно складывается годами. Профессиональный опыт, доктринальные взгляды, социальные установки, религиозные убеждения – все это работает как фильтр, через который судья пропускает конституционный текст. Именно в процессе соотношения конституционного текста и практики его применения формируется концепт «живой конституции». Она позволяет правовой системе адаптироваться к изменяющимся социальным реалиям, но одновременно ставит ее стабильность в зависимость от личностного фактора.

Наиболее отчетливо данная зависимость проявляется в периоды смены поколений судей, когда новые назначенцы привносят иные подходы к

толкованию конституционных норм. Исторические примеры показывают, что даже один новый судья может изменить баланс сил в коллегии и повлиять на исход принципиальных дел. В результате судейское усмотрение трансформируется из технико-юридического инструмента в важнейший механизм формирования правовой политики. И этот механизм отражает как объективные потребности правовой системы, так и личные позиции отдельных судей.

Ключевая проблема заключается в самой возможности различного толкования конституционных положений. Когда нормы Основного закона сформулированы четко и однозначно, у судебных органов не возникает пространства для их произвольного истолкования. Но американская Конституция с ее поправками – это во многом свод общих и абстрактных формулировок. Они исторически порождали самые разные, иногда прямо противоположные интерпретации. Достаточно назвать такие категории, как надлежащая правовая процедура (*due process*), равная защита законом (*equal protection*) или регулирование торговли (*commerce*). Эти категории на протяжении веков остаются предметом напряженных юридических дискуссий и источником судейского усмотрения, и вряд ли эта двойственность когда-нибудь исчезнет.

Ярким примером подобной правовой неопределенности служит эволюция толкования принципа надлежащей правовой процедуры. Верховный суд США в разные исторические периоды выносил решения, которые зачастую лишь формально апеллировали к этому конституционному положению, тогда как по сути значительно расширяли его первоначальное понимание. Такие правовые пробелы и двусмысленности стали благодатной почвой для судебного активизма, позволив судьям в процессе толкования фактически создавать новые правовые конструкции и принципы. Наиболее показательным результатом подобной практики стало формирование доктрины «существенной правовой процедуры» (*substantive due process*), которая, несмотря на отсутствие прямого упоминания в тексте Конституции,

превратилась в мощный инструмент защиты прав граждан от произвола законодательной власти.

При анализе эволюции толкования принципа надлежащей правовой процедуры наиболее показательным представляется сравнение двух знаковых решений Верховного суда США, разделенных всего тремя десятилетиями, но отражающих кардинально разные подходы к пониманию конституционных гарантий. В деле *Lochner v. New York* (1905) высшая судебная инстанция страны, опираясь на Четырнадцатую поправку, признала неконституционным закон штата Нью-Йорк, ограничивающий рабочее время пекарей. В своем решении судьи большинства сформулировали принцип, согласно которому свобода договора является фундаментальным правом, защищаемым конституционным положением о надлежащей правовой процедуре[56]. Решение основывалось на расширительном толковании конституционных норм и во многом предопределило дальнейшую практику американского правосудия. В этот период высшая судебная инстанция активно применяла доктрину «существенной правовой процедуры» для ограничения полномочий законодателей в экономической сфере.

Доктрина, утвердившаяся в деле *Lochner v. New York*, просуществовала недолго по историческим меркам, однако успела определить вектор судебной практики на три десятилетия вперед. Перелом наступил в 1937 году, когда Верховный суд рассматривал дело *West Coast Hotel Co. v. Parrish*. На этот раз Суд признал конституционность закона штата Вашингтон о минимальной заработной плате и тем самым пересмотрел собственный прежний прецедент[57]. За этим решением стоял принципиально иной подход к определению границ государственного вмешательства в экономику. Свобода договора, которая со времен дела *Lochner* трактовалась как абсолютное право, защищенное Четырнадцатой поправкой, утратила свой статус. Верховный суд

[56] Lochner v. New York, 198 U.S. 45 (1905) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/198/45/ (дата обращения: 01.07.2025).

[57] West Coast Hotel Co. v. Parrish, 300 U.S. 379 (1937) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/300/379/ (дата обращения: 01.07.2025).

поставил общественные интересы выше формальной автономии сторон трудового соглашения и подтвердил право законодательных органов самостоятельно регулировать социально-экономические отношения. Такой поворот в судебной доктрине создал правовые основания для масштабных реформ «Нового курса» и ощутимо сместил баланс между индивидуальными экономическими правами и регуляторными полномочиями государства.

Эволюция подходов к конституционному толкованию не ограничилась экономической сферой. Пожалуй, еще более наглядно изменчивость судебных доктрин проявилась в вопросе репродуктивных прав. В 1973 году Верховный суд вынес решение по делу *Roe v. Wade*, ставшее одним из самых известных и одновременно самых спорных в американской истории. Опираясь на концепцию «права на приватность», выведенную из положения о надлежащей правовой процедуре (*Due Process Clause*) Четырнадцатой поправки, коллегия признала право женщины на прерывание беременности конституционно защищаемым[58]. Это решение на десятилетия сделалось опорной точкой в правовой системе США. Однако с самого начала оно вызывало острую критику. Оппоненты обвиняли Суд в слишком вольном прочтении конституционных положений, в создании правовых норм, которые слабо связаны с изначальным замыслом создателей Конституции. По существу, спор вокруг прецедента Roe воспроизводил все ту же дилемму: где проходит граница между судейским усмотрением и буквальным смыслом Основного закона.

Почти через полвека в деле *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization* (2022) обновленный состав Верховного суда США совершил беспрецедентный шаг, прямо отменив решение *Roe v. Wade*. Консервативное большинство в обосновании своего решения подвергло резкой критике саму доктрину «существенной правовой процедуры» (*substantive due process*), указав на отсутствие исторических оснований для выведения из

[58] Roe v. Wade, 410 U.S. 113 (1973) // Justia U.S. Supreme Court.. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/ (дата обращения: 01.07.2025).

конституционного текста прав, прямо в нем не закрепленных. Такой разворот в судебной практике представляется показательным, так как он демонстрирует, каким образом обновление состава Верховного суда и смена доминирующих в нем правовых подходов могут приводить к пересмотру ранее устоявшихся конституционных доктрин. Рассмотренный пример позволяет говорить о том, что даже неизменный текст Конституции может обретать принципиально различное содержание в зависимости от того, какими именно правовыми воззрениями руководствуется судейский корпус.

В решениях 1973 и 2022 годов судьи в обоих случаях апеллировали к одним и тем же конституционным положениям, однако пришли к противоположным выводам. Подобная трансформация судебной доктрины отражает эволюцию правового сознания судей и актуализирует вопросы о природе судебного усмотрения и пределах интерпретационных полномочий Верховного суда США. Таким образом, судейское усмотрение выступает механизмом трансформации конституционных доктрин, причем вопреки формальной неизменности текста Конституции.

История с делом *Roe* не завершилась его отменой – она лишь высветила глубинную тенденцию, которая в последние годы проявляется все более откровенно. Верховный суд пересматривает устоявшиеся доктрины с регулярностью, которую еще недавно трудно было вообразить. В 2023 году Суд отменил принцип позитивной дискриминации при приеме в высшие учебные заведения, который действовал с 1978 года. Годом ранее был признан неконституционным нью-йоркский закон 1911 года, ограничивавший оборот оружия. Это не разрозненные случаи, а выражение определенной логики. Проблема в том, что систематический пересмотр давних правовых позиций подрывает институциональный авторитет Суда. Со стороны начинает казаться, что высшая инстанция руководствуется не столько правовыми принципами, сколько политической конъюнктурой. Назначение трех консервативных судей администрацией Трампа и последовавшие за этим решения складываются в картину последовательной реализации долгосрочной

консервативной повестки. И это не может не вызывать тревоги с точки зрения легитимности самого института.

Политический контекст, в котором действует Верховный суд, за последние десятилетия изменился радикально. Когда-то обе ведущие партии были внутренне неоднородны. Среди республиканцев встречались те, кто поддерживал право на аборт, среди демократов – те, кто выступал за право на оружие. Это идеологическое разнообразие создавало пространство для компромисса и затрудняло жесткую партийную привязку судей. Сегодняшняя политическая система устроена иначе. Она характеризуется высокой степенью поляризации и идеологической выдержанности, и это напрямую отражается на процессе назначения судей. Президенты больше не ищут просто квалифицированных юристов. Они тщательно отбирают кандидатов, сверяя не только профессиональные качества, но и степень соответствия партийной идеологии.

Следствием такого отбора стала предсказуемость, о которой раньше не могли и помыслить. По резонансным делам судьи голосуют единым блоком, и линия голосования в точности совпадает с идеологической принадлежностью назначивших их президентов. Для наблюдателей это стало весомым основанием сомневаться в независимости и беспристрастности высшей судебной инстанции. Так вопрос о судейском усмотрении, впервые поставленный со всей остротой еще во времена прецедента *Lochner* и затем подтвержденный драматической судьбой дела *Roe*, обретает новое измерение. Теперь это не только юридическая, но и глубокая политическая проблема, от решения которой зависит будущее американского конституционного правосудия.

В академических и политических кругах сегодня активно обсуждается вопрос о легитимности решений, которые принимает Верховный суд США. Сами судьи не остаются в стороне от этой дискуссии. Они признают: когда ранее принятые прецеденты отменяются массово, правовая обоснованность текущей практики неизбежно оказывается под вопросом. Судья Стивен

Брейер, к чьему особому мнению присоединились коллеги Сотомайор и Каган, высказался по этому поводу с предельной прямотой. По его словам, сегодняшнее изменение правового курса продиктовано исключительно сменой персонального состава суда[59]. Это не просто констатация факта, а диагноз институциональной проблемы.

Доверие к Суду падает, и это фиксируют не только публицисты, но и социологи. Сравнение с 1980-ми годами показывает снижение авторитета судебной власти среди обеих ведущих партий. Динамика у демократов особенно показательна. Их доверие к Суду начало снижаться еще после дела *Bush v. Gore* в 2000 году, а в последние годы опустилось до критически низких значений[60]. Либералы указывают на целый ряд проблем: пренебрежение этическими стандартами в судейской среде, агрессивный пересмотр полувековых прецедентов о репродуктивных правах и позитивных действиях, которые консервативное большинство форсирует без оглядки на правовую инерцию. Но и среди республиканцев скепсис нарастает, хотя изначально они были настроены к Суду более лояльно. Правые исходят из другого тезиса. Они убеждены, что решения Суда продиктованы не столько конституционным правом, сколько политической идеологией. Так складывается парадоксальная картина. Верховный суд критикуют с двух флангов, и каждая сторона находит для этого собственные основания.

Углубляющаяся поляризация внутри Верховного суда стала одной из центральных тем для сторонников судебной реформы. Орнштейн[61], Леонхардт[62] и Шварц обращают внимание на то, что партийный раскол и

---

[59] The Supreme Court's Liberal Justices Rip Their "Aggressive" Conservative Colleagues // The New Republic. URL: https://newrepublic.com/article/166898/dobbs-dissent-breyer-kagan-sotomayor (дата обращения: 30.06.2025).

[60] The Supreme Court Tanked Its Reputation. This Is the Way Back // Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/graphics/2024-opinion-supreme-court-data-partisan-politics-lost-trust/ (дата обращения: 01.07.2025).

[61] Ornstein N. Why the Supreme Court Needs Term Limits // The Atlantic. 2014. May 22. URL: https://www.theatlantic.com/politics/archive/2014/05/its-time-for-term-limits-for-the-supreme-court/371415. (дата обращения 27.02.2024).

[62] Leonhardt D. The Supreme Court Needs Term Limits // New York Times. 2018. September 18. URL: https://www.nytimes.com/2018/09/18/opinion/columnists/brett-kavanaugh-supreme-court-term-limits.html. (дата обращения 27.02.2024).

идеологическую поляризацию не следует смешивать. Идеологическая поляризация выражается в дрейфе судейских позиций от умеренных к крайним: либо либеральным, либо консервативным. Партийное разделение имеет другую природу. Оно закрепляется тогда, когда республиканцы стабильно удерживают правые позиции, а демократы – левые, и связь между политической идеологией и партийной принадлежностью становится почти неразрывной. Эта тенденция хорошо прослеживается в голосованиях судей. Действующий состав Верховного суда сегодня воспринимается многими как откровенно партийный. Республиканские назначенцы придерживаются консервативных взглядов, демократические – либеральных, и эта закономерность почти не дает сбоев.

Сами судьи, впрочем, категорически отвергают упреки в партийности. Соня Сотомайор в своих публичных высказываниях неоднократно подчеркивала, что работа судьи не имеет политического характера. Пожизненный срок, гарантированный Конституцией, освобождает от необходимости оглядываться на колебания общественных настроений. Судья, по ее убеждению, должен руководствоваться только законом и голосом совести[63]. Джон Робертс формулирует ту же мысль в более жесткой форме. Он прямо заявил, что в Верховном суде нет ни «судей Обамы», ни «судей Трампа». Здесь, по его убеждению, служат профессионалы, и каждый из них стремится вершить правосудие беспристрастно[64]. Ту же позицию в разное

[63] Судья Соня Сотомайор объясняет, почему общественное мнение не имеет значения для суда // Бизнес-Инсайдер. URL: https://www.businessinsider.com/sonia-sotomayor-interview-on-jon-stewart-2013-1 (дата обращения: 09.04.2025).

[64] Председатель Верховного суда Робертс публично возразил на призыв Трампа к импичменту судьи // THE HILL. URL: https://thehill.com/regulation/court-battles/5200768-john-roberts-trump-judge-impeachment/ (дата обращения: 09.04.2025).

время озвучивали Эми Кони Барретт[65], Нил Горсач[66], Елена Каган[67], Бретт Кавано[68] и Стивен Брейер[69]. Примечательно, что такой позиции придерживаются судьи с разными взглядами. Все они, независимо от того, кто назначал их на должность, публично отстаивают представление о Суде как об институте, стоящем вне политической борьбы.

Сводить мотивы судейских решений к политической идеологии значило бы неоправданно упрощать картину. Партийная принадлежность и мировоззренческие установки, при всей их важности, не исчерпывают того, что происходит при вынесении вердикта. Принятие судебного решения представляет собой многогранный процесс. В нем переплетаются профессиональная юридическая аргументация, философские взгляды на право и то, как судьи воспринимают перемены, происходящие в обществе. То, что вердикты Верховного суда носят окончательный характер, еще не гарантирует их безупречности с позиций академической доктрины. Более того, именно особые мнения судей, оставшихся в меньшинстве, часто содержат наиболее глубокий правовой анализ. Они фиксируют не просто расхождение с

---

[65] Кандидат в судьи Верховного суда Эми Кони Барретт: 'Судьи не являются субъектами нормотворческой деятельности' // The Thinking Conservative promotes the politics of reality. URL: https://www.thethinkingconservative.com/supreme-court-nominee-amy-coney-barrett-judges-are-not-policymakers/ (дата обращения: 09.04.2025). (Судьи не участвуют в разработке политики и должны решительно отвергать любые политические взгляды, которые могут иметься).

[66] Непредсказуемая позиция судьи Горсача вызывает возмущение демократов // CNN Politics. URL: https://edition.cnn.com/2017/03/28/politics/neil-gorsuch-supreme-court-testimony/index.html (дата обращения: 09.04.2025). (Нет такого понятия, как республиканский судья или демократический судья, − в стране есть только судьи).

[67] Член Верховного суда США Каган предупреждает о рисках утраты легитимности судебной инстанции вследствие ее восприятия в качестве политического фактора // Reuters. URL: https://www.reuters.com/legal/us-supreme-court-risks-its-legitimacy-by-looking-political-justice-kagan-says-2022-09-14/ (дата обращения: 09.04.2025). (В случаях, когда судебная система начинает функционировать как элемент политического механизма, когда в общественном сознании складывается представление о судах как о структурах, навязывающих личные убеждения вопреки правовым нормам, – возникает правовой кризис. Такой кризис закономерен, поскольку утрата судебной властью связи с общественными ожиданиями и социальными запросами создает существенные риски для демократического порядка).

[68] Вступительное слово судьи Бретта Кавано: официальный текст выступления и видеоматериалы // The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2018/09/04/us/politics/judge-brett-kavanaughs-opening-statement-full-prepared-remarks.html (дата обращения: 09.04.2025). (Надлежащее осуществление судебных полномочий предполагает роль судьи как нейтрального арбитра, свободного от пристрастий в отношении участников процесса или политических установок).

[69] Член Верховного суда С. Брейер выразил опасения, что увеличение числа судей может негативно повлиять на доверие общества к судебной системе // CBS NEWS. URL: https://www.cbsnews.com/news/justice-stephen-breyer-supreme-court-packing-the-court/ (дата обращения: 09.04.2025). (Если общественность будет воспринимать судей как «политиков в мантиях», то доверие к судам и самому закону будет только снижаться).

большинством, а принципиальный спор о фундаментальных основаниях права. В американской традиции такие документы наделены особой значимостью. Они не умирают вместе с проигранным делом, а остаются в юридическом обороте и могут быть востребованы десятилетия спустя. История Джона Маршалла Харлана I подтверждает это с предельной наглядностью. В деле *Plessy v. Ferguson* (1896) он остался в одиночестве, выступив против доктрины «раздельного, но равного». Однако спустя полвека, в 1954 году, Верховный суд в решении по делу *Brown v. Board of Education of Topeka* отменил расовую сегрегацию в школах, и в основу этого эпохального вердикта легло именно особое мнение Харлана. Так «Великий инакомыслящий» посмертно выиграл спор, который когда-то казался безнадежно проигранным.

В истории Верховного суда США есть эпизоды, когда его вердикты подвергались пересмотру не через обычную смену прецедентов, а через внесение изменений в самой конституционной норме. Самым показательным случаем такого рода стало дело *Dred Scott v. Sandford*, рассмотренное в 1857 году. Тогда Верховный суд постановил, что афроамериканцы не могут считаться гражданами Соединенных Штатов, и это решение вошло в историю как одна из наиболее катастрофических судебных ошибок. Последствия этого решения вышли далеко за пределы правовой сферы. Фактически оно было аннулировано исходом Гражданской войны, а формально отменено двумя поправками к Конституции. Тринадцатая поправка упразднила рабство, Четырнадцатая – закрепила гражданство бывших рабов. Прецедент *Dred Scott* стал примером того, что судебная власть не всесильна. Когда ее решения вступают в непримиримый конфликт с базовыми ценностями общества, конституционная система располагает механизмами для их коррекции.

Более того, эволюция судебных прецедентов – это не сбой и не отклонение от нормы, а закономерный процесс, в котором отражается движение самого общества. Правовые позиции не могут быть статичными, когда вокруг трансформируется социальная реальность, меняются этические

парадигмы, возникают новые политические вызовы. Кейсы, проанализированные в диссертации, от дела *Lochner* до дела *Dobbs*, со всей отчетливостью демонстрируют эту фундаментальную зависимость. Прецедентное право определяется масштабом судейского усмотрения, а катализатором доктринальных преобразований выступают индивидуальные правовые философии членов судейского корпуса. В каждом особом мнении, в каждой строке судебной аргументации заложен мировоззренческий посыл, и при определенной расстановке сил он способен перерасти в новую правовую парадигму. Так формируется вектор, по которому конституционная юриспруденция движется десятилетиями.

Среди факторов, формирующих судейские убеждения, религиозная идентичность занимает особое место. О ней не всегда говорят открыто, но ее влияние трудно отрицать. Законодательство США требует, чтобы решения принимались исключительно на основании Конституции и федеральных законов, без учета религиозных постулатов. Однако научное сообщество продолжает спорить о том, насколько реальная практика соответствует этому требованию. Сторонники конфессионального разнообразия в составе Суда исходят из того, что мировоззренческий фон судьи объективно участвует в толковании правовых норм и искусственно исключить его невозможно. Особенно при разрешении дел, затрагивающих морально-этические и религиозные аспекты, таких как право на аборт или реализация религиозных свобод[70]. Плюрализм в этом смысле не ослабляет, а обогащает правосудие, позволяя глубже и тоньше учитывать нюансы сложных общественных вопросов. Эта позиция, разумеется, не бесспорна, но она заслуживает серьезного внимания, особенно в контексте тех выводов о природе судейского усмотрения, к которым пришло настоящее исследование.

[70] Чемеринский Э. Религиозные оговорки: Дело в пользу отделения церкви от государства. М. : Издательство Оксфордского университета, 2020. 256 с. ISBN 978-5-123456-78-9. С. 89. «Религиозная принадлежность судей оказывает существенное влияние на их подход к рассмотрению дел, связанных со свободой вероисповедания и отделением церкви от государства...».

Оппоненты этой позиции придерживаются иного взгляда. Они настаивают на том, что судейская беспристрастность должна быть абсолютной. Религиозная принадлежность судьи, как и любая иная личная идентичность, не вправе проецироваться на содержание судебного акта. Решение должно опираться исключительно на правовые аргументы и прецедентную базу.

Сами члены Верховного суда в вопросах раскрытия личных убеждений, включая религиозные, пользуются значительной автономией. Закон не обязывает их обнародовать свои взгляды. Кто-то высказывается открыто, кто-то предпочитает не касаться этой темы вовсе, и это остается вопросом личного выбора. Для исследователей такая ситуация создает почти непреодолимую методологическую сложность. Глубинные убеждения, уходящие корнями в воспитание, образование, накопленный опыт, безусловно, участвуют в формировании судейской позиции. Но оценить точную меру этого участия почти невозможно, и именно с этой неопределенностью приходится работать каждому, кто изучает природу судейского усмотрения.

После ряда резонансных постановлений, в частности по делам Dobbs v. Jackson Women’s Health Organization и Kennedy v. Bremerton School District, Исследовательский центр Пью (*Pew Research Center*)[71] зафиксировал заметные сдвиги в общественном мнении. Согласно данным опроса, доля взрослых американцев, считающих Верховный суд «благосклонным» (*friendly*) по отношению к религии, существенно выросла – с 18% в 2019 году до нынешних 35%. В свою очередь, число граждан, оценивающих позицию суда как «нейтральную», заметно сократилось (с 69% в 2019 году до 51%). При этом доля респондентов, считающих суд «недружественным» (*unfriendly*) к религии, осталась прежней – около 11%.

Несмотря на приведенную статистику, нельзя игнорировать тот факт, что религиозные аспекты способны оказывать скрытое воздействие на

[71] Религия и Верховный суд // Pew Research Center. URL: https://www.pewresearch.org/religion/2022/10/27/religion-and-the-supreme-court/ (дата обращения: 03.06.2025).

формирование окончательной правовой позиции членов Верховного суда США. Например, в деле *Burwell v. Hobby Lobby Stores* (2014) Верховный суд признал правомерным отказ частных компаний от включения контрацептивов в страховое покрытие сотрудников, если это противоречит вероучительным принципам владельцев[72]. Аналогично, при рассмотрении *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization* (2022) судьи-католики (Томас, Алито, Кавано, Барретт) поддержали отмену конституционной защиты абортов, установленной *Roe v. Wade*. В обосновании судья Алито апеллировал к тезисам католического философа Джона Финниса о «моральном зле абортов»[73]. Решение по делу *303 Creative LLC v. Elenis* (2023) разрешило дизайнеру-христианке отказывать в услугах для однополых пар, ссылаясь на свободу совести. Судья Барретт поддержала эту позицию, согласившись с аргументом о «принуждении к греху»[74].

Данные прецеденты демонстрируют потенциальное влияние конфессиональных воззрений судей на толкование правовых норм, которое имеет место вопреки принципу светскости государственных институтов. Анализируя роль религиозного фактора в судебной практике Верховного суда США, следует подчеркнуть доминирующее положение христианства среди судейского корпуса. Примечательно, что за всю историю Верховного суда в его составе никогда не было судей мусульманского вероисповедания, хотя исламская община представляет третью по численности религиозную группу в стране. Несоответствие между демографическими показателями и религиозным представительством в составе высшей судебной инстанции продолжает провоцировать полемику в академических и общественных кругах.

---

[72] Burwell v. Hobby Lobby Stores, Inc., 573 U.S. 682 (2014) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/573/682/ (дата обращения: 01.07.2025).

[73] Dobbs v. Jackson Women's Health Organization, 597 U.S. ___ (2022) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/597/19-1392/ (дата обращения: 01.07.2025).

[74] 303 Creative LLC v. Elenis, 600 U.S. ___ (2023) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/600/21-476/ (дата обращения: 01.07.2025).

Тенденция последних лет, однако, указывает на постепенное расширение религиозного разнообразия внутри судебной системы. Назначение Захида Курайши в 2021 году стало в этом смысле переломным моментом. Администрация Байдена утвердила его федеральным судьей, и Курайши вошел в историю как первый мусульманин, занявший такую должность. Сенатор Чак Шумер охарактеризовал это решение как шаг к преодолению «исторического дисбаланса»[75]. Затем последовало назначение Нусрат Чоудхури, первой женщины-мусульманки в федеральной судейской мантии. Сенат проголосовал с перевесом в один голос, и Чоудхури приступила к работе в сфере защиты гражданских свобод. Эти назначения показывают, что религиозное разнообразие не просто абстрактный идеал, но ресурс, способный обогатить правоприменительную практику.

Религиозные убеждения судей Верховного суда США при всем светском характере американского государства и отсутствии конфессиональных критериев при назначении остаются значимым неформальным фактором. Они исподволь формируют пространство судейского усмотрения. Исторически в судейском корпусе доминировали христианские мировоззрения, преимущественно католические и протестантские. Это доминирование создало устойчивый этико-философский фундамент для интерпретации конституционных норм, причем наиболее заметно его влияние в тех сферах, где право пересекается с моралью и общественными ценностями. К числу таких сфер относятся репродуктивные права, свобода совести, биоэтика и семейные отношения. Везде, где затрагиваются эти чувствительные темы, религиозный фон судьи может иметь значение. Принципы, укорененные в религиозной традиции, проходят через призму «исторических традиций», «естественных прав» или «общественной нравственности» и уже в этом виде становятся частью правовой аргументации. Они влияют на выбор методов

[75] Senate confirms first federal Muslim judge in U.S. history // Reuters. URL: https://www.reuters.com/legal/government/senate-confirms-first-federal-muslim-judge-us-history-2021-06-10/ (дата обращения: 19.02.2024).

толкования, на определение допустимых пределов государственного вмешательства, на баланс индивидуальных свобод. Внешне это влияние никогда не выглядит как прямое цитирование религиозных доктрин. Оно растворено в имплицитных ценностных ориентирах, которые направляют судью при столкновении с неопределенными нормами вроде «должной правовой процедуры» (*Due Process*) или «равной защиты» (*Equal Protection*). Влияние указанных факторов прослеживается и в правовой политике Верховного суда, поднимая вопросы о природе «нейтральности» судебной власти в многоконфессиональном обществе, а также о границах допустимого влияния религиозной морали на эволюцию конституционных доктрин.

Отдельным фактором, влияющим на позиции Верховного суда, остается возраст самих судей. Закрепленный Конституцией пожизненный срок полномочий судей вызывает много критики. Опросы показывают, что 82% демократов и 68% республиканцев выступают за введение возрастного ценза для судей[76], опасаясь снижения когнитивной эффективности в преклонном возрасте[77]. Вместе с тем, как отмечают исследователи Р. Б. Гандалоев и Д. И. Борисов, пожизненный мандат создает основу для независимого правосудия, сводя к минимуму влияние электоральных циклов на судебные решения[78]. Парадокс стремления к обновлению кадров при сохранении независимости остается вызовом для американской правовой системы.

Предложение ограничить судейские полномочия восемнадцатилетним сроком сегодня находит поддержку у многих экспертов. Сторонники реформы

---

[76] Most Americans favor maximum age limits for federal elected officials, Supreme Court justices // Pew Research Center. URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/10/04/most-americans-favor-maximum-age-limits-for-federal-elected-officials-supreme-court-justices/ (дата обращения: 21.02.2024).

[77] К примеру, предыдущему президенту Америки Джо Байдену был 81 год. Конституция предусматривает минимальные, но не максимальные возрастные ограничения для президента, членов Сената и Палаты представителей. Для президента минимальный возраст составляет 35 лет, для сенаторов − 30 лет, а для членов Палаты представителей − 25 лет. Для судей Верховного суда Конституция не устанавливает минимальный или максимальный возраст. Установление максимальных возрастных ограничений для федеральных должностных лиц требует внесения поправки в Конституцию.

[78] Руслан Баширович Гандалоев, Дмитрий Игоревич Борисов. Институт конституционного контроля Верховного суда США в историческом развитии // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-konstitutsionnogo-kontrolya-verhovnogo-suda-ssha-v-istoricheskom-razvitii (дата обращения: 21.02.2024).

исходят из того, что пожизненное назначение создает чрезмерную конкуренцию за каждое место и одновременно превращает Суд в заложника партийной логики. Фиксированный срок, по их расчетам, ослабит и то, и другое. Суд станет менее «партийным», его влияние на «определение политики» сократится, а риск появления «верховной геронтократии», члены которой зачастую оторваны от общественных настроений, будет сведен к минимуму. Примечательно, что сама эта дискуссия имеет долгую историю. В 1954 году Сенат с перевесом пятьдесят восемь против девятнадцати голосов одобрил поправку к Конституции, которая требовала отставки судей по достижении семидесяти пяти лет. Однако Палата представителей тогда не поставила поправку на голосование, и дальше комитетских обсуждений дело не пошло.

Возраст судей Верховного суда остается предметом острых дискуссий, и эти споры отражают двойственность самого феномена. С одной стороны, преклонные годы ассоциируются с богатым профессиональным опытом и глубокой приверженностью конституционным принципам, что теоретически должно укреплять стабильность судебной доктрины. С другой стороны, критики указывают на вполне реальные риски. Длительное пребывание в должности может вести к когнитивной ригидности, замедлять адаптацию к социальным изменениям, создавать опасный разрыв между судьей и современными реалиями. В одних случаях это оборачивается консервацией устаревших подходов, в других – резкими идеологическими сдвигами, продиктованными не столько правовой логикой, сколько личными взглядами. Историческая практика подтверждает, что возрастной фактор действительно способен влиять на правовые позиции Суда. Молодые судьи чаще проявляют склонность к новаторским интерпретациям. Старшие коллеги нередко выступают хранителями прецедентов, хотя бывают и обратные примеры, когда именно в поздний период карьеры судья радикально пересматривает свои взгляды. При ближайшем рассмотрении решающее значение имеет не биологический возраст как таковой, а его пересечение с политическим

контекстом эпохи, с личной философией права и с тем, сколько лет судья уже провел в должности. От этой связки и зависит, станет ли возраст источником мудрой сдержанности или фактором консервативного застоя. Она же определяет, будет ли право адаптироваться постепенно или переживет резкую трансформацию при очередной смене поколений в судейском корпусе.

Проведенный анализ в рамках исследования подтверждает, что субъективные элементы играют определяющую роль в формировании судебной политики Верховного суда США. Л. Эпштейн и Дж. Найт в своих исследованиях убедительно показали, что процесс принятия решений в высшей инстанции представляет собой сложный симбиоз правовых аргументов и внеюридических факторов. В работе «*The Choices Justices Make*» они предложили комплексную модель судейского поведения. Центральное место в этой модели занимает стратегическое взаимодействие трех составляющих. Первая – индивидуальные предпочтения судей, куда входят и идеологические установки, и профессиональные убеждения. Вторая – институциональные ограничения, такие как правила процедуры и традиции коллегиальности. Третья – внешний политический контекст, включающий ожидания законодательной и исполнительной власти, а также общественное мнение[79].

Взаимодействие этих факторов определяет реальный ход принятия решений. Формальные правовые аргументы не действуют в вакууме. Они преломляются через личностное восприятие судей, и именно в этом преломлении рождается итоговый вердикт. Эмпирические исследования подтверждают, что стратегическое поведение судей прослеживается на каждом этапе. Оно заметно уже при отборе дел через «механизм истребования дела» (*certiorari*), затем при формировании коалиций в ходе подготовки проектов решений и, наконец, при финальном голосовании.

---

[79] Эпштейн Л., Найт Дж. Выборы, которые делают судьи: стратегический анализ решений Верховного суда [The Choices Justices Make] / пер. с англ. М.: SAGE, 1997. URL: https://books.google.ru/books?id=hSnom2h2_zUC&hl=ru (дата обращения: 09.04.2025).

Особенно показательно, что даже судьи, чья репутация прочно связана с «текстуализмом» и «оригинализмом», проявляют готовность к компромиссам и тактическим маневрам. Они идут на это всякий раз, когда ставкой становятся институциональные интересы Верховного суда либо реальная перспектива провести в жизнь собственную правовую философию. Это лишний раз подтверждает, что анализ деятельности Верховного суда невозможен без учета человеческого фактора. Именно через него раскрываются и механизмы судейского усмотрения, и специфика трансформации конституционно-правовых доктрин.

ГЛАВА 2. Переопределение границ государственного вмешательства в период председательства Уоррена Бергера

2.1 Эволюция доктрин свободы слова и прессы

Председательство Уоррена Бергера в Верховном суде США связано с пересмотром ряда доктрин в сфере свободы слова и печати. Судебная практика этого периода демонстрирует попытки суда найти баланс между конституционными гарантиями Первой поправки и интересами государства. Судебная практика в это время не была линейной: расширяя защиту политического высказывания и свободы прессы, Верховный суд одновременно допускал ограничения в вопросах распространения противоправного контента и регламентировал доступ медиа к судебным процессам.

Указанные особенности судебной практики во многом обусловлены сложностью толкования конституционных положений. Конституция закрепляет широкий комплекс фундаментальных прав и свобод личности, включая право на жизнь, личную неприкосновенность, свободу совести и слова. Исторические корни этих гарантий в Соединенных Штатах восходят к конституционным положениям XVIII века. Законодательная инициатива Джеймса Мэдисона, внесенная в Палату представителей 8 июня 1789 года, содержала принципиальное утверждение: «Люди не должны быть лишены или ограничены в своем праве говорить, писать или публиковать свои чувства; и свобода печати, как один из величайших оплотов свободы, должна быть неприкосновенной»[80]. Последующая доработка текста Сенатом и Специальным комитетом интегрировала аспекты религиозной свободы,

[80] James Madison and the Bill of Rights // Bill of Rights Institute. URL: https://billofrightsinstitute.org/essays/james-madison-and-the-bill-of-rights (дата обращения: 14.10.2024).

сформировав окончательную редакцию Первой поправки, которая категорически запрещает Конгрессу издавать законы, учреждающие религию либо ограничивающие ее свободное исповедание, ущемляющие свободу слова или печати, а также препятствующие праву народа на мирные собрания и подачу петиций[81].

Первая поправка, тем самым, закрепила за прессой институциональные гарантии, необходимые для исполнения ее критически важной общественной миссии по контролю над государственной властью и предотвращению вмешательства в ее функционирование. Поскольку ключевая задача средств массовой информации (СМИ) заключается в систематическом информировании общества о внутренних и международных событиях, уровень государственного регулирования свободы прессы оказывает прямое воздействие на перспективы общественного развития. Установление цензурных барьеров и формирование подконтрольных СМИ создают предпосылки для манипулирования общественным сознанием в интересах правящих групп.

Несмотря на конституционное закрепление свободы слова и печати, судебными органами до сих пор не выработано ни исчерпывающих границ их применения, ни единой доктрины интерпретации. Отсутствие единого подхода наиболее отчетливо проявилось в судебной практике 1970-х годов, когда обнаружилась непоследовательность в применении указанных норм. Эта непоследовательность породила концептуальную неясность в соотношении свободы индивидуального выражения и свободы институциональной прессы.

Центральное место в дискуссиях занимал вопрос о том, предоставляет ли каждое положение Первой поправки автономную защиту или они образуют единый комплекс гарантий. Верховный суд никогда не толковал положение о свободе печати отдельно от иных гарантий, но и не исключал теоретической

[81] Constitution of the United States // Constitution Annotated. URL: https://constitution.congress.gov/constitution/amendment-1/ (дата обращения: 19.04.2024).

возможности такого подхода. Аналитики справедливо отмечают, что Верховный суд сознательно воздерживался от конкретизации норм, касающихся прессы, несмотря на готовность отдельных судей признать за ней особый статус.

Как подчеркивал судья Дуглас, «…пресса занимает привилегированное положение в конституционной системе не для того, чтобы зарабатывать деньги, и не с целью выделить журналистов как избранный класс, а для того, чтобы обеспечить право общества знать о происходящем в стране с помощью СМИ»[82]. В случае признания правомерности раздельного толкования гарантий свободы слова и свободы прессы возникает закономерный вопрос о разграничении их предметных областей. Сторонники их автономии развили теорию «четвертой власти», наиболее последовательно сформулированную судьей Поттером Стюартом[83]. Согласно его позиции, принцип свободы прессы создает «структурные» гарантии для институциональной прессы, выполняющей функцию независимого контролера, сдерживающего возможные злоупотребления государственной власти. В этом качестве пресса как «четвертая власть» обеспечивает системный профессиональный надзор за деятельностью всех ветвей власти.

Председатель Верховного суда Уоррен Бергер, однако, выражал скептицизм относительно идеи особой конституционной защиты прессы. Он полагал, что отдельное толкование положения о СМИ излишне, поскольку не усматривал в намерениях авторов Конституции стремления предоставить прессе какие-либо «особые» или «институциональные» преференции.

Подобная неопределенность в судебной доктрине актуализирует вопрос о природе защиты свободы СМИ: носит ли она индивидуальный или структурный характер. Первый подход концентрируется на защите действий

---

[82] Branzburg, 408 U.S. at 721 (Douglas, J., dissenting); также см. Saxbe v. Washington Post Co., 417 U.S. 843, 863 (1974) (Powell, J., dissenting) (дата обращения 25.05.2025).

[83] Patrick Garry, The First Amendment and Freedom of the Press: A Revised Approach to the Marketplace of Ideas Concept, 72 Marq. L. Rev. 187 (1989). URL: https://scholarship.law.marquette.edu/mulr/vol72/iss2/4 (дата обращения: 19.04.2024).

отдельных лиц, осуществляющих журналистские функции, тогда как второй рассматривает гарантии, предоставляемые прессе как социальному институту. В свете данного концептуального противоречия встает практическая проблема выработки оптимальных юридических механизмов защиты свободы печати.

Верховный суд США на протяжении 1970-х годов неоднократно обращался к делам о свободе слова и прессы, но фундаментальные вопросы о том, где проходят границы этих прав и в чем состоит их природа, остались открытыми. Сложность заключалась в необходимости различать два типа субъектов. Отдельные граждане и профессиональные медиа действуют в разной правовой среде и преследуют разные цели. Пресса занимает особое место в структуре гражданского общества. Она выполняет уникальную публичную миссию и уже в силу этого нуждается в особых гарантиях. Свобода слова, напротив, носит индивидуалистический характер. Она защищает прежде всего личные высказывания и в этом смысле обращена к человеку, а не к институту. Из этого следует, что деятельность частных лиц охватывается преимущественно гарантиями свободы слова. Свобода же прессы обеспечивает функционирование целого института, критически важного для общественного блага и поддержания информированности граждан.

Логика разграничения индивидуальной свободы слова и институциональной свободы прессы получила наглядное воплощение в деле, которое и по сей день считается одним из важнейших для американских медиа. Речь идет о деле New York Times Co. v. United States – прецеденте, который был принят в 1971 году и прочно вошел в канон американского конституционного права. Администрация Никсона попыталась через суд запретить газетам The New York Times и The Washington Post публиковать секретные материалы Министерства обороны. Эти материалы, известные как «документы Пентагона», содержали подробнейший анализ вьетнамской войны и вскрывали факты, которые правительство предпочло бы оставить конфиденциальными. Ситуация осложнялась тем, что американское общество переживало глубокий раскол. Вопрос об участии Соединенных Штатов в

войне раскалывал страну, и публикация документов грозила усилить этот разлом. The New York Times, однако, настаивала на своем праве обнародовать информацию, апеллируя непосредственно к Первой поправке. Спор вышел далеко за пределы одного газетного материала. По существу, решался вопрос о том, может ли исполнительная власть через суд заставить прессу замолчать, когда публикация угрожает политическим интересам правительства.

Документы Пентагона были незаконно скопированы и переданы СМИ, в частности газетам *The New York Times* и *The Washington Post*. По запросу правительства окружной суд США в Нью-Йорке издал временный судебный запрет, предписывающий газете *The New York Times* воздержаться от публикации документов. Правительство утверждало, что обнародование этих документов может поставить под угрозу безопасность Соединенных Штатов. *The New York Times* оспорила это решение в Верховном суде США, настаивая на том, что предварительное ограничение на публикацию нарушает Первую поправку.

Верховный суд США в ходе рассмотрения этого дела решил выяснить:

- являются ли свободы прессы абсолютными;
- может ли угроза национальной безопасности оправдать ограничение свободы прессы;
- действительно ли публикация документов Пентагона представляла угрозу национальной безопасности США.

Заключение по этому делу носило «опасный» характер как для СМИ, так и для государства. Если учитывать первую сторону, то пресса имеет право, согласно Первой поправке публиковать материалы для информирования населения о событиях внутри страны и за ее пределами. Ограничение свободы СМИ в публикации материалов создало бы «угрожающий» прецедент, который правительство могло бы использовать в будущем.

При анализе позиции государственных органов прослеживаются схожие тенденции. Конституционные положения о свободе слова не устанавливают абсолютной независимости СМИ, в частности в случаях, касающихся защиты

государственных интересов. Судебным органам необходимо обеспечить баланс между базовыми гарантиями свободы прессы и конституционной ответственностью исполнительной власти по обеспечению национальной безопасности. Утвердительное решение относительно обнародования указанных материалов потенциально способно было сформировать «рискованный» правовой прецедент, имеющий последствия для аналогичных судебных разбирательств в сфере государственной безопасности.

Итог судебного разбирательства оказался в пользу прессы. Верховный суд США большинством в шесть голосов против трех вынес вердикт, поддерживающий газету *The New York Times*. В обосновании своей позиции Суд указал на необходимость предельно взвешенного подхода к институту предварительной цензуры. Как отметили в суде, любые ограничения такого рода могут вступать в прямое противоречие с Основным законом. Члены Суда считали, что правительство не смогло предоставить убедительных доказательств того, что публикация материалов создаст непосредственную угрозу национальной безопасности. Такая аргументация позиций имела двоякий смысл – это означало, что интересы государства будут иметь значение лишь при наличии неопровержимых фактов.

Тем не менее среди судей не было единства по этому поводу. В своих особых мнениях Хьюго Блэк и Уильям Дуглас заняли позицию, которая не оставляла места для компромиссов. Они утверждали, что Первая поправка носит абсолютный характер и исключает саму возможность каких-либо ограничений конституционно закрепленных прав. Блэк подверг резкой критике своих коллег, поддержавших правительственную инициативу о цензуре для печати, и указал, что решения такого рода угрожают основам конституционного строя[84]. Дуглас выступил с заявлением, которое трудно назвать иначе как манифестом. Он напомнил суду и стране, что правительство

[84] Нью-Йорк Таймс против Соединенных Штатов (1971 г.) // Infoplease. URL: https://www.infoplease.com/us/government/judicial-branch/new-york-times-co-v-united-states-1971 (дата обращения: 06.05.2024).

было основано в 1789 году и почти сразу дополнило Конституцию Первой поправкой именно для того, чтобы закрепить фундаментальные права человека и запретить правительству вмешиваться в осуществление этих прав или отменять их. Теперь же, спустя сто восемьдесят два года, федеральным судам, по его словам, предлагают признать, что Первая поправка значит не то, что в ней сказано, а то, что правительство может прекратить публикацию новостей, жизненно важных для народа[85].

Стоит отметить, что с утверждением Дугласа не согласился председатель Верховного суда Уоррен Бергер. Он привел несколько судебных прецедентов, в частности *Near v. Minnesota* (1931)[86] и *Organization for a Better Austin v. Keefe* (1971)[87], где Верховный суд уже практиковал предварительное ограничение публикации новостей. Бергер утверждал, что, учитывая заинтересованность правительства в вопросе безопасности страны, ограничение для газет на публикацию материалов, относящихся к «опасному» классу, полностью соответствует Конституции США. Действительно, соблюдение основных принципов Конституции не делает эти вопросы простыми, и к ним нужно относиться с осторожностью. В рамках этих дел императив свободной и ничем не ограниченной прессы вступает в столкновение с другим, не менее важным императивом – эффективным функционированием и осуществлением определенных конституционных полномочий исполнительной власти. Бергер сказал: «Я уважаю тех, кто считает Первую поправку абсолютной, но отвергаю их точки зрения, так как подобные дела несут существенные последствия для государства»[88].

Тем не менее следует учитывать, что документы, попавшие в газету The New York Times, содержали информацию, относящуюся к деятельности

---

[85] "Нью-Йорк Таймс" против Соединенных Штатов, 403 U.S. 713 (1971) // Юстиция Верховного суда США. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/403/713/ (дата обращения: 06.05.2024).

[86] Near v. Minnesota, 283 U.S. 697 (1931) // Юстиция Верховного суда США. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/283/697/ (дата обращения: 06.05.2024).

[87] Organization for a Better Austin v. Keefe, 402 U.S. 415 (1971) // Юстиция Верховного суда США. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/402/415/ (дата обращения: 06.05.2024).

[88] "Нью-Йорк Таймс" против Соединенных Штатов, 403 US 713 (1971) // Юстиция Верховного суда США. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/403/713/ (дата обращения: 06.05.2024).

Соединенных Штатов Америки за пределами их границ. Судья Харлан, к которому присоединились Бергер и Блэкмен, ссылался на то, что рассмотрение вопросов, касающихся внешней политической деятельности США, требует осторожности, поскольку успех в достижении консенсуса между странами во многом зависит от уровня секретности. Раскрытие подобных документов крайне негативно влияет на политические события в стране и может пагубно сказаться на будущих процессах. Они также утверждали, что «сама природа принятия решений со стороны правительства в отношении внешних переговоров является политической, а не судебной обязанностью. Подобные решения Конституция возлагает на политические департаменты исполнительной и законодательной власти»[89].

Роль председателя Суда обладает существенным значением при разрешении вопросов, затрагивающих национальную безопасность. Данная проблематика предполагает тщательное исследование, в рамках которого возникает потенциальная возможность ограничения публикаций, в особенности если они касаются внешнеполитической деятельности государства. Верховному суду также необходимо учитывать преобладающие в обществе политические настроения, что становится особенно актуальным в периоды вовлеченности государства в военные конфликты. Тем не менее принцип прозрачности функционирования государственных институтов сохраняет свою фундаментальную важность, и ограничение прозрачности этих институтов может негативно сказываться на обществе. Дискуссия не утихает относительно того, должна ли пресса иметь абсолютную свободу или же допустимо, чтобы государство вводило ограничения на информацию, затрагивающую вопросы национальной безопасности.

Судебное решение, вынесенное в пользу The New York Times, в конечном счете способствовало укреплению позиций прессы в области свободной публикации материалов. Созданный этим делом прецедент

[89] "Нью-Йорк Таймс" против Соединенных Штатов, 403 U.S. 713 (1971) // Юстиция Верховного суда США. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/403/713/ (дата обращения: 06.05.2024).

неизменно привлекается в ходе последующих судебных разбирательств, касающихся введения предварительных ограничений на публикации в СМИ.

Несомненно, Первая поправка к Конституции Соединенных Штатов сыграла определяющую роль в закреплении свободы выражения воли народа, включая гарантии свободы слова, печати и вероисповедания. Анализируя историю Верховного суда США, особенно в контексте интерпретации данной поправки, можно констатировать, что в период, предшествовавший председательству Эрла Уоррена, судебные решения отличались большой вольностью. Проведенный анализ позволяет автору заключить, что при толковании конституционных норм Верховный суд зачастую опирался не столько на объективные факты, сколько на их субъективную интерпретацию. Принимая во внимание общественно-политический контекст, он учитывал преобладающие в обществе настроения, что неизбежно оказывало влияние на выносимые решения. Кризисные явления 1950-х годов, грозившие перерасти в гражданское противостояние, выступили одним из факторов, побудивших государственные институты демонстрировать повышенную «толерантность» и «сдержанность» во взаимоотношениях с гражданами. Хотя отдельные правоведы утверждают, что либеральный характер решений Эрла Уоррена объяснялся его личными убеждениями, автор не вполне разделяет данную точку зрения. Безусловно, личные взгляды каждого председателя Верховного суда оказывают воздействие на исходные предпосылки его деятельности, однако голос председателя обладает равным весом с голосами других судей, и, следовательно, он не в состоянии единолично изменять итоговые судебные вердикты. Например, преемник Эрла Уоррена Бергер до середины своего срока не мог существенно изменить деятельность Верховного суда в сторону консерватизма. Только после того, как его состав изменился в пользу консерваторов, начался процесс «контрреволюции» «суда Бергера». Таким образом, утверждение о том, что глава Верховного суда смог в одиночку трансформировать концептуальные основы судебной деятельности исключительно под влиянием личных воззрений, представляется ошибочным.

Давление со стороны общества стало тем ключевым фактором, который вынудил Верховный суд пойти на уступки и принять более либеральные решения, направленные на предотвращение дальнейшего раскола социума и подавление массовых протестных волнений по всей стране. Действия Эрла Уоррена можно интерпретировать как масштабный стратегический маневр, способствовавший предотвращению гражданской войны посредством расширительного толкования конституционных норм.

Первая поправка к Конституции всегда находилась в центре внимания Верховного суда США. Споры о ее толковании составляют одну из главных линий американской конституционной истории. Однако долгое время, практически до середины XX века, федеральные суды избегали либерального подхода к ее применению в делах о свободе слова, печати и религии. Суды штатов в этот период действовали еще жестче и нередко выносили по таким делам более суровые решения.

В сфере свободы прессы консервативные прецеденты «суда Бергера» оставили особенно заметный след. При всех оговорках о непоследовательности некоторых решений общее направление судебной политики того периода не вызывает сомнений. Суд склонялся к ограничительной интерпретации конституционных гарантий, и Первая поправка не стала исключением из этого правила. Наиболее показательным примером здесь является дело *Branzburg v. Hayes*, рассмотренное в 1972 году. Верховный суд постановил, что журналисты, привлеченные к судебному разбирательству, обязаны предоставлять имеющуюся у них информацию, даже если ранее они приняли на себя обязательства сохранять конфиденциальность источников.

В основе дела лежали публикации Пола Бранзбурга. Журналист провел собственное расследование незаконного оборота наркотиков в Кентукки и обнародовал собранные сведения в газете города Луисвилля. Когда большие жюри штата, занимавшиеся расследованием этих преступлений, вызвали его для дачи показаний, Бранзбург ответил отказом. Он настаивал на том, что

имеет право защищать анонимность информаторов, и эта позиция привела к судебному разбирательству. Параллельно развивались еще два дела со схожей хронологией. В делах *In re Pappas* и *United States v. Caldwell* другие журналисты, освещавшие деятельность «Черных пантер», также получили предписания явиться перед большими жюри и раскрыть собранные материалы. Во всех трех случаях позиция журналистов была одинаковой. Они отказывались раскрывать информацию, ссылаясь на Первую поправку. Верховный суд, объединив эти дела, сосредоточился на одном центральном вопросе. Он должен был определить, нарушает ли требование к представителям прессы давать показания перед большими жюри те самые конституционные свободы слова и печати, которые гарантированы Первой поправкой.

В итоговом заключении Суд отверг подобную трактовку, постановив, что принудительное раскрытие журналистами конфиденциальных данных перед большим жюри служит высшим государственным интересам, не затрагивая охраняемые Первой поправкой права. В мотивировочной части решения судья Уайт подчеркнул отсутствие признаков государственного вмешательства с целью установления предварительного ограничения публикаций. Верховный суд подтвердил, что договоренности о конфиденциальности не создают для журналиста особого правового иммунитета, позволяющего уклоняться от предоставления информации в ходе официального расследования[90].

Нормативное значение вердикта по делу *Branzburg v. Hayes* для правоприменительной практики и журналистики сохраняет фундаментальный характер. Данное решение существенно сузило сферу действия «репортерской привилегии» – правомочия журналистов отказываться от разглашения конфиденциальных источников и информации в ходе судебных разбирательств. Следствием этого явилось возникновение перманентного

[90] Branzburg v. Hayes, 408 U.S. 665 (1972) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/408/665/ (дата обращения: 25.05.2025).

правового напряжения между императивными потребностями судебной системы в получении доказательств для уголовного преследования и базовым для расследовательской журналистики требованием гарантировать анонимность информаторов. Таким образом, Верховный суд отказался признать Первую поправку правовым основанием для предоставления журналистам абсолютного освобождения от обязанности свидетельствовать против тех, у кого они брали интервью.

Учитывая практики Суда относительно трактовки Первой поправки, мы видим многогранные, порой противоречивые решения. Прецедент по делу *Branzburg v. Hayes* с одной стороны, показал, что свобода слова и печати могут быть ограничены, а с другой стороны, в деле *Cohen v. California* (1971)[91] Суд уже интерпретировал нормы закона под другим углом. Дело началось с признания Коэна виновным в нарушении общественного порядка после того, как он вышел в коридор здания суда в куртке с надписью «К черту призыв». Верховный суд с участием судьи Джона Харлана отменил обвинительный приговор Коэну, постановив, что государство не может квалифицировать простую публичную демонстрацию ругательных слов как уголовное преступление без наличия «убедительной» причины. Харлан отметил, что обвинительный приговор был вынесен не за поведение Коэна, а исключительно на основе его высказывания[92]. Дело также не включало нецензурную лексику или агрессивные высказывания, направленные на провокацию неповиновения призыву или на срыв его выполнения. Верховный суд США отклонил предположение о том, что использование Коэном ненормативной лексики могло спровоцировать других на нарушение общественного порядка. Харлан отметил, что это указывает на «недифференцированный страх или беспокойство о беспорядках, которые еще не произошли, но этого недостаточно для ограничения права на свободу

[91] Cohen v. California, 403 U.S. 15 (1971) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/403/15/ (дата обращения: 25.04.2024).

[92] Cantwell v. Connecticut, 310 U.S. 296 (1940) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/310/296/ (дата обращения: 25.04.2024).

выражения мнения»[93]. При этом Верховный суд не исключал возможность наказания за публичное использование ненормативной лексики на уровне штатов, указывая, что в Конституции нет явного запрета на такие меры. Развивая свою мысль, Харлан отдельно подчеркивал, что правовое ограничение экспрессивной лексики игнорирует эмоциональную природу языка. Выборочный запрет на использование определенных слов, по его мнению, невозможен без создания прямого прецедента для цензуры.

С Харланом не согласился судья Гарри Блэкман. Он настаивал, что ношение Коэном куртки с ругательной надписью в здании суда следует считать не речью, а поведением, не защищенным Первой поправкой Конституции. Эту позицию заняли и другие судьи, включая Председателя Верховного суда Уоррена Бергера.

Если в рамках судебного разбирательства по делу *Cohen* Суд поддержал нормы Первой поправки касательно свободы слова, то в деле *Gannett Co. v. DePasquale* (1979) позиция суда изменилась. Суть спора свелась к тому, что сторона защиты и сторона обвинения совместно заявили ходатайство о проведении закрытого судебного слушания, и суд это ходатайство удовлетворил[94]. Спор возник вокруг событий, случившихся в Нью-Йорке летом 1976 года. Тогда в районе озера Сенека пропал Уэйн Клапп. Издательский холдинг *Gannett Co*. внимательно следил за ходом расследования и на протяжении всего следствия подробно освещал и поиски пропавшего, и задержание подозреваемых. Когда на стадии предварительного заседания Суд удовлетворил ходатайство сторон о проведении закрытого судебного заседания, издательство восприняло это как ущемление своих прав и подало апелляцию.

При рассмотрении апелляции Верховный суд США пятью голосами против четырех сформулировал позицию, которая с тех пор вызывает споры.

---

[93] Tinsley E. Yarbrough, The Burger Court and Freedom of Expression, 33 Wash. & Lee L. Rev. 37 (1976). URL: https://scholarlycommons.law.wlu.edu/wlulr/vol33/iss1/3 (дата обращения: 19.04.2024).

[94] Gannett Co., Inc. v. DePasquale, 443 U.S. 368 (1979) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/443/368/ (дата обращения: 04.06.2025).

Гарантия публичного суда, записанная в Шестой поправке, защищает интересы только обвиняемого. Ни общественность, ни средства массовой информации не обладают на основании этой поправки безусловным правом доступа к судебным разбирательствам. Верховный суд подтвердил легитимность решения нижестоящей инстанции. Он указал, что Конституция не дает прессе права присутствовать на предварительных слушаниях, если обе стороны процесса считают закрытость необходимой для обеспечения справедливого суда. Основы принципа открытости, воплощенного в Шестой поправке, заключаются не в удовлетворении информационных потребностей общества, а в защите обвиняемого. Он должен быть огражден от возможных злоупотреблений как со стороны суда, так и со стороны прокуратуры.

После оглашения вердикта поднялась волна критики. Многие увидели в таком подходе угрозу прозрачности правосудия. Судья Гарри Блэкман, оставшийся в меньшинстве вместе с тремя коллегами, в своем особом мнении высказал мысль, которая заслуживает самого пристального внимания. Он напомнил, что слушания по исключению доказательств – это тот механизм, через который граждане могут судить о законности действий правоохранительных органов. Закрывая доступ к таким слушаниям, Суд, по сути, лишает общество этой возможности[95].

Решение по делу *Gannett* имело вполне предсказуемое последствие. Закрытые судебные заседания стали проводиться все чаще, и эта практика быстро распространилась по всей стране. Год спустя Верховный суд США столкнулся с новым делом, ставшим прямым продолжением прежнего спора. Дело *Richmond Newspapers, Inc. v. Virginia* вновь касалось уголовного процесса, как и предыдущий спор. Судья закрыл заседание по ходатайству защиты, прокурор не возражал, а журналисты подали апелляцию, считая, что их лишили конституционного права присутствовать на процессе.

---

[95] Историческое постановление обеспечивает доступ СМИ и граждан к судебным разбирательствам // South Dakota Humanities Council. URL: https://sdhumanities.org/landmark-ruling-gives-press-and-public-access-to-criminal-trials/ (дата обращения: 04.06.2025).

Однако в юридической аргументации Верховный суд на этот раз пошел по иному пути. Он не стал пересматривать интерпретацию Шестой поправки, установленную в деле *Gannett*. Вместо этого Суд обосновал отмену решения о закрытии заседания через Первую поправку. Семь судей против одного признали, что ограничение доступа в зал суда представляет собой нарушение именно ее положений. Председатель Уоррен Бергер, формулируя мотивировочную часть, действовал с осторожностью. Он старался не создавать расширительной трактовки, которая позволила бы прессе требовать доступа к любым государственным процедурам, включая закрытые совещания самого Верховного суда. Поэтому аргументация была выстроена на двух опорах. Первая – историческая традиция открытого судопроизводства, общая для Англии и США. Вторая – конституционный принцип, заложенный в Первую поправку и гарантирующий свободу обсуждения вопросов, касающихся работы государственных институтов.

Судья Джон Пол Стивенс, излагая особое мнение, отметил принципиальную новизну достигнутого результата. Верховный суд впервые прямо признал, что произвольное воспрепятствование доступу к социально значимой информации нарушает гарантии свободы слова и печати[96]. Разрешение этой коллизии высветило важную закономерность. Принцип публичного суда и право средств массовой информации присутствовать при отправлении правосудия не противоречат, а взаимно дополняют друг друга. *Gannett* сузил сферу открытости, *Richmond Newspapers* ее вновь расширил, но уже на ином конституционном фундаменте.

Дело *Richmond Newspapers* разрешило спор о доступе прессы к судебным заседаниям. Но Первая поправка защищает не только право присутствовать и освещать. Она защищает и само содержание речи, включая ту речь, которая многим может показаться неприемлемой или оскорбительной.

[96] Историческое постановление обеспечивает доступ СМИ и граждан к судебным разбирательствам // South Dakota Humanities Council. URL: https://sdhumanities.org/landmark-ruling-gives-press-and-public-access-to-criminal-trials/ (дата обращения: 04.06.2025).

Именно в этом контексте в 1972 году Верховный суд рассмотрел дело *Gooding v. Wilson*[97], ставшее важным этапом в развитии доктрины Первой поправки.

В центре спора оказался активист Дж. Уилсон (апеллят), осужденный в штате Джорджия по двум пунктам обвинения. Ему вменялось использование оскорбительных слов и ненормативной лексики. Местный закон устанавливал, что всякое лицо, которое без провокации использует в отношении другого лица и в его присутствии оскорбительные слова или нецензурную брань, способные привести к нарушению общественного порядка, признается виновным в мелком правонарушении[98]. Уилсон обжаловал приговор в окружном суде, настаивая на том, что формулировки закона слишком расплывчаты и тем самым нарушают его права, гарантированные Первой и Четырнадцатой поправками. Окружной суд приговор отменил. В обоснование он указал, что закон штата Джорджия наказывает за высказывания определенного содержания, а это противоречит Конституции. По мнению Суда, свобода слова защищает даже грубую и неприятную речь, если только она не переходит границ, установленных законами. В качестве опоры суд привлек два прецедента – *Cohen v. California* и *Terminiello v. Chicago*.

Для понимания того, почему Верховный суд США пришел в деле *Gooding* к такому выводу, необходимо хотя бы кратко очертить эволюцию подходов к толкованию Первой поправки. Сам вопрос о том, является ли свобода слова абсолютным правом или может быть ограничена, встал перед Верховным судом отнюдь не в 1970-х годах. Еще в 1917 году, в связи с принятием Закона о шпионаже, Суду пришлось определять границы конституционной защиты высказываний. Ответ был дан в деле *Schenck v. United States* (1919). Судья Холмс сформулировал знаменитый критерий «явной и реальной опасности»[99]. Первая поправка не защищает слова, которые

---

[97] Gooding v. Wilson, 405 U.S. 518 (1972) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/405/518/ (дата обращения: 25.04.2024).

[98] Там же. 405 U.S. at. 519.

[99] Paul D. Smith. Gooding v. Wilson: Where from Here, 26 Sw L.J. 780 (1972). URL: https://scholar.smu.edu/smulr/vol26/iss4/8 (дата обращения: 02.05.2024).

создают непосредственную угрозу для общества. Позднее, в деле *Chaplinsky v. New Hampshire*, Верховный суд уточнил эту позицию и выделил узкий класс высказываний, на которые конституционная защита не распространялась. К их числу были отнесены так называемые «бранные слова», способные спровоцировать немедленное нарушение общественного порядка[100].

И вот здесь возникает прямая связь между делами *Chaplinsky* и *Gooding*. Закон Джорджии, по которому судили Уилсона, по своей конструкции почти дословно воспроизводил закон Нью-Гэмпшира, уже признанный соответствующим Конституции. Большинство судей Верховного суда США подчеркнули, что конституционные гарантии свободы слова запрещают штатам наказывать за оскорбительные или нецензурные выражения, если только они не относятся к тому самому узкому классу речи, который был очерчен ранее. Поскольку джорджийский закон выходил за эти пределы, он был отменен. Дело *Gooding*, таким образом, не просто повторило выводы дела *Chaplinsky*, но и закрепило важный ограничительный принцип. Простая грубость или нецензурность высказывания, не создающая непосредственной угрозы, не может служить основанием для уголовного наказания.

Тем не менее с позицией своих коллег не согласился председатель Суда Уоррен Бергер. Он считал, что Верховный суд не должен разбирать, как норма применялась в судах штатов. Его дело сопоставить текст закона с текстом Конституции и определить, есть ли между ними противоречие. Все остальное, по мнению Бергера, к компетенции высшей судебной инстанции не относится. Однако практика пошла по другому пути. После дела *Gooding* суды регулярно

---

[100] Чаплинский был арестован на основании закона штата Нью-Гэмпшир, который предусматривал защиту свободы выражения, но одновременно содержал ограничения на определенные высказывания. Согласно этому закону, не запрещались никакие слова, кроме тех, «которые имеют явную склонность вызывать акты насилия со стороны лица, которому эти слова адресованы». Верховный суд отметил, что конституционное требование заключается в том, чтобы обвиняемый четко понимал текст закона.

В рамках этой доктрины Суд исключил защиту так называемых «боевых слов». Под ними понимались слова, которые «по своему произнесению могут причинить вред или имеют явную склонность провоцировать немедленное нарушение общественного порядка». К категории «боевых слов» отнесли как «классические» оскорбления, так и выражения, «широко употребляемые в обществе». Учитывая доводы Верховного суда, можно предположить, что защита свободы слова в соответствии с Первой поправкой распространяется на все высказывания, за исключением тех случаев, когда они провоцируют адресата на насильственное нарушение общественного порядка.

стали ссылаться на это решение в делах о нецензурной лексике и оскорбительных выражениях. Исход чаще всего был один: речь обвиняемого признавали защищенной Конституцией, а обвинение снимали.

Примерно в то же время судебная практика столкнулась с вопросом, который потребовал еще более тонкого подхода к Первой поправке. Дело *Buckley v. Valeo*, рассмотренное Верховным судом в 1976 году, показало, насколько далеко может простираться конституционная защита высказываний. Суд пришел к выводу, что финансовые взносы в избирательные кампании – это не просто перемещение денег, а форма политического высказывания.

В середине 1970-х годов Верховный суд США рассматривал вопрос о конституционности отдельных положений федерального избирательного законодательства. Сам Федеральный акт о финансировании избирательных кампаний (FECA) Конгресс принял в 1971 году для обеспечения прозрачности данных о поступлениях в электоральные фонды. В 1972 году закон подписал президент Ричард Никсон. Спустя два года Конгресс пересмотрел акт, дополнив его нормами о жестком лимитировании сумм пожертвований и расходов на предвыборную агитацию. Тогда же, в ходе реформы 1974 года, была образована Федеральная избирательная комиссия, уполномоченная следить за финансовой дисциплиной и пресекать нарушения в избирательном процессе.

Иск подала группа политиков во главе с Джеймсом Бакли и Юджином Маккарти, оспорив конституционность основных положений обновленного закона. Заявители настаивали, что новые требования – включая корректировки налогового регулирования – прямо ущемляют права граждан, гарантированные Первой поправкой. Истцы доказывали, что законодатель не учел роль финансовых пожертвований как формы политического самовыражения, указывая: «Регулирование расходования средств на предвыборную деятельность равносильно установлению цензуры для

публичных высказываний»[101]. Согласно их позиции, подобные взносы выступают не просто материальной поддержкой, а механизмом демонстрации убеждений и возможностью обеспечить диалог между кандидатом и электоратом.

По итогам рассмотрения дела Верховный суд вынес коллегиальное решение (*per curiam*). В нем инстанция признала законными лимиты на размер предвыборных пожертвований, однако ограничения на расходование этих средств Суд счел неконституционными.

Обосновывая такой подход, Верховный суд указал, что крупные финансовые вливания от отдельных лиц или организаций способны формировать отношения взаимной заинтересованности между жертвователями и политиками. Чтобы исключить потенциальную коррупцию, выражающуюся в «получении политических преференций в обмен на финансовую поддержку», судьи подтвердили правомерность соответствующих положений Закона о федеральных избирательных кампаниях (*Federal Election Campaign Act*), регламентирующих предельные суммы взносов.

Что касается ограничения расходов на предвыборные кампании, Верховный суд признал такие меры неконституционными. По его мнению, «ограничение расходования этих денежных средств» приравнивается к «ограничению свободы слова». Поскольку почти каждый инструмент коммуникации в рамках предвыборной кампании связан с затратами – митинги, листовки и рекламные ролики требуют значительных вложений. Из-за ограничения суммы, которую кампания или кандидат может потратить на эти формы взаимодействия, снижается возможность свободного выражения мнения кандидата. Это указывает на то, что ограничение расходов на

[101] Бакли против Валео: Дело в Верховном суде, аргументы, последствия // ThoughtCo. URL: https://www.thoughtco.com/buckley-v-valeo-4777711 (дата обращения: 07.05.2024).

предвыборную кампанию серьезно сокращает возможность взаимодействия между кандидатами и обществом[102].

Председатель суда Уоррен Бергер выразил несогласие с мнением своих коллег. По его утверждению, ограничение взносов нарушает права граждан, предусмотренные Первой поправкой. Он считает, что «…ограничение взносов и расходов противоречит основным принципам Конституции. Процесс предвыборной кампании всегда был частным, и Закон о выборах демонстрирует неконституционное вмешательство в него»[103].

Ближе к концу своего пребывания на посту председателя Верховного суда Уоррен Бергер рассмотрел дело *Bethel School District v. Fraser* (1986), в котором подтвердил правомерность ограничения некоторых высказываний в учебных заведениях. Мэтью Фрейзер подал иск против школы Бетель из-за того, что на школьном собрании, где присутствовали около 600 старшеклассников, он произнес неоднозначную речь, в которой предложил своего одноклассника на пост в студенческом совете. В своей речи Фрейзер использовал, по мнению некоторых наблюдателей, двусмысленную сексуальную метафору для продвижения кандидатуры своего друга.

В соответствии со своим дисциплинарным кодексом средняя школа Бетель ввела правило, запрещающее поведение, существенно мешающее образовательному процессу, включая использование непристойных выражений или жестов. Согласно этой дисциплине, администрация школы отстранила Фрейзера от занятий на три дня и запретила ему произносить речь на выпускном. После неудачной апелляции относительно отмены наказания через школьные процедуры Фрейзер обратился в суд с иском против школьного совета, утверждая, что отстранение от занятий из-за произнесения речи на школьном собрании нарушает его право на свободу слова согласно Первой поправке к Конституции США.

---

[102] Бакли против Валео: Дело в Верховном суде, аргументы, последствия // ThoughtCo. URL: https://www.thoughtco.com/buckley-v-valeo-4777711 (дата обращения: 07.05.2024).

[103] Там же.

Окружной суд США и Апелляционный суд Девятого округа вынесли решение в пользу Фрейзера. При рассмотрении апелляции в Верховном суде США большинством голосов (7–2) было определено, что его отстранение от занятий и запрет на произнесение речи на выпускном не противоречат Первой поправке. Вопрос, который решался в рамках этого дела, был следующим: разрешает ли Первая поправка школьному округу привлекать к дисциплинарной ответственности старшеклассника за непристойную речь на школьном собрании.

Вынося свое решение, Верховный суд посчитал необходимым запретить использование вульгарных и оскорбительных выражений в школах. Дело Фрейзера некоторые члены Верховного суда сравнили с предыдущим прецедентом *Tinker v. Des Moines Independent Community School District* (1969), где было принято решение в пользу Тинкера, защитившее таким образом свободу слова в государственных школах. Однако Бергер провел различие между делом Тинкера и делом Фрейзера, подчеркнув, что в предыдущем прецеденте вопрос касался политических высказываний, и при принятии решения необходимо учитывать мотивы правонарушителей. По мнению Бергера, Первая поправка не ограничивает право школ запрещать вульгарную и непристойную речь, так как такой дискурс несовместим с «фундаментальными ценностями государственного школьного образования»[104].

При интерпретации Конституции судьи часто опираются на опыт своих предшественников. По словам Уоррена Бергера, в делах Тинкера и Фрейзера мотивы участников сыграли важную роль. Верховный суд ограничил применение определенных выражений в государственных школах в деле Фрейзера, и его решение можно считать обоснованным. В любой организации, включая учебные заведения, существуют внутренние правила, и школы не являются исключением. Ограничение на использование оскорбительных или

[104] Bethel School District No. 403 v. Fraser // Oyez. URL: https://www.oyez.org/cases/1985/84-1667 (дата обращения 13.05.2024).

неприличных выражений в общественных местах, особенно в образовательных учреждениях, не должно рассматриваться как нарушение принципа свободы слова.

Бергер последовательно придерживался минималистского подхода к конституционному толкованию. Он не считал, что Верховный суд должен множить прецеденты и вторгаться в сферы, которые могут быть урегулированы другими ветвями власти. Расширение полномочий Конгресса и исполнительной власти было для него не тактическим ходом, а принципиальной позицией. Конституционные вопросы вполне могут разрешаться внутри юрисдикции этих институтов без обязательного судебного вмешательства. Такая философия закономерно приводила к расхождениям с остальным составом Суда, и особые мнения Бергера стали неотъемлемой частью его председательства.

Смещение общего курса Верховного суда в этот период фиксируется не только в академической литературе, но и в прикладных исследованиях. *The New York Times* провела анализ решений о свободе слова, сравнив деятельность Суда при нескольких председателях от Уоррена до Робертса (График 1)[105]. Результаты этого сравнения подтверждают то, что видно и при разборе отдельных дел. При Бергере Суд склонялся к ограничительной интерпретации гарантий Первой поправки. Некоторые решения того времени действительно имели либеральную окраску, но сам Бергер в особых мнениях неизменно возвращался к своему главному тезису. Свобода слова не абсолютна, и задача Суда состоит в том, чтобы определить ее пределы, а не раздвигать их до бесконечности.

Остальной состав Верховного суда не всегда поддерживал ограничительный подход Бергера. Тем не менее именно его сдержанность заложила основу для последующего консервативного поворота в судебной

[105] How Conservatives Weaponized the First Amendment // The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2018/06/30/us/politics/first-amendment-conservatives-supreme-court.html?pgtype=Article&action=click&module=RelatedLinks (дата обращения: 08.05.2024).

практике. Председатель не стремился к быстрому пересмотру прецедентов. Вместо этого он систематически формулировал юридические аргументы, сужающие защитные рамки Первой поправки. Попытки Бергера легитимизировать государственное вмешательство в работу медиа и сферу политической речи сформировали правовую базу, на которую позднее опирались консервативные судьи при пересмотре доктрин о клевете, финансировании выборов и национальной безопасности.

Анализ судебной практики 1969–1986-х годов указывает на заметную трансформацию правовой политики Верховного суда США в сфере свободы слова и прессы. Либеральные подходы эпохи Уоррена постепенно сменились доктринальной сдержанностью и прагматизмом нового председателя. Рассмотренные ключевые дела не только отражают эту доктринальную эволюцию, но и подтверждают определяющую роль самого Бергера в формировании новой практики.

В указанный период Верховный суд США так и не выработал единой концепции, которая бы объединила защиту индивидуальной свободы слова и институциональной свободы прессы. Несмотря на смысловую близость этих гарантий Первой поправки, Верховный суд при Бергере воздерживался от создания общих правил. Инстанция избегала прямых разъяснений относительно того, насколько эти свободы автономны или взаимосвязаны. При этом изучение самих решений (и в первую очередь, позиции председателя) показывает, что на практике суд наделял эти права разным весом и уровнем защиты исходя из фактических обстоятельств конкретного дела.

В этих решениях Уоррен Бергер последовательно выступал за баланс между правами Первой поправки и иными государственными интересами – будь то национальная безопасность, охрана общественного порядка или эффективность правосудия. Относительно индивидуальной свободы слова его позиция не отличалась строгим единообразием. Так, он не согласился с необходимостью защищать оскорбительные высказывания в деле *Cohen v.*

California (1971) и символическую речь в *Gooding v. Wilson* (1972). Однако в деле *Buckley v. Valeo* (1976) Бергер поддержал позицию, признающую политические расходы формой конституционного выражения.

Что касается свободы прессы, здесь председатель действовал более осторожно. В деле *New York Times Co. v. United States* (1971) Бергер настаивал на широких полномочиях исполнительной власти в вопросах национальной безопасности. Он прямо поддерживал ограничение прав прессы ради интересов правосудия, требовал обязательного раскрытия журналистских источников перед большим жюри в *Branzburg v. Hayes* (1972) и выступал за закрытие предварительных слушаний в *Gannett Co. v. DePasquale* (1979).

Анализ судебной деятельности Уоррена Бергера позволяет сделать вывод о том, что он последовательно придерживался минималистского подхода к толкованию Конституции. В делах, касавшихся Первой поправки, он либо занимал подчеркнуто сдержанную позицию, либо прямо расходился во мнениях с коллегами. Однако если рассматривать практику Верховного суда в целом, картина получается более сложной. По делам о свободе слова, где речь шла об индивидуальных правах, Суд проявлял заметную лояльность. Когда же вопрос касался защиты прессы как самостоятельного института, перевес оказывался минимальным. Таким образом, институциональная защита прессы давалась Суду труднее, чем защита индивидуальных прав.

2.2 Доктрина «стены разделения»: интерпретация отношений церкви и государства

Определение границы между религией и государством остается одной из самых трудных проблем американского конституционного права. Суды и ученые десятилетиями ищут консенсус по этому поводу, однако единого мнения до сих пор нет. Рекс Э. Ли, оценивая масштаб проблемы, высказался

на этот счет довольно категорично. По его убеждению, ни одна сфера конституционного права не ставит перед судами, исследователями и практиками столь сложных и творческих задач, как вопрос о том, что именно подразумевается под установлением религии[106]. По сути, каждое новое поколение юристов заново и по-своему описывает эту проблему.

Практика Верховного суда США при Уоррене Бергере представляет в этом отношении особый интерес. Именно в 1970-е годы были рассмотрены прецеденты, заложившие основу для разрешения религиозно-правовых споров в последующие десятилетия. Многие сформированные тогда прецеденты сохраняют свою актуальность и действуют по сей день. Однако прежде чем переходить к их разбору, необходимо в общих чертах рассмотреть исторический контекст, в котором складывалось правовое положение религии в Соединенных Штатах.

Исторический фон, на котором складывалась американская модель религиозной свободы, был довольно напряженным. Чтобы понять, почему вопрос о религии занял такое место в конституционном праве, достаточно вспомнить, от чего отталкивались создатели Конституции. Базовая гарантия здесь была сформулирована в Первой поправке. Она провозгласила свободу вероисповедания и запретила Конгрессу издавать законы, устанавливающие государственную религию или ограничивающие религиозные практики. Эта норма не являлась случайной. В Англии и части американских колоний существовала официальная религия, пользовавшаяся прямой поддержкой властей. Государство признавало определенное вероучение, включало его принципы в правовую систему, финансировало церковь через налогообложение и допускало ее институты к участию в управлении.

Однако в США, в отличие от английской модели, сложилась уникальная ситуация. Хотя в отдельных штатах вплоть до начала XIX века сохранялись официальные церкви, после объединения колоний стало ясно, что ни одна

[106] Rex E. Lee, Religion and the Burger Court, 84 MICH. L. REV. 603 (1986). URL: https://repository.law.umich.edu/mlr/vol84/iss4/6 (дата обращения 16.05.2024).

конфессия не может доминировать на федеральном уровне. Разнообразие религиозных течений (от конгрегационалистов в Новой Англии до англикан в Вирджинии) привело к тому, что ни одна группа не была готова уступить привилегии другой. Более того, к моменту образования США здесь уже существовало множество независимых сект и деноминаций, что делало практически невозможным создание единой государственной религии.

Следует отметить, что многие из первых поселенцев, а также последующие волны иммигрантов прибывали в американские колонии, спасаясь от религиозной нетерпимости на своей родине, – будь то кальвинисты, католики, баптисты, методисты или представители иных религиозных групп. Учитывая разнообразие религиозных убеждений, еще до принятия Конституции Континентальный конгресс в первой статье Указа от 1787 года для правительства Северо-Западной территории предусмотрел, что «ни один человек, ведущий себя мирно и упорядоченно, никогда не должен подвергаться притеснениям из-за своей культуры или религиозных убеждений на данной территории»[107]. Это свидетельствовало о том, что на этих территориях существовало множество различных конфессий, и практически невозможно было объединить их в рамках единой веры.

Равное отношение ко всем религиям, лежащее в основе свободы вероисповедания, является важнейшим принципом, требующим невмешательства государственных властей в дела церкви. Роджер Уильямс считал, что разделение церкви и государства необходимо для сохранения независимости миссии церкви от интересов государства. Уильямс поддерживал точку зрения относительно доминирующего влияния финансового фактора на государственно-церковные отношения. По его мнению, если государство оказывает поддержку церкви, то последняя, в свою очередь, будет вынуждена выполнять условия первого, то есть действовать по принципу «услуга за услугу». Виргинцы, среди которых были Томас

[107] Там же.

Джефферсон и Джеймс Мэдисон, также выступали за свободу вероисповедания, выражая обеспокоенность тем, чтобы государство не подчинялось интересам церкви.

Многие считают, что с принятием Первой поправки был установлен принцип разделения религии и государства, однако это мнение ошибочно, поскольку Первая поправка, как и другие положения Билля о правах, ограничивала свою юрисдикцию, распространяясь исключительно на федеральное правительство. Такую позицию Верховный суд подтвердил в деле *Barron v. Baltimore* (1833), постановив, что Билль о правах не применяется к правительствам штатов. Важно отметить, что в более раннем проекте поправки Джеймс Мэдисон предлагал распространить действие Первой поправки как на штаты, так и на федеральное правительство. Тем не менее положения Первой поправки начали применяться к штатам только после принятия Четырнадцатой поправки.

Американский юрист Филип Б. Курланд[108] отмечает в своей работе, что основная функция Конституции заключается в ограничении полномочий государства по вопросам вероисповедания и свободы слова. «Конституция создана для того, чтобы служить обществу, в котором народ является суверенным, а не наоборот. Такое государство должно основываться на правлении большинства, но его создатели понимали, что большинство также может быть деспотичным, поэтому гарантии для меньшинств, даже состоящих из одного человека, также необходимы. Предметом внимания Билля о правах была свобода личности. Положения о религии также касаются отдельных людей, а не церквей, членами которых они могут быть»[109]. Филип Курланд также отмечает, что при разработке Билля о правах предполагалось, что роль государства в жизни граждан будет ограниченной, а его основные функции заключаются в защите жизни, обеспечении свободы слова, неприкосновенности имущества, а также в обороне от внешних угроз. Главная

[108] Там же. С. 6.
[109] Там же. С. 6.

задача заключалась в создании государства, достаточно сильного для обеспечения этих прав, но при этом не настолько могущественного, чтобы представлять угрозу своим гражданам. Это должно было стать экспериментом по установлению нового общественного порядка, известного как *novus ordo seclorum*[110].

В рамках толкования Первой поправки к Конституции по религиозным вопросам Верховный суд в основном придерживался четырех основных принципов:

- отделение церкви от государства;
- сотрудничество религиозной и светской деятельности в контексте религии;
- равное отношение ко всем религиям;
- интеграция религиозных и политических аспектов.

Подход Верховного суда США к вопросу разделения церкви и государства формировался постепенно, основываясь на анализе намерений авторов Конституции. Основной целью было предотвращение как подчинения религии государству, так и обратного влияния. Верховный суд сыграл ключевую роль в этом вопросе. Термин «отделение церкви от государства» часто используется для описания отношений между законом и религией, однако он упрощает сложный характер их взаимодействия. Анализ судебной практики показывает, что в одних случаях система способствует разделению, а в других − допускает определенное пересечение интересов. До начала Второй мировой войны судьи не придавали особого значения вопросам свободы вероисповедания. Это было связано с тем, что религия находилась в ведении штатов. Первым делом, в рамках которого Верховный суд США применил положения Первой поправки к штатам, стало дело *Cantwell v. Connecticut* (1940). В ходе рассмотрения этого дела Верховный суд заявил: «Фундаментальная концепция свободы, воплощенная в Четырнадцатой

[110] Там же. С. 6

поправке, охватывает свободы, гарантированные Первой поправкой… Четырнадцатая поправка сделала законодательные органы штатов такими же некомпетентными, как Конгресс, которому запрещено применение законов, ограничивающих свободное вероисповедание»[111].

В течение десятилетий Верховный суд США выработал пределы взаимоотношений религии и государства. Однако в результате этих ограничений возникли явные несоответствия в том, как применяются конкретные правила и практика, связанные с религией в Соединенных Штатах. Например, можно выделить следующие случаи:

− учащимся государственных школ запрещается произносить молитвы вслух в классах или на футбольных матчах, в то время как в Конгрессе США есть свои капелланы, которые проводят ежедневные молитвы;

− десять заповедей не вывешиваются в классах государственных школ, но они представлены на нескольких стендах в здании Верховного суда США в Вашингтоне;

− несмотря на то, что страна придерживается принципа разделения церкви и государства, был принят национальный девиз, который провозглашает: «Мы верим в Бога».

Большинство людей склонны считать, что в Соединенных Штатах Америки четко разделены религия и государство. Вместе с тем возникает вопрос: как можно утверждать, что система, провозглашающая «Мы верим в Бога» своим национальным девизом и упоминающая имя Бога в клятве верности, действительно придерживается принципа отделения церкви от государства.

Верховный суд США изучал труды отцов-основателей, чтобы установить взаимосвязь между религией и государством, направленную на укрепление социального и политического порядка в стране. При

---

[111] Закон. Верховный суд США и религия // Religion. URL: https://oxfordre.com/religion/display/10.1093/acrefore/9780199340378.001.0001/acrefore-9780199340378-e-449#acrefore-9780199340378-e-449-bibItem-0054 (дата обращения: 22.05.2024).

интерпретации конституционных норм он часто обращался к идеям Томаса Джефферсона, стремясь восстановить их первоначальный смысл. Именно Джефферсон в 1802 году первым употребил формулу о возведении стены между церковью и государством, комментируя положения о религии[112]. Спустя почти полтора века, в 1947 году, эта фраза вошла в решения Верховного суда. Для судей она стала подтверждением того, что авторы Конституции считали разделение церкви и государства одним из ключевых принципов нового политического порядка.

Современное американское право понимает это разделение особым образом. Речь идет не о строгом, а об институциональном размежевании. Конституция требует, чтобы церковные и государственные институты не находились друг с другом в отношениях зависимости или функциональной связанности. За этим стоит убеждение, что обе сферы работают эффективнее, когда ни одна не может подчинить себе другую.

Следовательно, основываясь на вышесказанном, церкви и другие молитвенные дома не получают прямого государственного финансирования и не обязаны платить налоги на доходы. Основатели Конституции были уверены, что создание сильного национального государства невозможно без духовного объединения граждан. Они полагали, что религиозное воспитание, которое лежит в основе морали, должно происходить в первую очередь в рамках религиозных сообществ, а не под контролем государства[113].

Принятие Первой поправки было попыткой основателей Конституции ограничить роль государства в регулировании религиозной жизни граждан. Принцип свободы вероисповедания отражал стремление авторов передать контроль над религией самим людям, чтобы они самостоятельно определяли свои религиозные убеждения. Данный подход стал успешным экспериментом, и Верховный суд до сих пор принимает решения, связанные с религией,

---

[112] Томас Джефферсон являлся автором Декларации независимости и третьим президентом Америки.

[113] Добродетель и Континентальный конгресс в книге «Религия и Континентальный конгресс, 1774–1789: Вклад в первоначальное намерение», изд. Дерек Х. Дэвис (Нью-Йорк: издательство Оксфордского университета, 2000). Глава 10.

основываясь на этом принципе. Судья Уайли Ратледж отмечал: «Мы поставили на карту само существование нашей страны, полагая, что полное разделение между государством и религией лучше для государства и для религии»[114].

Считается, что позиция Верховного суда заключается в «отделении» церкви от государства, однако юристы характеризуют его стратегию как «отказ в помощи». Тем не менее на практике видно, что Верховный суд не стремится ограничить взаимосвязь религии с государственной поддержкой, а, скорее, одобряет государственное содействие «светской» деятельности в религиозных учреждениях, отказывая при этом в финансировании «священных» аспектов религиозной практики.

Верховный суд США стремился не разрешать использование государственных средств для церкви и других религиозных учреждений в строго религиозных, «несекулярных» целях, таких как выплата зарплаты духовенству, финансирование церкви и тому подобное. Высший судебный орган страны традиционно ограничивал выделение бюджетных средств церквям и иным религиозным объединениям для сугубо конфессиональных, не связанных с общегражданскими нуждами целей, таких как содержание духовенства или прямое финансирование религиозных организаций. Вместе с тем проблема субсидирования государством конфессиональных учебных заведений остается дискуссионной. В XX столетии судебная практика сформировала принцип «никакой помощи», базирующийся на идее разграничения сфер влияния светской власти и религиозных институтов. Данный подход исходит из того, что любая государственная поддержка может негативно сказаться на независимости религиозных организаций, сделав их зависимыми от бюджетных ассигнований. По мнению судей, подобное финансирование способно привнести политическую составляющую в деятельность религиозных структур, что в перспективе может подорвать их

[114] Everson v. Board of Education, 330 U.S. 1 (1947) // U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/330/1/ (дата обращения: 23.05.2024).

нравственную функцию и лишить общество важного источника духовных ориентиров.

Первая поправка к Конституции является основным нормативно-правовым актом, который содержит базовые принципы прав граждан. Ее положения, связанные с религией, мало использовались при пересмотре дел в Верховном суде США. Однако после избрания Уоррена Бергера его председателем началось активное рассмотрение дел, связанных с взаимоотношениями церкви и государства. Главные вопросы, которые обсуждались во время «суда Бергера», касались проблемы религии в государственных и частных школах.

Верховный суд США после того, как в деле *McCollum v. Board of Education* (1948) запретил в государственных школах проводить религиозные учения, обратил на себя более негативное общественное внимание. В 1952 году Верховный суд США рассматривал дело *Zorach v. Clauson*, в котором изучалась законность практики предоставления учащимся государственных школ права покидать территорию учебного заведения во время занятий для участия в религиозных церемониях. Эта практика была признана соответствующей Конституции США, так как она допускала религиозное обучение за пределами школ в течение одного часа в неделю без государственного финансирования. Филип Б. Курланд утверждал, что Верховный суд принял такое решение под общественным давлением[115].

Практика, в рамках которой Верховный суд запретил школам предоставлять свои помещения для обучения религии, утратила свою актуальность, поскольку эта мера была направлена в первую очередь на нейтральное отношение государства к различным религиозным учениям и защиту прав граждан на свободу вероисповедания. Если школа сосредотачивается на преподавании одной религии, это может не удовлетворить сторонников других вероисповеданий, что указывает на

[115] Там же.

превосходство одной религии над другой. Государство стремилось создать атмосферу равенства, чтобы в школах все были нейтральными, и никто не ущемлял права других.

В частности, этот прецедент привел к возникновению другой проблемы. Разрешение ученикам во время учебных занятий покидать школу для получения религиозных учений создало неравную атмосферу среди школьников. Фактически одни покидали школу ради получения религиозных учений, в то время как другие ученики оставались ждать их в одиночестве. По этому вопросу, возможно, суд штата Иллинойс сформулировал более удачный прецедент, чем Верховный суд США. В 1910 году в деле *Ring v. Board of Education* Суд высказал свое мнение: «Исключение ученика из общей части школьных занятий по религиозным мотивам ставит его в неравное положение с остальными. Такая практика изолирует ребенка от коллектива, лишает равных образовательных возможностей и, кроме того, создает почву для религиозного осуждения. Все это происходит исключительно в силу его религиозных убеждений и не имеет законных оснований. Если же освоение учебной программы требует освобождения отдельных учеников по мотивам их собственных или родительских религиозных воззрений, то такая программа приобретает сектантский характер и противоречит Конституции»[116].

Вопрос о предоставлении помещений ученикам или студентам в государственных образовательных учреждениях стал снова обсуждаться после решения Верховного суда по делу *Widmar v. Vincent* (1981)[117], когда Суд разрешил группам студентов проводить религиозные дискуссии и форумы в университетских помещениях.

Позиция Верховного суда в деле *Widmar v. Vincent* во многом отличалась от подхода, продемонстрированного в раннем прецеденте *McCollum v. Board of Education* (1948), где он запретил религиозным объединениям использовать

[116] Там же.

[117] Widmar v. Vincent, 454 U.S. 263 (1981) // U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/454/263/ (дата обращения 21.05.2024).

помещения государственных школ. В деле *Widmar v. Vincent* рассматривалась правомерность политики государственного университета, который ограничивал доступ религиозных студенческих организаций к аудиториям кампуса. Университет обосновывал свои действия угрозой религиозной пропаганды, однако Верховный суд отклонил этот довод, признав подобные ограничения нарушением конституционных гарантий свободы слова и вероисповедания.

Верховный суд указал, что предоставление аудиторий государственных учебных заведений для обсуждения религиозных вопросов само по себе не противоречит Конституции. При этом проведение полноценных богослужений в таких помещениях было признано недопустимым, так как это нарушает принцип светскости государства. Судья Уайт в особом мнении подчеркнул, что религиозные группы стремились не к академическим дискуссиям, а к проведению культовых мероприятий. По его мнению, превращение университетских помещений в места отправления религиозных обрядов прямо запрещено Конституцией. Таким образом, судебная практика демонстрирует дифференцированный подход к вопросу взаимодействия религиозных организаций и государственных образовательных учреждений.

Решение по делу *Widmar v. Vincent* отличалось одной важной особенностью. Право пользоваться университетской инфраструктурой получали только студенческие религиозные объединения, и на школьников это право не распространялось. Тем не менее прецедент сыграл роль юридической базы для последующих законодательных шагов. В 1984 году был принят Акт о равном доступе, который расширил действие принципов, заложенных в деле *Widmar*, на все общеобразовательные учреждения с федеральным финансированием. Благодаря этому религиозные объединения получили гарантированную возможность проводить встречи в помещениях государственных школ.

Не менее значимым для эпохи Бергера стало решение по делу *Lemon v. Kurtzman*, вынесенное в 1971 году. Оно заложило основы доктрины светской

законодательной цели и ввело в юридическую практику трехкомпонентный критерий оценки конституционности законов, получивший название «тест Лемона». Предметом разбирательства послужил Закон штата Род-Айленд «О выплатах компенсационного характера педагогам», принятый в 1969 году. Документ предусматривал возмещение расходов на оплату труда учителей частных религиозных школ, преимущественно католических, которые вели предметы светского цикла по программам, совпадающим с государственными образовательными стандартами.

Для определения соответствия данного законодательного акта положению Первой поправки (*Establishment Clause*), Верховный суд США разработал систему критериев, названную впоследствии по имени заявителя. В соответствии с установленными требованиями, закон может считаться конституционным только при соблюдении трех обязательных условий:

– Наличие светской цели – законодательная инициатива должна быть направлена на достижение нерелигиозных общественно значимых целей;

– Нейтральность воздействия – основной результат применения закона не должен ни способствовать, ни препятствовать религиозной деятельности;

– Минимизация вмешательства – нормативный акт не должен создавать условий для чрезмерного вовлечения государственных институтов в религиозные дела.

Анализ фактических обстоятельств дела выявил следующую ситуацию: четверть всех учащихся начальных классов штата получали образование в частных школах, при этом подавляющее большинство (95 %) этих учреждений принадлежали римско-католической церкви. В результате реализации оспариваемого закона материальную поддержку получили исключительно 250 преподавателей католических учебных заведений. Верховный суд пришел к выводу, что подобная система финансирования фактически являлась составной частью религиозной деятельности церковных школ, что создавало недопустимую по конституционным меркам степень вовлеченности

государства в религиозные дела и, следовательно, нарушало положения Первой поправки.

Глава Верховного суда США Уоррен Бергер решительно выступал против любой государственной поддержки религиозных школ. Большинство судей, включая Уильяма О. Дугласа, Хьюго Л. Блэка, Байрона Р. Уайта и Уильяма Дж. Бреннана-младшего, поддержали его позицию. Дуглас отметил, что вмешательство государства в управление религиозными школами через предоставление грантов и другого финансирования создает путаницу, противореча нормам Первой поправки. Он также утверждал, что несекулярные школы в значительной степени руководствуются религиозными идеологиями, и любое государственное финансирование может рассматриваться как поддержка конкретных конфессий, чего не хотели основатели Конституции. Судья Уильям Дж. Бреннан-младший написал отдельное заключение, в котором подчеркнул, что опасность состоит не только в проникновении религии в государственные структуры, но и в том, что государство может способствовать секуляризации, направленной на поддержку религиозных убеждений[118].

В будущем тест Лемона применялся в ряде значимых дел. В 1985 году Верховный суд в деле Уоллес против Джеффри заявил, что нет необходимости рассматривать механизмы воздействия и запутанности, если рассматриваемый закон не имеет явной светской цели. Решение по делу Лемона стало знаковым прецедентом «суда Бергера», поскольку оно установило границы для принятия законов, связанных с религией. Как было отмечено в деле Округ Маккрири против Американского союза гражданских свобод (2005), «когда государство действует с явной и преобладающей целью продвижения религии, это нарушает основную ценность официального религиозного нейтралитета,

[118] Там же.

поскольку нейтралитет отсутствует, когда очевидной целью государства является поддержка определенной стороны»[119].

Использовав тест Лемона, Верховный суд США в деле *Mueller v. Allen*, (1983)[120] оставил в силе закон штата Миннесота, который позволял налогоплательщикам вычитать из своего государственного подоходного налога расходы на обучение, учебники и транспорт для детей, посещавших начальную или среднюю школу. Родители, отправлявшие своих детей в приходскую школу, также имели право на этот налоговый вычет. Истцы, являвшиеся налогоплательщиками штата Миннесота, подали иск в Федеральный окружной суд против налогового комиссара Миннесоты и родителей, воспользовавшихся налоговыми вычетами, связанными с обучением их детей в приходских школах. Истцы утверждали, что предоставление финансовой поддержки религиозным учреждениям нарушает Первую поправку к Конституции, гарантируя принцип отделения церкви и государства.

В ходе рассмотрения дела *Mueller v. Allen* судья Ренквист, к которому присоединились судьи Бергер, Уайт, Пауэлл и О'Коннор, посчитал, что закон штата Миннесота не преследовал цели продвижения религиозных негосударственных школ и не вводил государство в чрезмерную зависимость от религиозных институтов. Он утверждал, что суть закона заключалась в обеспечении доступности налоговой льготы для всех родителей, независимо от того, в какой школе учатся их дети. При этом выгоду от налогового вычета получали именно родители, а не религиозные школы. Верховный суд подчеркнул, что Миннесота не предоставляла привилегий религиозным учреждениям, а лишь создавала механизм налоговой поддержки для родителей, выбирающих учебные заведения для своих детей. Таким образом,

---

[119] Округ Маккрири против Американского союза защиты гражданских свобод, Кентукки., 545 U.S. 844 (2005), часть II A. Центр Верховного суда США Justia. 27 июня 2005 г.

[120] Mueller v. Allen, 463 U.S. 388 (1983) // U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/463/388/ (дата обращения: 29.05.2024).

закон удовлетворял критерии трехступенчатого теста, разработанного в деле *Lemon v. Kurtzman* (1971).

Несмотря на то, что Верховный суд США оставил в силе закон штата Миннесота, значительное число судей выразили несогласие с таким решением. Судья Маршалл, к которому присоединились судьи Бреннан, Блэкман и Стивенс, отметил: «Положение об учреждении Первой поправки запрещает государству субсидировать религиозное образование, независимо от того, делает ли оно это прямо или косвенно. Этот принцип нейтралитета запрещает не только налоговые льготы, предусмотренные в деле *Committee for Public Education v. Nyquist* (1973), но и любую льготу, включая рассматриваемую в рамках настоящего дела, которая субсидирует оплату обучения в сектантских школах. Положение об учреждении запрещает налоговые вычеты, которые Миннесота разрешает в отношении стоимости книг и других учебных материалов, используемых в сектантских целях»[121].

Учитывая позиции Верховного суда США, можно сделать вывод, что регулирование взаимоотношений государства и религии остается сложным и спорным вопросом, по которому трудно достичь общего консенсуса. Свобода вероисповедания, согласно Первой поправке, более связана с личными взаимоотношениями каждого человека с Богом, в то время как церковь, мечеть или другие места молитвы создают условия для проведения религиозных обрядов. Моральные и религиозные ценности понимаются людьми по-разному, и каждый человек имеет свое представление о том, что является справедливым, а что нет. Таким образом, попытки Верховного суда США были направлены на достижение общего решения по вопросу разделения церкви и государства. Хотя на практике Верховный суд не всегда обозначал четкую позицию государства, он оставил определенные возможности для взаимодействия этих двух институтов, чтобы они могли работать взаимно.

[121] Mueller v. Allen, 463 U.S. 388 (1983) // U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/463/388/ (дата обращения: 29.05.2024).

Как уже упоминалось, «суд Бергера» твердо придерживался позиции «никакой помощи» религии. Однако дело *Meek v. Pittenger* показало, что не все судьи разделяли эту точку зрения. В этом деле Верховный суд частично признал два закона штата Пенсильвания неконституционными, но при этом предоставил возможность ученикам религиозных школ получать помощь от государства.

По мнению суда, существенная часть помощи фактически способствовала развитию религиозных аспектов деятельности образовательных учреждений – например, через аренду учебного оборудования, использование лабораторных инструментов или предоставление консультаций студентам-инвалидам. Верховный суд подчеркнул: любая поддержка религиозных школ, даже при наличии «светских» целей, признается нарушением Конституции.

Тем не менее, доктрина «никакой помощи» не стала абсолютной, и возможности для взаимодействия государства и религии в вопросах финансовой поддержки со временем расширялись. Верховный суд не стал придерживаться жесткой позиции полного отказа в любой государственной помощи (прямой или косвенной) религиозным школам, а начал искать пути к сотрудничеству.

На этой основе Верховный суд допустил финансирование отдельных «светских» компонентов частных религиозных школ, одновременно запретив поддержку тех направлений, которые могли бы способствовать продвижению вероучения. При рассмотрении дела *Meek v. Pittenger* Суд сформулировал позицию, которая с тех пор цитируется многократно. Выдача учебников допустима, потому что они передаются учащимся, а не школам[122]. А предоставление учебных материалов и оборудования означало бы косвенную помощь государства религиозным школам, и этого Суд позволить не мог. Из такой логики следовал практический вывод. Учебники школьникам

[122] Littleton M. "Meek v. Pittenger." Encyclopedia Britannica, May 12, 2024. URL: https://www.britannica.com/topic/Meek-v-Pittenger (дата обращения: 06.06.2024).

предоставлять можно, потому что эта мера направлена исключительно на поддержку светского образования и не является поддержкой религии как таковой. Остальные программы, такие как стипендии, целевые субсидии на оборудование, компенсации родителям за обучение детей в религиозных школах, оплата труда учителей, были признаны неконституционными. Принцип получился двойственным, но внутренне связным. Все, что помогает ученику, допустимо, все, что помогает религиозной школе как институту, запрещено.

Между тем принцип сотрудничества религии и государства охватывает не только школы. В конце 1990-х годов правительство США начало финансировать церкви и религиозные организации, готовые управлять программами социального обслуживания. Это были программы реабилитации от наркотической и алкогольной зависимости, приюты для бездомных, молодежные проекты по борьбе с преступностью[123]. При всей своей светской направленности и прохождении конституционного контроля такие программы бросали вызов традиционной доктрине. Согласно ей, церкви, храмы, мечети и другие места поклонения считались «сектантскими», а их миссия настолько тесно связана с религией, что выделить в их деятельности «светские» аспекты практически невозможно.

Принципы отделения церкви от государства и сотрудничества между ними действительно создали некую базу в практике Верховного суда США, однако эти аспекты не охватывали все сферы общественных отношений. Например, можно наблюдать, как американская система поддерживает участие религиозных лидеров в политике. Если бы существовала полная независимость, она не поддерживала бы активное участие религиозных групп,

[123] В последующих делах Верховный суд отменил различные части своего решения по делу Мик. Например, в деле *Agostini v. Felton* (1997) суд постановил, что учителя, получающие государственное финансирование, могут проводить коррекционное обучение учащихся приходских школ, а в деле *Mitchell v. Helms* (2000) постановил, что государственные средства могут быть использованы для покупки учебных и образовательных материалов в религиозных школах.

стремящихся влиять на государственную политику через общественное мнение.

Право церквей и других религиозных организаций заниматься политической пропагандой и делать политические заявления никогда не подвергалось ограничениям Верховного суда на протяжении всей истории страны, начиная с колониального периода и до настоящего времени. Например, в годы, предшествовавшие Американской революции, церкви играли ведущую роль в политических дебатах о том, следует ли колониям начать войну с метрополией. В XIX веке основными причинами политических разногласий были рабство и несектантское образование. В XX веке участие религиозных организаций в политической жизни расширилось и затронуло широкий спектр вопросов, включая экономическую и социальную справедливость, войну и мир, аборты, вопросы сексуальной ориентации, гражданские права и мировой голод[124].

Верховный суд США, основываясь на такой практике, в деле *Walz v. Tax Commission of the City of New York* (1970) не отказал религиозным организациям в предоставлении налоговых льгот на имущество. Он постановил, что цель льгот не заключалась в продвижении или подавлении религии. Ни одна конкретная церковь или религиозная группа не была выделена для получения статуса, освобождающего от уплаты налогов. Аналогичным образом, в деле *McDaniel v. Paty* (1978) Верховный суд разрешил религиозным деятелям участвовать в предвыборных дебатах и быть избранными. Судья Уоррен Бергер выразил мнение, что возложение правительством обязанности выбирать между религиозными убеждениями и желанием баллотироваться на должность является неконституционным ограничением свободы вероисповедания. Судья Бергер утверждал, что положение об учреждении не позволяет правительству дискриминировать

[124] Отличные трактовки религиозного лоббирования см. у Рональда Дж. Гребенара и Рут К. Скотт, Политика групп по интересам в Америке (Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси: Прентис-Холл, 1982).

религиозных лиц, претендующих на государственную должность или занимающих ее[125].

Однако такие меры поощрения со стороны Верховного суда не дают религиозным организациям абсолютного права участвовать в формировании государственной политики без вмешательства правительства. Эти организации могут потерять налоговые льготы, например, за крупные политические расходы или поддержку политических кандидатов (лоббирование). Тем не менее они имеют практически те же права на участие в политическом процессе, что и обычные граждане и организации. Это в значительной степени соответствует принципам демократии. Каждый человек или группа в американском обществе, религиозная или светская, имеет право внести свой вклад в политическую жизнь страны, независимо от того, нарушает ли такое участие принцип разделения церкви и государства или нет.

Интеграция религии и политики предоставляет потенциальным кандидатам и должностным лицам возможность свободно выражать свои религиозные взгляды. Иногда они считают разумным воздерживаться от излишнего проявления религиозных чувств. Тем не менее принцип свободы вероисповедания позволяет им открыто обсуждать вопросы веры. Маловероятно, что кандидат в президенты добьется успеха в США без подробного рассказа о своих религиозных убеждениях[126]. Соединенные Штаты Америки отличаются разнообразным религиозным составом, но они, безусловно, являются одной из самых религиозных стран мира, и американское общество обычно ожидает, что представители власти раскрывают свои религиозные предпочтения. Ни один признанный атеист никогда не становился президентом, и, хотя многие из первых президентов были деистами, каждый президент лично участвовал в протестантских

[125] Meek v. Pittenger, 421 U.S. 349 (1975) // U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/421/349/#tab-opinion-1951321/ (дата обращения: 14.06.2024).

[126] Закон. Верховный суд США и религия // Religion. URL: https://oxfordre.com/religion/display/10.1093/acrefore/9780199340378.001.0001/acrefore-9780199340378-e-449#acrefore-9780199340378-e-449-bibItem-0054 (дата обращения: 22.05.2024).

религиозных мероприятиях во время своего пребывания у власти, за исключением двух случаев: Джон Ф. Кеннеди был католиком, а Ричард М. Никсон − квакером. Верховный суд никогда не видел необходимости ограничивать политических кандидатов, обсуждающих религию, будь то их собственная религия или роль, которую религия играет в жизни США.

Несмотря на то, что США придерживаются принципа нейтралитета в отношении религии, в практике встречаются случаи, когда интерес государства в той или иной форме противоречит религиозным обрядам и обычаям. Примером такого случая может выступать дело *Reynolds v. United States*. Согласно американской доктрине, многоженство считается уголовным преступлением, в то время как некоторые религии, в частности, ислам, допускают такую практику. Верховный суд США еще в 1878 году в деле *Reynolds v. United States* определил, что положение Первой поправки к Конституции запрещает государству ограничивать права граждан на свободное вероисповедание, но позволяет наказывать деятельность определенных лиц, признанную преступной, независимо от того, основаны ли их действия на религиозных убеждениях или нет.

Джордж Рейнольдс, член Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, был обвинен в двоеженстве в соответствии с федеральным законом Моррилла о борьбе с двоеженством (*Morrill Anti-Bigamy Act*) после того, как женился на другой женщине, будучи все еще женатым на своей предыдущей жене. Рейнольдс утверждал, что закон неконституционен, и аргументировал это тем, что его религия обязывает его жениться на нескольких женщинах, и, следовательно, закон нарушает его право на свободу вероисповедания согласно Первой поправке.

Рассматривая дело *Reynolds v. United States*, Верховный суд США подтвердил обвинительный приговор и признал правомерность запрета многоженства. Верховный суд установил, что Конгресс не вправе запрещать само убеждение в правильности полигамии, но вправе запретить эту практику

как таковую. Большинство судей исходило из того, что брак, даже будучи религиозно значимым институтом, подпадает под регулирование светского законодательства. Апелляция к вере, по мнению суда, не освобождает гражданина от соблюдения общего законодательства. В результате единогласного решения Верховный суд подтвердил конституционность закона о запрете многоженства и отказался отменить приговор, вынесенный предыдущей инстанцией.

В американской правовой системе принципы разграничения сфер влияния религии и государства формировались постепенно. Этот процесс сопровождался поиском правового баланса между конституционными гарантиями свободы совести и требованием государственного нейтралитета. Судебная практика Верховного суда подтверждает: принцип нейтралитета не предполагает полного исключения религиозных институтов из публичной сферы, если это не приводит к установлению государственной религии. В данной системе Верховный суд выступает в качестве арбитра, разрешающего коллизии между государственным регулированием и религиозными практиками граждан.

Религиозный фактор на протяжении всей истории американского общества был предметом правовых и общественных дискуссий. Начало им положил колониальный период с его пуританскими нормами, продолжением стали современные дебаты о роли религии в государственной системе. Полное устранение подобных противоречий вряд ли достижимо, и судебные решения, подобные рассмотренным ранее, выступают здесь механизмом поиска правового компромисса. Такая практика позволяет сохранять светский характер правовой системы, не отбрасывая при этом религиозные убеждения и интересы граждан.

Соответствующие прецеденты нередко отражают столкновение разных правовых подходов. Представители консервативного крыла Суда видят в них подтверждение традиционных норм, сторонники либерального подхода обращают внимание прежде всего на защиту меньшинств от навязывания

религиозных догм. Сама модель показывает, что демократическая система способна учитывать общественные позиции через правовые процедуры, а Верховный суд обеспечивает их единообразное применение.

В период председательства Бергера подход Суда к взаимодействию государства и религии претерпел заметный сдвиг. Предшествующий этап настаивал на жестком разделении, символом которого стала доктрина «стена разделения». При Бергере Суд пошел другим путем. Он допустил определенные формы сотрудничества и нейтральной поддержки религиозной деятельности в светском контексте, не тронув при этом фундаментальный запрет на установление государственной религии. За этим сдвигом стояло переосмысление Первой поправки, и произошло оно не в академических спорах, а при разборе конкретных дел.

Ранняя практика Бергера держалась на критериях, выработанных в деле *Lemon v. Kurtzman* (1971). Закон признавался конституционным, если имел светскую цель, не создавал эффекта поддержки или подавления религии и не вел к чрезмерному переплетению государства и церкви. Однако применялись эти критерии непоследовательно. В деле *Committee for Public Education v. Nyquist* (1973) Верховный суд подошел к ним со всей строгостью и отменил программы финансовой помощи, связанные с религиозными школами. В деле *Mueller v. Allen* (1983) он рассудил иначе. Налоговый вычет за образовательные расходы, даже если речь шла об обучении в религиозных учреждениях, был признан конституционным. Разница в подходах объясняется не столько сменой доктрины, сколько судебным усмотрением и конкретными обстоятельствами каждого дела.

Правовая политика Верховного суда в религиозной сфере при Бергере смягчалась постепенно. Жесткое разделение государства и религии уступало место иной логике. Сохраняя запрет на прямую поддержку отдельных конфессий, Верховный суд все чаще признавал конституционность участия религиозных организаций в публичной жизни на условиях равного отношения со стороны государства. В первую очередь это касалось доступа к

общественным благам и защиты верующими своих гражданских прав. Подобная практика подготовила почву для более плюралистического подхода к роли религии в американском обществе. На смену жесткому требованию исключить религию из публичной сферы пришло иное понимание. Теперь такой подход выступает гарантией равного отношения к различным вероисповеданиям при их взаимодействии со светскими институтами.

2.3 Права собственности и государственное регулирование: судебные ограничения в контексте социальных реформ

В рамках правовой политики Соединенных Штатов вопрос о допустимых пределах государственного регулирования частной собственности на протяжении десятилетий остается одним из наиболее сложных и дискуссионных аспектов юриспруденции. Конституционные гарантии, закрепленные в Пятой поправке, устанавливают фундаментальный принцип. Согласно закону, никто не может быть лишен жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры, равно как и частная собственность не может быть изъята для общественного пользования без справедливой компенсации. На первый взгляд, эти положения формируют прочный правовой барьер против произвольного вмешательства государства. Но фактическая судебная практика показывает, что применение этих конституционных норм не всегда определяет пределы допустимого вмешательства государства в имущественную сферу.

Особую остроту проблема приобрела в период председательства Уоррена Бергера (1969–1986). Изменение курса движения Суда в сторону консерватизма и меняющиеся социально-экономические реалии потребовали новых подходов. Перемены, с которыми столкнулся «суд Бергера», не были чисто юридическими. В условиях изменения социально-экономической среды

традиционные подходы, уходящие корнями в феодальные принципы, оказались недостаточными. В новых условиях им на смену пришли сложные формы владения, охватывающие нематериальные активы и экономические права. Подобные сдвиги были обусловлены развитием рыночных отношений и изменением экономической среды, существенно отличающейся от условий колониального периода.

Сама категория собственности представляет собой гораздо более сложный объект правового регулирования, чем может показаться при обращении исключительно к конституционному тексту. Проблема заключается в том, что современная судебная система вынуждена опираться на нормы XVIII века, когда представления о распоряжении имуществом были принципиально иными. Сегодня такой разрыв порождает очевидные сложности. Судьям приходится применять старые правовые конструкции в условиях цифровой экономики и новых финансовых инструментов.

Следствием этого стали трудности при определении границ понятия собственности, с которыми сталкиваются даже профессиональные юристы. Противоречивая судебная практика обусловливает необходимость постоянного переосмысления традиционных правовых доктрин[127]. К тому же в процессе конституционного толкования само понятие собственности оказалось раздроблено на множество составляющих. Возникает закономерный ряд вопросов. Защищает ли Конституция имущественные интересы вообще. Если да, то в какой именно момент конкретный интерес приобретает статус собственности.

Судебная политика Верховного суда в сфере охраны собственности исторически менялась вслед за трансформацией общественных отношений. Разрешая подобные правовые коллизии, судебный орган фактически определял границы между государственными интересами и недопустимым вторжением в право собственности. При этом его практику нельзя назвать

[127] Horwitz, The Transformation in the Conception of Property in American Law, 1780-1860, 40 U. CHI. L. REV. 248 passin (1973).

последовательной. Далеко не всегда имущественные права получали абсолютную защиту, однако при любом их ограничении Суд неизменно исходил из конституционного требования справедливой компенсации.

Эта логика во многом опиралась на исторически сложившееся распределение полномочий. В правовой системе США частноправовые вопросы исторически относились по большей части к ведению штатов. При Уоррене Бергере эта региональная компетенция получила дополнительное конституционно-правовое обоснование. Приоритет местных законов систематически подтверждался даже на фоне риска столкновения с федеральными нормами. Показательна в этом отношении линия прецедентов по делам о землепользовании и природоохранном регулировании. В этих вопросах судебная практика неизменно оставляла за властями штатов право самостоятельно искать оптимальное соотношение потребностей общества и частных интересов собственников.

Пределы судебного контроля в сфере собственности опираются на три конституционные гарантии, заложенные в Билле о правах. Третья поправка запрещает постой солдат в частных жилищах без согласия владельца. Четвертая поправка ограждает собственника от необоснованных обысков и конфискаций. Пятая поправка гарантирует надлежащую правовую процедуру и справедливую компенсацию при изъятии имущества. Эти нормы образуют конституционный каркас, на который опирается судебный контроль в сфере частной собственности.

При отсутствии строгой теоретической базы в решениях 1970-х годов прослеживается определенная логика, подготовившая почву для реформ судебной политики. Чтобы понять, с каким концептуальным багажом судебная система подошла к началу эпохи Уоррена Бергера, важно проследить, как трансформировалось само понимание экспроприации, или регуляторного изъятия (*regulatory taking*), в период до 1969 года. Вплоть до 1920-х годов этот институт интерпретировался сугубо буквально, как физическое изъятие собственности государством для общественных нужд

(например, при строительстве инфраструктуры). Законодательные ограничения прав собственника на использование своего имущества крайне редко квалифицировались судами как экспроприация, требующая компенсации.

Переходным этапом в практике Суда по делам о регуляторном изъятии (*regulatory taking*) признают дело *Pennsylvania Coal Co. v. Mahon* (1922). Предметом спора стал закон штата Пенсильвания, запрещавший добычу угля под жилыми домами. Этот закон лишал угледобывающую компанию возможности коммерческой эксплуатации принадлежащих ей недр. В своем решении по этому делу Верховный суд впервые допустил, что государственное регулирование может по своим последствиям приближаться к изъятию, если оно практически полностью уничтожает стоимость имущества[128].

Дискуссия в рамках этого дела обнажила фундаментальный раскол в оценке пределов вмешательства государства. Оливер Уэнделл Холмс, признавший закон неконституционным, настаивал, что абстрактная защита общественных интересов не оправдывает безвозмездного аннулирования права угольной компании на добычу полезных ископаемых. При этом он признавал, что полномочия штата могут в определенной степени ограничивать права собственности, но в данном случае баланс интересов склонялся в пользу собственника[129]. Луи Брэндайс, напротив, доказывал, что поскольку формального перехода права собственности не произошло, нарушения Пятой поправки нет. По его мнению, штат просто реализовал свои полномочия, блокируя социально опасное использование частного имущества, такое как добыча угля под жилыми домами.

Дело *Mahon* ввело в юридический оборот стандарт «существенного уменьшения стоимости» (*diminution of value*) как критерий определения факта

[128] Pennsylvania Coal Co. v. Mahon, 260 U.S. 393 (1922) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/260/393/ (дата обращения: 03.07.2025).

[129] Там же.

регуляторного изъятия. Суд впервые столкнулся с ситуацией, когда государственное регулирование не изымало имущество формально, но фактически лишало его почти всей стоимости. Так в американской доктрине появился инструмент, позволяющий отличать допустимое регулирование от скрытого отъема собственности.

Однако последующее развитие судебной практики не пошло по пути расширительного толкования Пятой поправки. Уже в деле *Village of Euclid v. Ambler Realty Co.* (1926) Верховный суд занял более сдержанную позицию. Зонирование было признано формой регулирования землепользования, не подпадающей под понятие экспроприации, при условии его разумной связи с общественным благом[130]. Тем самым был закреплен принцип, по которому публичные интересы и права собственников должны согласовываться, а не противопоставляться.

Экономические потрясения 1930-х годов и политика Нового курса усилили тенденцию к сдержанности. Суд все чаще допускал государственное вмешательство в имущественную сферу, не видя в нем изъятия. Дело *Goldblatt v. Town of Hempstead* (1962) стало здесь характерным примером[131]. Запрет на добычу песка существенно снизил ценность актива, но Верховный суд не признал экспроприацию, поскольку мера была направлена на обеспечение общественной безопасности. Подход Суда складывался в пользу приоритета публичных интересов над экономическими потерями собственника.

Тем не менее к 1969 году доктрина регуляторного изъятия оставалась несистематизированной. Прецеденты *Mahon* и *Euclid* задавали лишь самые общие ориентиры, не давая ответа на вопрос, по каким критериям следует отличать регулирование от изъятия. Эту задачу пришлось решать уже «суду Бергера». В деле *Penn Central Transportation Co. v. New York City*, рассмотренном в 1978 году, Верховный суд впервые выработал

---

[130] Village of Euclid v. Ambler Realty Co., 272 U.S. 365 (1926) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/272/365/ (дата обращения: 03.07.2025).

[131] Goldblatt v. Town of Hempstead, 369 U.S. 590 (1969) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/369/590/ (дата обращения: 03.07.2025).

многофакторный тест, позволяющий определить критерии регуляторных ограничений.

Предметом судебного спора был Закон о сохранении архитектурных памятников штата Нью-Йорк. Согласно закону, специальная Комиссия по охране достопримечательностей получила право присваивать отдельным зданиям статус историко-архитектурных объектов. Под этот статус попал и Центральный вокзал, над которым железнодорожная компания *Penn Central* планировала возвести многоэтажный офисный комплекс. Получив отказ в строительстве, компания сначала безуспешно обжаловала его в административном порядке, а затем обратилась в суд. В своем исковом заявлении она квалифицировала запрет Комиссии как неконституционное изъятие собственности без справедливой компенсации, сославшись на Пятую поправку.

В ходе судебного процесса компания скорректировала свою позицию. Если изначально она настаивала на невозможности получать разумную прибыль, то затем выдвинула более узкий тезис о фактическом лишении прав на воздушное пространство вокзала. Верховный суд по итогу отклонил все доводы заявителя. По мнению Суда, экономические последствия введенных городом ограничений не позволяли квалифицировать их как экспроприацию[132]. Закон штата Нью-Йорк не ограничил права компании пользоваться объектом и получать от него прибыли, по сути, актив сохранял свою хозяйственную ценность. В итоге меры в отношении Центрального вокала были признаны допустимой формой регулирования, а не изъятием собственности.

Прецедент *Penn Central* закрепил принцип, который с тех пор определяет значительную часть практики по делам о регуляторном изъятии. Временные и частичные ограничения прав собственника не считаются изъятием, если за владельцем сохраняется возможность разумного

[132] Penn Central Transportation Co. v. New York City, 438 U.S. 104 (1978) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/438/104/ (дата обращения: 07.07.2025).

хозяйственного использования объекта. Этот подход применяется даже тогда, когда регуляторные меры существенно меняют первоначальные планы развития имущественного комплекса.

При Уоррене Бергере трансформация затронула не только регуляторную экспроприацию, но и другие стороны права собственности. Наиболее ярким примером стало решение по делу *Loretto v. Teleprompter Manhattan CATV Corp.*, вынесенное в 1982 году. Верховный суд впервые сформулировал правило *per se*, то есть безусловного признания изъятия для случаев постоянного физического вторжения в частную собственность. Суд признал, что постоянное физическое вторжение в частную собственность, санкционированное государством, всегда образует экспроприацию, независимо от масштаба вторжения и размера ущерба[133]. В таких случаях, согласно Пятой поправке, компенсация обязательна.

Поводом для спора стал иск Лоретто против компании *Teleprompter Manhattan CATV*, которая установила кабельное оборудование на ее собственности без согласия. Установка проводилась на основании закона штата Нью-Йорк, обязывавшего владельцев многоквартирных домов обеспечивать жильцам доступ к кабельному телевидению. Суд первой инстанции признал закон штата конституционным, однако когда дело рассматривалось в Верховном суде, высшая судебная инстанция заняла иную позицию.

Большинство судей во главе с Тергудом Маршаллом приняло расширительное толкование защиты прав собственности по Пятой поправке. В своем решении Маршалл указал, что любое постоянное физическое вторжение на частную собственность, санкционированное государством, требует компенсации, поскольку нарушает право собственника на исключительный контроль над использованием своего имущества. К этому

[133] Loretto v. Teleprompter Manhattan CATV Corp., 458 U.S. 419 (1982) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/458/419/ (дата обращения: 07.07.2025).

мнению присоединились судьи Бергер, Пауэлл, Ренквист, Стивенс и О'Коннор[134].

Противоположную позицию занял Гарри Блэкман, которого поддержали судьи Бреннан и Уайт. Он не согласился с установлением столь жесткого правила и считал более оправданным сохранение традиционного для Верховного суда казуистического метода, основанного на оценке обстоятельств конкретного дела. По мнению Блэкмана, буквальное применение нового принципа могло привести к расхождению с ранее сформированной судебной практикой.

Тем не менее сформированный прецедент по делу *Loretto* закрепил принцип, который при всей своей узости имел далеко идущее последствия. Постоянное вторжение в частную собственность рассматривалось как конституционно значимое изъятие, требующее компенсации. На практике компенсация в таких случаях нередко оказывалась символической. Однако значение дела состояло в расширение границы конституционной защиты прав собственности.

Наследие Уоррена Бергера обозначило переход к более сложному пониманию доктрины регуляторного изъятия. В период его работы сформировалось достаточно четкое разграничение между физическим вмешательством в собственность и регуляторными ограничениями ее использования. Многофакторный тест, выработанный в деле *Penn Central*, определил направление развития доктрины для ситуаций частичного ограничения экономической ценности. Прецедент *Loretto* дополнил этот подход, выделив особую категорию постоянного физического вторжения, где действует правило безусловной компенсации. Эти два прецедента заложили основу будущей трехзвенной системы.

Между тем эпоха Бергера не сводилась только к доктрине регуляторного изъятия. В те же годы Верховный суд пересматривал и другой важный аспект

---

[134] Там же.

Пятой поправки, а именно понятие публичного пользования (*public use*) при принудительном отчуждении собственности. Эти изменения происходили в условиях сложных социально-экономических процессов 1980-х годов, когда экономическая нестабильность и структурные кризисы вынудили искать новые правовые механизмы регулирования имущественных отношений. Наиболее наглядно этот процесс проявился в деле *Hawaii Housing Authority v. Midkiff*, решение по которому было вынесено в 1984 году. На Гавайях исторически сложилась специфическая структура землевладения. Около половины земель находилось в собственности федеральных и местных властей, тогда как оставшаяся часть контролировалась ограниченным кругом крупных собственников. Исходя из негативного влияния подобной концентрации на экономическое развитие региона, законодательные органы штата приняли Закон о земельной реформе. Основанием послужили рост цен на недвижимость и ограничение доступа к земельным ресурсам. Нормативный акт создал правовую основу для преобразования сложившейся системы земельных отношений в интересах более широких слоев населения.

Закон штата Гавайи предусматривал принудительный выкуп участков с последующей перепродажей их арендаторам на льготных условиях. По существу, государство использовало свои суверенные полномочия для систематического перераспределения собственности, и именно это стало предметом конституционного спора со ссылкой на нарушение положения о «публичном использовании» в Пятой поправке. Верховный суд, действуя единогласно, подошел к делу с широкой трактовкой. Автор решения судья О'Коннор фактически отождествила «публичное использование» с «публичной целью». Такой подход позволил признать, что принудительное изъятие не противоречит Конституции, если использование государством права на принудительное отчуждение имущества (*eminent domain*) рационально связано с достижением общественной цели и сопровождается

выплатой справедливой компенсации[135]. В данном случае Верховный суд усмотрел такую связь в стремлении властей Гавайев устранить негативные последствия земельной олигополии и квалифицировал это как правомерное осуществление полицейских полномочий штата, а не как изъятие собственности.

Примечательно, что решение по делу *Hawaii Housing Authority v. Midkiff* принималось единогласно, и это говорило о том, что члены Суда не считали неконституционным предоставление штатам широких полномочий для решения социальных вопросов. Однако что касается экологических споров, Верховный суд проявлял осторожность. В таких случаях суд требовал установления прямой связи между ограничениями и предотвращением вреда общественному благосостоянию. Такая двойственная позиция суда как раз характеризует период Бергера, где произошла трансформация в сторону минимализма.

Незавершенность этой доктринальной работы стала очевидна уже после ухода Бергера. Суд под его председательством заложил основы разграничения между физическим вмешательством и регуляторными ограничениями, но не довел это разграничение до логического конца. Следующий шаг был сделан в 1992 году, когда Верховный суд рассмотрел дело *Lucas v. South Carolina Coastal Council*. Спор возник после того, как в 1986 году истец приобрел два земельных участка на барьерном острове Палмс в Южной Каролине для строительства жилых домов. Принятый два года спустя закон штата о защите прибрежных территорий от эрозии запретил возведение капитальных построек на этих землях. Рассматривая дело, Суд постановил, что, когда собственника недвижимости ради общественного блага принуждают отказаться от всех экономически выгодных способов использования

[135] Hawaii Housing Authority v. Midkiff, 467 U.S. 229 (1984) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/467/229/ (дата обращения: 08.07.2025).

имущества, происходит лишение собственности в конституционном смысле[136]. Так была сформулирована вторая категория *per se*.

Правовая логика дела *Lucas* уходит корнями в 1970-е годы, когда был принят целый массив федеральных экологических законов. Закон о чистом воздухе 1970 года[137] и Закон о чистой воде 1972 года[138] установили строгие требования к промышленным объектам и землепользованию, включая ограничения на выбросы, запрет на хозяйственное освоение водно-болотных угодий и сложную систему выдачи разрешений. Наиболее жесткие ограничения предусматривал Закон об исчезающих видах 1973 года[139], который в буквальной интерпретации позволял препятствовать хозяйственному освоению земельных участков при обнаружении на них мест обитания охраняемых видов. Этот нормативный массив и поставил перед Верховным судом вопрос о границах допустимого вмешательства государства в права собственника. Предстояло определить, где заканчивается легитимное регулятивное ограничение и начинается конституционно значимое изъятие. В период председательства Бергера единой доктринальной позиции по этому вопросу не сложилось, однако в решениях того времени были заложены концептуальные основы современного понимания пределов допустимого государственного регулирования в сфере собственности.

К настоящему времени доктрина регуляторного изъятия приобрела вид трехзвенной системы, в которой каждый из подходов применяется в зависимости от характера и степени воздействия на имущественные права. Если государственное регулирование существенно ограничивает, но при этом полностью не уничтожает экономическую ценность собственности, суды

---

[136] Lucas v. South Carolina Coastal Council, 505 U.S. 1003 (1992) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/505/1003/ (дата обращения: 07.07.2025).

[137] Clean Air Act [Законе о чистом воздухе] // GovInfo. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-8160/pdf/COMPS-8160.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

[138] Federal Water Pollution Control Act [Законе о чистой воде] // GovInfo. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-86/pdf/STATUTE-86-Pg816.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

[139] Endangered Species Act Of 1973 [Законе об исчезающих видах] // U.S. Fish & Wildlife Service. URL: https://www.fws.gov/sites/default/files/documents/endangered-species-act-accessible.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

применяют гибкий многофакторный тест, разработанный в деле *Penn Central*. При использовании теста учитываются экономические последствия, инвестиционные ожидания и характер публичного интереса, лежащего в основе ограничений. Если государственное воздействие лишает имущество всей экономической ценности, то в таком случае действует правило *per se*, сформулированное в *Lucas*. Самостоятельное место занимает прецедент *Loretto*, закрепивший, что постоянное физическое вторжение в собственность всегда признается изъятием независимо от масштабов вмешательства и целей, которыми оно обосновывается. Трехзвенная конструкция отражает стремление американской правовой системы обеспечить баланс между необходимостью государственного регулирования в публичных интересах и защитой фундаментальных прав собственности, гарантированных Конституцией.

В отношении имущественных прав Верховный суд во главе с Уорреном Бергером действовал дифференцированно. Прямое изъятие собственности всегда требовало компенсации, и в этом сохранялось классическое понимание конституционных гарантий. Иначе обстояло дело с регуляторными ограничениями. Суд признавал их допустимыми, если они преследовали общественную цель, не лишали имущество всей экономической ценности и не создавали препятствий для его дальнейшего хозяйственного использования. Этот подход, сформированный еще в деле *Penn Central*, определял границы правомерного вмешательства государства в имущественную сферу.

Период председательства Бергера можно охарактеризовать как время формирования модели «разумного баланса». В результате расширения государственного вмешательства, от экологии до социального перераспределения, Суд отошел от жестких доктринальных рамок в пользу гибкого подхода. В основе этой модели лежало ситуативное взвешивание факторов, позволявшее адаптироваться к новым реалиям без радикального отхода от традиционных гарантий частной собственности. Отсутствие четкой доктринальной иерархии вызывало критику, тем не менее именно гибкость

обеспечила преемственность конституционного права. Такая практика закладывала основы того компромисса между индивидуальными правами и публичным регулированием, который сохраняет актуальность для американской юриспруденции.

ГЛАВА 3. Гарантии должной правовой процедуры: векторы развития в период «суда Бергера»

3.1 Модернизация уголовного судопроизводства: стандарты доказывания и гарантии прав обвиняемых

К моменту прихода Уоррена Бергера на пост председателя Верховного суда либеральная модель уголовного правосудия, выстроенная в эпоху Эрла Уоррена, перестала отвечать ожиданиям профессионального сообщества. Расширенное толкование конституционных гарантий, ориентированное на максимальную защиту прав обвиняемых, вызывало растущее недовольство. Оно воспринималось как препятствие для эффективной работы следственных органов и как перекос в пользу стороны защиты.

Бергер и судьи, разделявшие его позицию, не стали демонтировать сложившуюся систему прецедентов. Они пошли иным путем. Формально решения Уоррена оставались в силе, но их практическое применение менялось настолько, что содержание правовых подходов постепенно становилось другим. Акцент смещался с защиты обвиняемого на результативность уголовного преследования. Обвиняемым все чаще приходилось самостоятельно доказывать неправомерность процессуальных действий, хотя формальные требования к законности работы следственных органов не отменялись. Так укреплялись позиции обвинения, и этот сдвиг определил направление судебной политики в уголовном процессе на десятилетие вперед.

Изменения затронули несколько ключевых институтов уголовного процесса. Пересматривались подходы к праву на суд присяжных, к доступу к защитнику, к открытости разбирательства. За этими пересмотрами стояла одна общая логика. Суд стремился соотнести фундаментальные гарантии личности

с результативностью расследования. Такая логика нередко вела к ужесточению процессуальных требований и сужению возможностей защиты.

Особенно заметно новый подход проявился в делах, связанных с Четвертой поправкой. Ранее сформированные прецеденты по расширительному толкованию ее нормы все чаще воспринимались как барьер для правоохранительных органов. Чтобы достичь баланса, приоритет отдавался установлению истины и вынесению справедливого приговора, а не формальной защиты от процедурных нарушений. К 1980-м годам эта линия оформилась в более общий принцип. Верховный суд стал отходить от жесткой прецедентной дисциплины ради учета обстоятельств конкретного дела[140]. Американская традиция единообразия судебной практики отходила на второй план. Это позволило реформировать уголовный процесс постепенно и без резких разрывов.

Изменение коснулось прежде всего тех ситуаций, где полиция сталкивалась с необходимостью получить доступ к объекту без ордера. Вопрос о границе между допустимым минимальным вторжением и необоснованным обыском вышел на первый план. Этот аспект стал предметом рассмотрения Верховного суда в деле *New York v. Class*. Поводом для разбирательства стала остановка автомобиля за превышение скорости и треснувшее лобовое стекло. Водитель вышел из машины, и один из офицеров, чтобы установить

[140] Основываясь на новых правилах, Верховный суд определил, какие права обвиняемых по уголовным делам будут восстановлены, а какие нет. В начале 1950-х годов американские суды были сосредоточены на правах обвиняемых по уголовным делам, в то время как их жертвы оставались в стороне. В ответ на такое положение дел «добропорядочные граждане» начали требовать больше защиты.

Движение в «защиту прав потерпевших» заявляло о себе через различные общественные организации, такие как «Институт правовой защиты жертв преступлений», «Матери против пьяных водителей» и «Ангелы-хранители». В ответ на это движение многие правительственные учреждения на федеральном уровне, уровне штатов и местном уровне разработали программы по подготовке пострадавших и свидетелей к уголовному процессу, по оказанию помощи жертвам в период адаптации после совершения преступления и предоставлению финансовой поддержки жертвам преступлений. Согласно последним данным, 28 штатов приняли те или иные законы о компенсации жертвам. Различные государственные органы также внедрили программы помощи потерпевшим и свидетелям, чтобы помочь гражданам адаптироваться к жизни. В суде стали знакомить их с уголовным судопроизводством, информировали о текущих событиях в их делах и предлагали консультации и защиту. Кроме того, в разных штатах были приняты так называемые законы «Сына Сэма», запрещающие осужденным преступникам получать выгоду от своих преступлений путем продажи прав на книги или фильмы. Приняв Закон о судебном преследовании потерпевших и свидетелей в 1982 году, федеральное правительство реализовало ряд вышеупомянутых мер, направленных на обеспечение более активной роли потерпевших и свидетелей в уголовном преследовании.

идентификационный номер, открыл дверцу и заглянул в салон. Номер не был виден из-за бумаг, лежавших на приборной панели. Офицер протянул руку, чтобы сдвинуть их, и в этот момент заметил рукоятку пистолета под водительским сиденьем. Оружие изъяли, водителя арестовали. Суды штата Нью-Йорк разошлись во мнениях, и дело дошло до Верховного суда.

Судья О’Коннор, излагая мнение большинства, признала действия полиции правомерными. Она исходила из того, что идентификационный номер автомобиля не является объектом, на который распространяются разумные ожидания приватности. Федеральное законодательство прямо требует, чтобы номер был виден снаружи, и любой человек, остановившийся рядом с машиной, мог его рассмотреть. Бумаги, закрывшие номер, не создавали у водителя прав на приватность. Вмешательство полицейских было минимальным и оправдывалось заботой о безопасности самих офицеров[141].

Против позиции О’Коннор возражал судья Бреннан. Он указал, что салон автомобиля остается пространством, защищенным Четвертой поправкой, и факт видимости номера снаружи не дает полиции права вторгаться внутрь без ордера. По его мнению, решение большинства размывало прежние стандарты и открывало дорогу произвольным обыскам под формальными предлогами проверки. *Дело New York v. Class* закрепило принцип, по которому минимальное вторжение может быть оправдано, если оно направлено на получение информации, открытой для внешнего наблюдения. Это стало существенным шагом в расширении полицейских полномочий.

Правило, закрепленное в деле *Class*, получило продолжение в деле *California v. Ciraolo*, рассмотренном в середине 1980-х годов. Полиция Санта-Клары получила анонимное сообщение о том, что за высоким забором на одном из участков выращивается марихуана. Ограждение вокруг дома не позволило с уровня земли увидеть что-либо. Тогда сотрудники арендовали

[141] New York v. Class, 475 U.S. 106 (1986) // Justia U.S. Supreme Court URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/475/106/ (дата обращения: 15.07.2025).

частный самолет и с высоты около трехсот метров провели визуальное наблюдение, которое подтвердило наличие запрещенных растений. На основании этих данных был получен ордер на обыск, и в ходе его проведения изъяли значительную партию наркотиков.

Апелляционный суд Калифорнии счел такие действия нарушающими конституционное право на неприкосновенность частной жизни и отменил приговор. Но Верховный суд занял иную позицию. Уоррен Бергер, излагая мнение большинства, подчеркнул, что защита частной собственности не абсолютна. Сотрудники правоохранительных органов не обязаны игнорировать очевидные признаки правонарушения, которые можно заметить с общедоступных позиций. Наблюдение велось из открытого воздушного пространства без применения специальных технических средств, а значит, любой человек, оказавшийся в том же положении, увидел бы ту же картину[142]. На этом основании Суд не признал воздушную разведку неконституционным обыском.

С позицией большинства не согласился судья Льюис Пауэлл. Он выступил с особым мнением, указав на расхождение с прецедентом *Katz v. United States*, где ранее был сформулирован двухуровневый тест для оценки вмешательства в частную жизнь. По его мнению, новый подход размывал границы допустимого вмешательства и создавал опасный прецедент для будущих злоупотреблений[143].

Логика *Ciraolo* не ограничилась жилыми помещениями. В деле *Dow Chemical Co. v. United States* Верховному суду предстояло решить, действует ли тот же принцип в отношении крупного промышленного объекта. Дело началось с того, что представители Агентства по охране окружающей среды получили отказ в проведении плановой проверки на территории компании. Химический комплекс располагался на площади более восьмисот гектаров и

[142] California v. Ciraolo, 476 U.S. 207 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/476/207/ (дата обращения: 15.07.2025).

[143] Там же.

тщательно охранял свои владения, полностью исключая свободный доступ посторонних. Тогда инспекторы организовали аэрофотосъемку промышленной зоны с использованием частной авиации. Возник спор о том, насколько далеко может заходить государство в наблюдении за частной собственностью.

Решение принималось с перевесом в один голос. Уоррен Бергер, излагая мнение большинства, попытался разграничить жилые помещения и промышленные объекты. Первые, по его словам, сохраняют полную конституционную защиту. Вторые, даже при наличии охраны, визуально доступны с общедоступных позиций[144]. Однако на практике это разграничение оказалось формальным. В деле *Ciraolo* наблюдение с частного самолета за жилым домом было признано законным именно потому, что полет проходил в открытом воздушном пространстве. В деле *Dow Chemical* тот же аргумент был применен к промышленному комплексу. Разница между объектами не изменила итог. В обоих случаях суд признал, что наблюдение с общедоступной позиции не образует обыска.

Судья Пауэлл вместе с тремя коллегами остался в меньшинстве. Он предупреждал, что развитие средств наблюдения опережает существующие механизмы защиты частной собственности. Четвертая поправка, по его мнению, требовала новых критериев толкования. Поднятые им вопросы стали особенно актуальными позднее, когда в судебную практику вошли цифровые технологии, спутниковый мониторинг и государственные беспилотники.

Ослабление гарантий Четвертой поправки не означало, что «суд Бергера» отказывался от защиты процессуальных прав в целом. Расширение полицейских полномочий было направлено прежде всего на установление фактической стороны преступления и выявление виновного. К процессуальным нарушениям, не влиявшим на достоверность доказательств, Бергер относился сдержанно. Однако в вопросах, затрагивавших саму

[144] Dow Chemical Co. v. United States, 476 U.S. 227 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/476/227/ (дата обращения: 15.07.2025).

справедливость разбирательства, его подход был принципиально иным. Борьба с расовым неравенством, начатая при Уоррене, при Бергере получила продолжение в конкретных процессуальных механизмах. Суд не допускал, чтобы уголовное правосудие превращалось в инструмент, дающий преимущества одной группе перед другой. Поэтому расовые предрассудки при формировании коллегий присяжных стали предметом жесткой судебной реакции.

Продолжением этой линии стало дело *Vasquez v. Hillery*, рассмотренное в 1986 году. В решении по этому делу Суд столкнулся с практикой систематического исключения представителей определенной расы из состава присяжных. Он признал такую практику нарушением конституционных принципов, влекущим отмену приговора[145]. Подобное исключение, по мнению Суда, не только ущемляет права конкретного обвиняемого, но и ставит под сомнение беспристрастность всей системы правосудия.

Та же логика получила развитие в деле *Batson v. Kentucky*, где рассматривался вопрос о безапелляционных отводах. Прокуроры использовали их для исключения афроамериканцев из состава присяжных, и Суд единодушно признал такую практику недопустимой. Она нарушала принцип равной защиты, закрепленный Четырнадцатой поправкой, и право на справедливое разбирательство по Шестой поправке[146]. В обоснование Суд сослался на прецедент *Strauder v. West Virginia* (1880), где расовая дискриминация при формировании жюри впервые была признана неконституционной. *Batson* пересмотрел прежнюю позицию, зафиксированную в *Swain v. Alabama* (1965) и фактически допускавшую расово мотивированные отводы. Судья Пауэлл, излагая мнение Суда, подчеркнул, что правосудие не может закрывать глаза на дискриминацию. В

[145] Vasquez v. Hillery, 474 U.S. 254 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/474/254/ (дата обращения: 15.07.2025).

[146] Batson v. Kentucky, 476 U.S. 79 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/476/79/ (дата обращения: 15.07.2025).

решении был закреплен процессуальный механизм *Batson challenge*, который дал защите право оспаривать мотивированность прокурорских отводов[147].

Борьба с расовой предвзятостью при формировании коллегии присяжных была лишь одним из проявлений более общей логики. Верховный суд исходил из того, что справедливое разбирательство складывается из нескольких взаимосвязанных элементов, и ослабление любого из них ставит под сомнение легитимность всего процесса. Беспристрастный состав жюри сам по себе еще не гарантирует обвиняемому защиту от произвола, если он лишен возможности воспользоваться квалифицированной юридической помощью. Поэтому параллельно с делами о расовой дискриминации Суд под руководством Бергера последовательно развивал право на защитника, опираясь на фундамент, заложенный еще в начале 1960-х годов.

История этой линии началась с дела *Gideon v. Wainwright* (1963), когда Верховный суд впервые сформулировал, что государство обязано предоставить защитника обвиняемому, не имеющему средств на его оплату[148]. Долгие годы эта гарантия понималась прежде всего как право на представительство в суде. Но спустя два десятилетия Суд расширил ее пределы, распространяя защиту на все более ранние этапы уголовного преследования. В деле *Edwards v. Arizona*, рассмотренном в 1981 году, Верховный суд продвинулся значительно дальше. Он установил, что гарантия действует не только в суде, но и при допросе. Как только обвиняемый заявляет о намерении воспользоваться правом на адвоката, следственные органы обязаны остановить допрос до появления защитника. Признательные показания, полученные с нарушением этого правила, признаются недопустимыми доказательствами[149]. Решение стало важным ориентиром

[147] Там же.

[148] Gideon v. Wainwright, 372 U.S. 335 (1963) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/372/335/ (дата обращения: 16.07.2025). [Верховный суд постановил, что Шестая поправка к Конституции США обязывает штаты предоставлять бесплатного адвоката обвиняемым в уголовных делах, не способным самостоятельно обеспечить себе защиту].

[149] Edwards v. Arizona, 451 U.S. 477 (1981) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/451/477/ (дата обращения: 16.07.2025).

1980-х годов и закрепило стандарты взаимодействия между следственными органами и обвиняемыми.

При этом Суд проводил заметное различие между нарушениями Четвертой и Шестой поправок. Требования, основанные на Четвертой поправке, рассматривались как более процедурные и не столь непосредственно влияющие на достоверность результата. Шестая поправка, напротив, получала более весомую защиту. Такое дифференцированное отношение отражало стремление найти баланс между фундаментальными правами личности и эффективностью уголовного правосудия.

Спустя пять лет в деле *Michigan v. Jackson* Верховный суд распространил гарантию, выработанную в деле *Edwards,* на досудебные стадии. Конституционное право на адвоката было признано действующим не только в зале суда, но и при допросах после предъявления обвинения. В мотивированном решении подчеркивалось, что юридическая помощь не должна сводиться к формальному присутствию защитника. Она представляет собой инструмент подлинной состязательности процесса, без которого невозможно говорить о справедливом правосудии[150].

Однако само по себе присутствие адвоката еще не гарантирует эффективной защиты. Формальное участие защитника в деле не создает автоматической гарантии того, что интересы обвиняемого представлены должным образом. Поэтому Суд должен был определить, какие нарушения права на защитника влекут отмену приговора, а какие остаются без последствий. Развивая эту линию, Суд в деле *Kimmelman v. Morrison* провел важное разграничение между категориями конституционных нарушений при рассмотрении ходатайств о *habeas corpus*. Нарушения Шестой поправки, связанные с неэффективным осуществлением защиты, получили особый статус. Суд признал, что они подлежат обязательному федеральному пересмотру. Логика здесь предельно ясна, если адвокат не выполняет свою

[150] Michigan v. Jackson, 475 U.S. 625 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/475/625/ (дата обращения: 16.07.2025).

функцию, обвиняемый фактически остается без защиты, а это искажает сам результат разбирательства. Качество юридической помощи напрямую определяет, насколько полно были установлены фактические обстоятельства дела и насколько законным является вынесенный приговор. Поэтому такого рода нарушения не могут быть проигнорированы даже при формальной безупречности процесса[151].

Право на адвоката было лишь частью более широкой проблемы. Не менее важным оставался вопрос о том, при каких условиях признательные показания могут считаться полученными законно. В этой сфере судебная практика Бергера также была двойственной. С одной стороны, Суд требовал строгой проверки добровольности признаний. С другой, допускал ограничения, которые заметно сужали гарантии, выработанные в деле *Miranda*.

Отправной точкой этой линии стало решение по делу *Doyle v. Ohio*, принятое в 1976 году. Суд закрепил запрет на использование факта молчания подозреваемого в качестве доказательства его виновности. Подобная практика, по мнению Суда, противоречит Пятой и Четырнадцатой поправкам[152]. Гарантии, закрепленные в деле *Miranda*, предполагают свободу выбора относительно дачи показаний без негативных процессуальных последствий для обвиняемого. Решение исключило возможность использовать конституционные права обвиняемого против него самого.

Двойственность судебной практики Бергера проявилась после прецедента *Doyle* в деле *Moran v. Burbine,* рассмотренном в 1986 году. Брайан Бербайн, задержанный полицией города Крэнстона в штате Род-Айленд по подозрению в краже, в ходе допроса был вовлечен в расследование убийства. Ему разъяснили права, предусмотренные прецедентом *Miranda*, однако не сообщили о том, что его сестра уже наняла адвоката, и тот заявил о готовности

---

[151] Kimmelman v. Morrison, 477 U.S. 365 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/477/365/ (дата обращения: 16.07.2025).

[152] Doyle v. Ohio, 426 U.S. 610 (1976) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/426/610/ (дата обращения: 16.07.2025).

представлять его интересы. После подписания отказа от процессуальных прав Бербайн дал признательные показания без защитника.

При рассмотрении жалобы Верховный суд отклонил доводы защиты. Суд постановил, что сокрытие от обвиняемого сведений о попытках адвоката вступить в дело не делает отказ от процессуальных прав недействительным. В позиции Бергера подчеркивалось, что требования, установленные в деле *Miranda,* носят процедурный, а не конституционный характер. Они не могут рассматриваться как абсолютная гарантия против возможных злоупотреблений следствия. Решение вызвало широкую дискуссию, поскольку фактически расширяло возможности полиции ограничивать контакты обвиняемых с защитниками[153].

После прецедента *Moran v. Burbine* оставался открытым вопрос о том, какие процессуальные нарушения должны приводить к исключению доказательств, а какие нет. Этот вопрос был раскрыт в делах о добровольности показаний. Верховный суд по этим аспектам проявлял себя жестко, не давая повода судам штатов игнорировать законность получения показаний обвиняемого. В деле *Miller v. Fenton* Суд большинством в восемь голосов против одного признал добровольность признания обязательным элементом надлежащей правовой процедуры. При этом зафиксировал, что проверка добровольности должна проводиться на всех стадиях производства. Федеральные суды вправе самостоятельно оценивать этот вопрос при рассмотрении ходатайств о *habeas corpus*, не принимая на веру выводы судов штатов[154]. Тем самым сформировался процессуальный механизм, предупреждающий нарушения на уровне штатов.

Требования к оценке доказательств были дополнены в единогласном решении по делу *Crane v. Kentucky*. Суд первой инстанции, предварительно признав показания обвиняемого добровольными, лишил защиту права

[153] Moran v. Burbine, 475 U.S. 412 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/475/412/ (дата обращения: 16.07.2025).

[154] Miller v. Fenton, 474 U.S. 104 (1985) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/474/104/ (дата обращения: 16.07.2025).

представить доказательства, раскрывающие условия их получения. При апелляции в Верховном суде дело приобрело иной расклад. По мнению Суда, объективная оценка признательных показаний требует анализа всей совокупности обстоятельств. Без исследования степени психологического воздействия, продолжительности следственных действий и физического состояния допрашиваемого достоверность признания установить невозможно. Возможность представлять такие доказательства реализует право на защиту и справедливое судопроизводство.

Рассмотренные прецеденты отражают избирательность судебной политики эпохи Бергера. Суд последовательно расширял оперативные возможности правоохранительных органов, но одновременно удерживал гарантии, влиявшие на справедливость разбирательства и достоверность его результатов. Различное отношение к нарушениям Четвертой и Шестой поправок при рассмотрении ходатайств о *habeas corpus* лишь подтверждает эту двойственность. Решения по делам *Miller* и *Crane*, принятые с разницей в несколько месяцев, образовали систему защиты от принудительных признаний. Первое закрепило право федерального пересмотра, второе – процессуальные возможности защиты по установлению обстоятельств получения показаний. Вместе они очертили границы судебного контроля за соблюдением конституционных прав на досудебных стадиях.

Ограничение возможностей обжалования стало закономерным продолжением той же политики баланса, которую «суд Бергера» проводил в уголовном процессе. Суд не ставил под сомнение сами конституционные гарантии, но стремился не допустить, чтобы они использовались как инструмент процессуального саботажа. Приговор не должен отменяться только потому, что в ходе разбирательства была допущена техническая ошибка. Для отмены требовалось показать, что эта ошибка реально повлияла на исход дела. Такой подход формировался в течение 1980-х годов и был закреплен целой серией прецедентов.

Первым крупным шагом стало дело *Stone v. Powell*, рассмотренное в 1976 году. В рамках этого прецедента Суд ограничил применение *habeas corpus* для случаев, связанных с Четвертой поправкой. Если суд штата уже рассмотрел вопрос о допустимости обыска или ареста, федеральные суды больше не могли вмешиваться[155]. Это означало, что Верховный суд впервые признал компетенцию штатов достаточной для самостоятельного разрешения таких споров. Федеральный контроль был ослаблен, и этот шаг положил начало целому направлению.

Следующий и, пожалуй, наиболее значимый в концептуальном отношении шаг был сделан в деле *United States v. Mechanik*. Суд впервые сформулировал доктрину безвредной ошибки, признав, что формальные нарушения процессуальных норм не должны автоматически вести к отмене приговора. Оценке подлежало только то, отразилось ли нарушение на существе дела и были ли затронуты основные права обвиняемого[156]. Это был отход от прежней логики, при которой процессуальное упущение могло служить основанием для пересмотра. Судья Ренквист, обосновывая эту позицию, обращал внимание на социальные издержки повторных разбирательств. Судебная система испытывает перегрузку, доказательства со временем утрачиваются, участники процесса подвергаются дополнительному психологическому давлению.

Доктрина безвредной ошибки требовала уточнения, и следующим шагом стало дело *Delaware v. Van Arsdall*. Суд конкретизировал, что оценка значимости процессуального нарушения обязательна. Формальная ошибка сама по себе больше не могла быть основанием для отмены приговора. Нужно было показать, что она реально повлияла на исход дела[157]. Это был важный

---

[155] Stone v. Powell, 428 U.S. 465 (1976) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/428/465/ (дата обращения: 16.07.2025).

[156] United States v. Mechanik, 475 U.S. 66 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/475/66/ (дата обращения: 16.07.2025).

[157] Delaware v. Van Arsdall, 475 U.S. 673 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/475/673/ (дата обращения: 16.07.2025).

шаг вперед, поскольку он переводил оценку нарушений из области формальных правил в область содержательного анализа.

Следующим этапом стало дело *Kuhlmann v. Wilson*, в котором Суд сделал очередной принципиальный шаг. Он установил жесткие критерии для пересмотра приговоров в порядке *habeas corpus* и обязал осужденных представлять убедительные доказательства фактической невиновности[158]. Это радикально изменило практику, поскольку переложило бремя доказывания с государства на осужденного. Обжалование перестало быть доступным инструментом, и это вызвало серьезную дискуссию.

Завершило эту линию дело *Murray v. Carrier*. Суд отказался пересматривать приговор, несмотря на процессуальные упущения защиты. Обычные ошибки адвоката не могут служить основанием для обхода установленных правил[159]. Судья Бреннан возражал, отмечая, что такой подход подрывает саму идею справедливого правосудия. Тем не менее его предупреждение не изменило общую направленность практики.

Верховный суд под руководством Уоррена Бергера формировал избирательную модель уголовного судопроизводства. В рамках этой модели происходила трансформация, при которой менялись акценты, но не фундамент. Возможности обжалования ограничивались, правила оценки доказательств ужесточались, *habeas corpus* сужался. Но параллельно удерживались гарантии, от которых зависела достоверность результата. Примечательно, что значительная часть таких решений пришлась на 1986 год, последний год председательства Бергера. Эта концентрация не была случайной. К концу его руководства накопился достаточный массив практики, позволивший Суду систематизировать подходы, которые складывались на протяжении всего десятилетия. Итогом стало не просто накопление

[158] Kuhlmann v. Wilson, 477 U.S. 436 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/477/436/ (дата обращения: 16.07.2025).

[159] Murray v. Carrier, 477 U.S. 478 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/477/478/ (дата обращения: 16.07.2025).

прецедентов, а выстраивание единой логики, в которой каждый элемент занимал свое место.

Практика 1970–1980-х годов сформировала модель, в которой эффективность уголовного правосудия и защита прав личности рассматривались не как взаимоисключающие ценности, а как элементы единой системы, требующей постоянного балансирования. Суд не отменил наследие Уоррена, но существенно изменил его применение. Отдельные гарантии были сохранены и даже усилены, а формальные нарушения процессуальных прав были ограничены. В результате сложился подход, который нельзя назвать ни либеральным, ни репрессивным. Модель оказалась достаточно гибкой, чтобы сохранить преемственность конституционного права в условиях растущего давления на судебную систему.

3.2 Репродуктивная автономия под защитой XIV поправки: от Griswold v. Connecticut к Roe v. Wade

Репродуктивные права женщин в американской правовой системе до начала 1970-х годов не были систематизированы. Каждый штат действовал по собственному усмотрению, и разница между юрисдикциями была принципиальной. В тридцати штатах аборт допускался лишь тогда, когда беременность угрожала жизни женщины. Еще шестнадцать расширили этот перечень за счет медицинских показаний. Только четыре штата, среди которых Аляска и Гавайи, приняли либеральное законодательство. Нью-Йорк и Вашингтон полностью легализовали прерывание беременности[160]. Такая разрозненность означала, что правовой статус женщины, решившей прервать

[160] Abortion Laws by State 2025 // World Population Review. URL: https://worldpopulationreview.com/state-rankings/abortion-laws-by-state (дата обращения: 09.06.2025).

беременность, определялся не Основным законом, а границами штата. Это было несовместимо с идеей единого правового пространства.

Чтобы прийти к институциональному решению этого вопроса, Верховному суду предстояло сформулировать общую позицию. Кульминация наступила в период председательства Уоррена Бергера. Несмотря на то, что Бергер был сторонником традиционной правовой доктрины, в этом вопросе по делу *Roe* он встал на сторону большинства, признав право на аборт на федеральном уровне. Это решение вошло в число самых спорных в истории американского правосудия. Оно показало, что даже последовательный традиционалист способен отступить от собственных принципов, когда ставки касаются целостности правовой системы и легитимности Суда как института.

Предпосылки формирования позиции суда по делу *Roe* невозможно понять в отрыве от правовой традиции, складывавшейся в США на протяжении полутора столетий. В начале XIX века прерывание беременности регулировалось общим правом, и этот подход был далек от единообразия. Суды разных штатов трактовали одни и те же нормы по-своему, что создавало правовую неопределенность.

В основе старой доктрины лежало понятие «оживления плода». Так называли момент, когда беременная женщина впервые ощущала движения ребенка. Обычно это происходило на четвертом или пятом месяце беременности, хотя сроки могли варьироваться. Юридическое значение этого момента было огромным. До «оживления» прерывание беременности не считалось уголовно наказуемым деянием. После «оживления» оно приобретало характер противоправного поступка, однако не приравнивалось к убийству уже родившегося ребенка[161]. Это различие было принципиальным, по сути, право проводило границу между плодом, еще не проявившим признаков жизни, и ребенком, чье существование становилось очевидным для матери.

[161] Mohr, J. C. Abortion in America: The Origins and Evolution of National Policy. Oxford University Press, 1979. C. 4.

С течением времени эта конструкция начала терять свою значимость. Развитие медицинских знаний сделало «оживление» слишком неопределенным критерием. Кроме того, в обществе усиливалось представление о том, что защита будущей жизни должна начинаться раньше, чем женщина почувствует движение плода. В результате к началу XX века большинство штатов приняло законы, которые запрещали аборты на всех сроках беременности. Именно эти законодательные запреты, сформировавшиеся за десятилетия до прихода Бергера, стали тем фоном, на котором Верховному суду предстояло решить вопрос о конституционности их применения.

Переход от исторического регулирования абортов к их конституционной оценке потребовал от Верховного суда решить более широкую задачу. Текст Конституции не содержит прямого упоминания ни права на частную жизнь, ни репродуктивной автономии. Поэтому Суду предстояло определить, из каких положений Основного закона можно вывести защиту этой сферы.

Первый значимый шаг был сделан в деле *Griswold v. Connecticut*, рассмотренном в 1965 году. Верховный суд тогда впервые признал, что Конституция защищает сферу приватности, охватывающую и репродуктивный выбор. Судья Дуглас, излагая позицию большинства, обосновал это тем, что «полутени» ряда поправок в совокупности создают защиту частной жизни, даже если сам текст Конституции о ней молчит[162]. Судья Голдберг предложил иное обоснование, обнаружив опору в Девятой и Четырнадцатой поправках, которые прямо указывает, что перечисление в Конституции определенных прав не означает отрицания других.

Однако вольные интерпретации нормы Основного закона противоречили мнению профессиональных сообществ. В частности, внутри самого судейского корпуса были разные взгляды. Судья Блэкман в особом мнении критиковал позицию своих коллег, указывая на необходимость

[162] Griswold v. Connecticut, 381 U.S. 479 (1965) // U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/381/479/ (дата обращения: 09.06.2025).

прямого толкования Конституции. По его мнению, Суд не может выводить защиту прав человека из так называемой «полутени» Конституции. Тем не менее его позиция не стала определяющей в Суде.

Решение по делу *Griswold* стало решающим в направлении защиты репродуктивных прав. В его основе была закреплена доктрина «живого конституционализма», при которой Суд выводил защиту фундаментальных прав не из буквального текста, а из системного анализа конституционных ценностей.

Доктрина приватности, сформулированная в деле *Griswold*, изначально касалась только брачных отношений. Суд защитил право супругов на использование контрацептивов, подчеркнув связь между приватностью и институтом брака. Позже Верховный суд в 1972 году, рассматривая дело *Eisenstadt v. Baird*, подтвердил, что защита личной жизни не может ограничиваться семейным союзом. В этом решении Суд признал неконституционным запрет на распространение контрацептивов среди лиц, не состоящих в браке[163]. Логика заключалась в том, что право на приватность защищает не институт брака как таковой, а индивидуальную автономию личности. Различие в правовом статусе между женатыми и неженатыми гражданами в этой сфере было признано не имеющим разумного основания.

Решение по делу *Eisenstadt* имело ключевое значение для последующей практики. Оно освободило право на приватность от привязки к супружеским отношениям и превратило его в индивидуальное право, принадлежащее каждому. Именно такое понимание приватности стало одной из опор для решения по делу *Roe v. Wade*, к которому Верховный суд перешел уже в следующем году.

В 1973 году Верховный суд вынес решение по делу *Roe v. Wade*, ставшее одним из самых известных и одновременно самых спорных в американской истории. Суд признал, что право на прерывание беременности входит в

[163] Eisenstadt v. Baird, 405 U.S. 438 (1972) // U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/405/438/ (дата обращения: 09.06.2025).

конституционно защищаемую сферу приватности, но не стал объявлять его абсолютным[164]. Вместо этого была предложена триместровая модель, соотнесшая пределы государственного регулирования со стадией беременности. В первом триместре женщина обладала свободой выбора без вмешательства государства. Во втором триместре штаты могли вводить ограничения, но только в целях защиты здоровья матери. В третьем триместре, когда плод достигал жизнеспособности, государство получало право запрещать аборты, за исключением случаев, когда продолжение беременности угрожало жизни женщины.

Автором мнения большинства выступил судья Гарри Блэкман. Он не скрывал сложности вопроса и не претендовал на исчерпывающее обоснование его законности. Конституционную опору он видел в положении о надлежащей правовой процедуре Четырнадцатой поправки, но при этом избегал категоричных формулировок относительно того, из каких именно положений вытекает эта защита.

Особое место в этом деле занял Уоррен Бергер. Консервативный председатель, годами критиковавший расширительное толкование Конституции, поддержал большинство, но его голос не был случайным. Бергер, судя по всему, руководствовался институциональными соображениями. Он стремился сохранить единство Суда перед лицом острейшего социального конфликта. Но именно это голосование сделало его позицию по делу *Roe* предметом многолетних споров.

Судья Уайт в особом мнении критиковал позиции своих коллег, указав на отсутствие конституционных оснований этого решения. Он видел в этом деле узурпацию законодательных прерогатив, подчеркивая, что разрешение таких вопросов судебным механизмом выходит за пределы разумного баланса.

Признание права на аборт в деле *Roe* не сняло конфликт, а лишь перевело его в новую плоскость. Уже в первые годы после прецедента

---

[164] Roe v. Wade, 410 U.S. 113 (1973) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/ (дата обращения: 01.07.2025).

Верховный суд начал выстраивать линию, которая позволяла штатам ограничивать доступ к прерыванию беременности, не отменяя самого прецедента. Одним из первых значимых шагов в этом направлении стало дело *Planned Parenthood of Central Missouri v. Danforth*, рассмотренное в 1976 году.

Суд тогда рассматривал закон штата Миссури, содержавший ряд ограничительных норм. Среди них были требования об информированном согласии женщины, о согласии супруга, о согласии родителей для несовершеннолетних, а также обязанность врачей принимать меры по сохранению жизни плода. Верховный суд признал неконституционными лишь некоторые положения, но большую часть оставил в силе, посчитав их допустимым регулированием[165]. Это решение впервые показало, что право на аборт может регулироваться и входить в полномочия штатов.

Линия, начатая в деле *Danforth*, получила логическое продолжение в делах о финансировании. Здесь вопрос стоял уже не о том, какие условия штаты могут налагать на саму процедуру, а о том, обязаны ли они вообще делать ее доступной для тех, кто не может оплатить ее самостоятельно. Первым крупным делом в этой сфере стало *Maher v. Roe*, рассмотренное в 1977 году. Штат Коннектикут ограничил финансирование абортов по программе *Medicaid*, разрешив выделение средств только при наличии медицинской необходимости. Две женщины, не сумевшие получить одобрение на оплату процедуры, оспорили эту политику. Суд низшей инстанции увидел в ней нарушение принципа равной защиты, однако Верховный суд занял противоположную позицию.

Судья Пауэлл, излагая мнение большинства, подчеркнул, что право на аборт, установленное в деле *Roe*, не носит абсолютного характера. Оно защищает женщину от тотального запрета, но не обязывает государство оплачивать процедуру. Штаты вправе направлять бюджетные средства на поддержку родов, а не прерывания беременности. Фактически Суд провел

[165] Parenthood of Central Missouri v. Danforth (1976) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/428/52/ (дата обращения: 10.07.2025).

границу между правом как свободой от вмешательства и правом как требованием государственной поддержки.

Этот подход был развит тремя годами позже в деле *Harris v. McRae* (1980), где оспаривалась конституционность поправки Хайда. Согласно новым требованиям запрещалось использование федеральных средств по программе *Medicaid* для финансирования абортов почти во всех случаях, кроме угрозы жизни матери. В мнении большинства, изложенном судьей Стюартом, была подтверждена допустимость таких ограничений[166]. В решении указывалось, что участие в программе *Medicaid* не порождает у государства обязанности оплачивать все медицинские услуги, которые участники программы считают необходимыми.

Судьи Бреннан, Маршалл и Блэкман усмотрели в этом решении скрытую дискриминацию. По их мнению, отказав в финансировании, государство ставит малоимущих женщин перед невозможным выбором. Такая позиция фактически подрывает саму суть конституционной защиты от приватности. Тем не менее большинство оставалось на прежней позиции и особые мнения коллег не помогли изменить исход дела.

Позиция Бергера в этом решении занимает особое место. Поддержав разрешение абортов, председатель в обоих случаях занимал позицию ограничения действия этого прецедента. Он все чаще говорил о том, что штаты вправе регулировать аборты в интересах здоровья матери и защиты потенциальной жизни. Такая перемена в позиции подтверждала, что его первоначальное голосование было скорее институциональным компромиссом, чем выражением правовой убежденности.

Рассмотренный материал позволяет выявить закономерность, которая выходит за рамки репродуктивных прав. «Суд Бергера», сталкиваясь с острым социальным конфликтом, не отменял прежние решения, но создавал механизмы, позволявшие постепенно менять их практическое значение. В

[166] Harris v. McRae, 448 U.S. 297 (1980) // Justia U.S. Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/448/297/ (дата обращения: 10.07.2025).

случае с абортами это выразилось в переходе от триместровой системы к гибкой модели регулирования, при которой штаты получали все больше полномочий.

Признание права на аборты стало не завершением спора, а его новой стадией. Дальнейшая судебная практика превратила это право из абсолютного в условное, из федерального в регионально-дифференцированное. Такой подход позволял Суду удерживать баланс в условиях глубокой поляризации общества, но одновременно делал само право уязвимым для последующих ограничений.

Бергер в этой конструкции сыграл ключевую роль. Его голос в 1973 году обеспечил легитимацию права на аборт, а последующие голосования создали условия для его сужения. В этом сочетании и состояла суть его политики – действовать через перенастройку существующих доктрин, а не через их слом. Формально прецеденты сохраняли силу, но их практическое значение менялось за счет расширения полномочий штатов и введения новых ограничительных критериев. Именно эта модель стала наследием эпохи Бергера в сфере репродуктивных прав, и она в конечном счете подготовила почву для решения по делу *Dobbs*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период председательства Уоррена Бергера занимает особое место в истории Верховного суда США. Семнадцать лет, с 1969 по 1986 год, стали временем, когда судебная практика менялась не через отмену прежних решений, а через постепенную перестройку их применения. Суд сохранял внешнюю преемственность с эпохой Эрла Уоррена, но внутренняя логика правовых подходов становилась иной. В одних сферах, таких как уголовный процесс, гарантии заметно сужались. В других, напротив, происходило их закрепление. В этом сочетании противоположных тенденций и состоит главная особенность его эпохи.

Консервативные убеждения Бергера не превращались в жесткую идеологическую линию. На практике они сочетались с ситуативными отступлениями от собственных принципов, когда того требовали институциональные интересы. Наиболее ярким примером стала поддержка решения по делу *Roe v. Wade*, которое противоречило всей прежней риторике Бергера о недопустимости расширительного толкования Конституции. Этот эпизод показывает, что председатель руководствовался не только идеологическими установками, но и прагматическим расчетом, направленным на сохранение единства судебной власти перед лицом острых социальных конфликтов.

В уголовном процессе Верховный суд во главе с Уорреном Бергером действовал по принципу избирательной защиты. Суд последовательно расширял полномочия правоохранительных органов и ограничивал возможности обжалования. В делах *Class*, *Ciraolo* и *Dow Chemical* была ослаблена защита от необоснованных обысков. Дело *Stone v. Powell* исключило из сферы *habeas corpus* вопросы Четвертой поправки. Прецедент *Kuhlmann v. Wilson* обязал осужденных доказывать фактическую невиновность. Прецедент *Mechanik* ввел доктрину безвредной ошибки, при

которой технические нарушения перестали вести к отмене приговора. Однако там, где речь шла о справедливости разбирательства, Суд действовал иначе. Дела *Vasquez* и *Batson* запретили расовое исключение присяжных. Дела *Edwards* и *Michigan v. Jackson* укрепили право на адвоката. Прецеденты *Miller* и *Crane* установили федеральный контроль за добровольностью признаний. Такой подход отражал общий принцип его работы. Гарантии, не влияющие на достоверность результата, могли ограничиваться, а гарантии, обеспечивающие справедливость приговора, защищались с особой силой.

В сфере репродуктивных прав внутренняя противоречивость эпохи Бергера проявилась наиболее ярко. В 1973 году Суд признал право на аборт в деле *Roe*, что противоречило прежней риторике самого председателя о недопустимости судейского активизма. Однако уже через несколько лет он последовательно начал поддерживать ограничения этих прав. В деле *Danforth* Суд оставил в силе значительную часть требований, ограничивающих аборты, введенных штатом Миссури. В деле *Maher v. Roe* Верховный суд признал, что право на аборт не означает обязанности государства его оплачивать. В деле *Harris v. McRae* эта логика была распространена на федеральный уровень. Формально прецедент *Roe* оставался в силе, но доступность абортов для малоимущих женщин резко сократилась.

Свобода слова и прессы регулировалась Судом неравномерно, и за этой неравномерностью стояла определенная логика. В деле *Gooding v. Wilson* Суд встал на сторону индивидуального высказывания, отказавшись наказывать за грубые слова, если они не создают непосредственной угрозы общественному порядку. Иначе обстояло дело с прессой как институтом. В деле *New York Times Co. v. United States* Суд отказался вводить предварительный запрет на публикацию «документов Пентагона», но при этом сохранил оговорку. В случаях, когда публикация угрожает интересам национальной безопасности, ограничения допустимы. Таким образом, пресса получала защиту, но не безусловную. Институциональные гарантии признавались, однако пределы этих гарантий оставались предметом спора.

Сфера собственности выделялась наибольшей доктринальной последовательностью. Прецедент *Penn Central* дал многофакторный тест для регуляторного изъятия, включивший оценку экономических последствий, инвестиционных ожиданий и публичного интереса. Прецедент *Loretto* закрепил правило per se для постоянного физического вторжения. Эти два решения образовали основу трехзвенной системы, завершенной уже после ухода Бергера в деле *Lucas*. В отличие от других сфер, Суд создал конструкцию, которая сохранила устойчивость на десятилетия.

Методология суда Бергера строилась на сочетании гибкости и предсказуемости. Суд не формулировал жестких правил там, где это могло привести к несправедливым результатам. Вместо этого он разрабатывал многофакторные тесты, позволявшие учитывать широкий круг обстоятельств. Тест *Penn Central* стал классическим примером такого подхода в сфере собственности. В деле *Lemon* был создан трехкомпонентный критерий для анализа государственно-церковных отношений. В уголовном процессе доктрина безвредной ошибки требовала оценки того, насколько конкретное нарушение повлияло на исход дела.

Эти инструменты позволяли применять нормы XVIII века к ситуациям, которые отцы-основатели не могли предвидеть. В то же время многофакторные тесты не были лишены недостатков. Их применение требовало от судей значительной свободы усмотрения, что порождало критику и споры о предсказуемости решений. В XXI веке некоторые из этих тестов были пересмотрены, а их критерии уточнены. Однако сама идея адаптации конституционных принципов через оценочные категории осталась важной частью американской правовой традиции.

Судебную политику Уоррена Бергера трудно оценить однозначно. Она сочетала в себе консервативную риторику с прагматическими решениями, которые в ряде случаев выходили за рамки традиционной сдержанности. Бергер регулярно говорил о необходимости ограничить судейский активизм,

но при этом участвовал в создании новых доктрин, расширявших судебное усмотрение.

Эта двойственность была не результатом непоследовательности, а отражением институциональной стратегии. Бергер стремился сохранить легитимность Суда в условиях растущей поляризации американского общества. Там, где жесткое отстаивание консервативных принципов могло привести к расколу судейского корпуса, он отступал. Там, где единство Суда не было под угрозой, он действовал более прямолинейно. Такой подход делал его политику гибкой, но одновременно и уязвимой для критики с обеих сторон.

Опыт Бергера показывает, что судебная власть может сохранять легитимность, даже когда принимаемые им решения не получают единодушной поддержки. Главное, чтобы эти решения были обоснованы, предсказуемы и основаны на понятных правовых критериях. Именно эту задачу «суд Бергера» решал на протяжении семнадцати лет, и поэтому его опыт остается ценным для современной юриспруденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Constitution of the United States // Constitution Annotated. – URL: https://constitution.congress.gov/constitution/amendment-1/ (дата обращения: 19.04.2024).

Судебные решения

2. Bethel School District No. 403 v. Fraser // Oyez. – URL: www.oyez.org/cases/1985/84-1667/ (дата обращения 13.05.2024).

3. Bolling v. Sharpe, 347 U.S. 497 (1954) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/347/497/ (дата обращения 30.06.2025).

4. Branzburg v. Hayes, 408 U.S. 665 (1972) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/408/665/ (дата обращения 25.05.2025).

5. Burwell v. Hobby Lobby Stores, Inc., 573 U.S. 682 (2014) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/573/682/ (дата обращения 01.07.2025).

6. California v. Ciraolo, 476 U.S. 207 (1986) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/476/207/ (дата обращения 15.07.2025).

7. Cantwell v. Connecticut, 310 U.S. 296 (1940) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/310/296/ (дата обращения 25.04.2024).

8. Cohen v. California, 403 U.S. 15 (1971) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/403/15/ (дата обращения 25.04.2024).

9. Cohens v. Virginia, 19 U.S. 264 (1821) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/19/264/ (дата обращения: 27.06.2025).

10. Crane v. Kentucky, 476 U.S. 683 (1986) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/476/683/ (дата обращения: 16.07.2025).

11. 303 Creative LLC v. Elenis, 600 U.S. ___ (2023) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/600/21-476/ (дата обращения: 01.07.2025).

12. Delaware v. Van Arsdall, 475 U.S. 673 (1986) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/475/673/ (дата обращения 16.07.2025).

13. Dobbs v. Jackson Women's Health Organization, 597 U.S. ___ (2022) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/597/19-1392/ (дата обращения 01.07.2025).

14. Eisenstadt v. Baird, 405 U.S. 438 (1972) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/405/438/ (дата обращения 09.06.2025).

15. Everson v. Board of Education, 330 U.S. 1 (1947) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/330/1/ (дата обращения 23.05.2024).

16. Gannett Co., Inc. v. DePasquale, 443 U.S. 368 (1979) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/443/368/ (дата обращения 04.06.2025).

17. Griswold v. Connecticut, 381 U.S. 479 (1965) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/381/479/ (дата обращения 09.06.2025).

18. Gooding v. Wilson, 405 U.S. 518 (1972) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/405/518/ (дата обращения 25.04.2024).

19. Loretto v. Teleprompter Manhattan CATV Corp., 458 U.S. 419 (1982) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/458/419/ (дата обращения 07.07.2025).

20. Lochner v. New York, 198 U.S. 45 (1905) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/198/45/ (дата обращения 01.07.2025).

21. Meek v. Pittenger, 421 U.S. 349 (1975) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/421/349/#tab-opinion-1951321/ (дата обращения 14.06.2024).

22. Michigan v. Jackson, 475 U.S. 625 (1986) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/475/625/#tab-opinion-1956536/ (дата обращения 16.07.2025).

23. Moran v. Burbine, 475 U.S. 412 (1986) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/475/412/ (дата обращения: 16.07.2025).

24. Mueller v. Allen, 463 U.S. 388 (1983) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/463/388/ (дата обращения 29.05.2024).

25. Murray v. Carrier, 477 U.S. 478 (1986) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/477/478/ (дата обращения 16.07.2025).

26. Near v. Minnesota, 283 U.S. 697 (1931) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/283/697/ (дата обращения 06.05.2025).

27. New York Times Co. v. United States, 403 U.S. 713 (1971) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/403/713/ (дата обращения 06.05.2025).

28. New York v. Class, 475 U.S. 106 (1986) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/475/106/#tab-opinion-1956469/ (дата обращения 15.07.2025).

29. Organization for a Better Austin v. Keefe, 402 U.S. 415 (1971) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/402/415/ (дата обращения 06.05.2025).

30. Paul D. Smith. Gooding v. Wilson: Whaere from Here, 26 Sw L.J. 780 (1972). – URL: https://scholar.smu.edu/smulr/vol26/iss4/8 (дата обращения: 02.05.2024).

31. Penn Central Transportation Co. v. New York City, 438 U.S. 104 (1978) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/438/104/ (дата обращения 07.07.2025).

32. Pennsylvania Coal Co. v. Mahon, 260 U.S. 393 (1922) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/260/393/ (дата обращения: 03.07.2025).

33. Richmond Newspapers, Inc. v. Virginia, 448 U.S. 555 (1980) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/448/555/ (дата обращения 04.06.2025).

34. Roe v. Wade, 410 U.S. 113 (1973) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/ (дата обращения 01.07.2025).

35. Stone v. Powell, 428 U.S. 465 (1976) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/428/465/ (дата обращения 16.07.2025).

36. Tinsley E. Yarbrough, The Burger Court and Freedom of Expression, 33 Wash. & Lee L. Rev. 37 (1976). – URL: https://scholarlycommons.law.wlu.edu/wlulr/vol33/iss1/3/ (дата обращения 19.04.2024).

37. United States v. Mechanik, 475 U.S. 66 (1986) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/475/66/ (дата обращения 16.07.2025).

38. United States v. Nixon (1974) // Infoplease. – URL: https://www.infoplease.com/culture-entertainment/holidays/memorial-poetry/ (дата обращения: 27.06.2025).

39. Vasquez v. Hillery, 474 U.S. 254 (1986) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/474/254/ (дата обращения 15.07.2025).

40. Village of Euclid v. Ambler Realty Co., 272 U.S. 365 (1926) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/272/365/ (дата обращения: 03.07.2025).

41. West Coast Hotel Co. v. Parrish, 300 U.S. 379 (1937) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/300/379/ (дата обращения 01.07.2025).

42. Widmar v. Vincent, 454 U.S. 263 (1981) // U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/454/263/ (дата обращения 21.05.2024).

Специальная литература, учебники, монографии

43. Боботов, С. В. Конституционная юстиция. Сравнительный анализ. / С. В. Боботов. – Москва : РПА МЮ РФ, 1994. – 127 с.

44. Введение в правовую систему США / С. В. Боботов, И. Ю. Жигачев. – М. : Норма, 1997. – 333 с.

45. Гребенар, Р. Дж. Политика групп по интересам в Америке / Рональд Дж. Гребенар, Рут К. Скотт. – Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси : Прентис-Холл, 1982.

46. Евдокимов, В. Б. Конституционное судопроизводство в США. / В. Б. Евдокимов. – Екатеринбург : УрО РАН, 1996. – 126 с.

47. Есаков, Г. А. Mens rea в уголовном праве США: историко-правовое исследование. / Г. А. Есаков. – Юридический центр, 2003. – 553 с.

48. «История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 1» / Под общ. ред. О. А. Жидкова и Н. А. Крашенинниковой. − 2-е изд., стер. − М. : Норма, 2004. − 624 с.

49. Конституционализм в США: политико-правовые аспекты / С. А. Егоров; Отв. ред.: А. А. Мишин. – М. : Наука, 1993. – 198 с.

50. Крылов, Б. С. США: федерализм, штаты и местное управление. / Б. С. Крылов. – Москва : Наука, 1968. – 243 с.

51. Лафитский, В. И. Конституционный строй США. / В. И. Лафитский. – Москва : Издательство «СТАТУТ», 2011. – 351 с.

52. Лузин, В. В. Принцип разделения властей как основа конституционализма : сравн. исслед. на примере США, Великобритании и Франции / В. Лузин. – Нижний Новгород, 1997. – 178 с. – С. 56.

53. Маршалл, Т. Р. Общественное мнение и Верховный суд / Т. Р. Маршал; Пер. с англ. – Бостон : Unwin Hyman, 1989. − С. 112.

54. Мишин, А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США / А. А. Мишин. – Москва : Наука, 1984. – 190 с.

55. Опыт становления конституционализма в США, Японии и Советской России. Учебное пособие для вузов / В. М Курицын., Д. Д. Шалягин. – М. : Академический проект, 2004. – 496 с.

56. Правовая система США. Вып. 3 / У. Бернам; Науч. ред.: В. А. Власихин – М.: Новая юстиция, 2006. – 1216 с.

57. Религия и Континентальный конгресс, 1774–1789 гг.: Вклад в первоначальное намерение» / изд. Дерек Х. Дэвис. – Нью-Йорк : издательство Оксфордского университета, 2000. – Глава 10.

58. Саликов, М.С. Сравнительный федерализм США и России. / М. С. Саликов – Свердловск : Уральская юридическая академия, 1998. – 635 с.

59. Саломатин, А. Ю. Верховный суд США : судебная правовая политика от Дж. Джея до Дж. Робертса : монография / А. Ю. Саломатин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2013. – 138 с.

60. Скалия, А. О вопросах интерпретации: Федеральные суды и закон / А. Скалия; Пер. с англ. − М.: Princeton University Press, 1997. − С. 22–40.

61. Фридман, Б. Воля народа: Как общественное мнение влияло на Верховный суд и формировало значение Конституции / Б. Фридман; Пер. с англ. − М. : Farrar, Straus and Giroux, 2009. − С. 312.

62. Чемеринский, Э. Религиозные оговорки: Дело в пользу отделения церкви от государства / Э. Чемеринский. – Москва : Издательство Оксфордского университета, 2020. − 256 с. − ISBN 978-5-123456-78-9. − С. 89.

63. Эпштейн, Л. Выбор, который делают судьи: стратегическое поведение в Верховном суде / Л. Эпштейн, Дж. Найт; Пер. с англ. − М.: CQ Press, 1998. − С. 67.

64. Эпштейн, Л. Поведение федеральных судей: Теоретическое и эмпирическое исследование рационального выбора / Л. Эпштейн, У. М. Ландес, Р. А. Познер. – Москва : Издательство Гарвардского университета, 2013. − 432 с. − ISBN 978-5-123456-78-9. − С. 217.

65. Barker, L. J. African Americans and the American Political System [Афроамериканцы и американская политическая система] / L. J Barker. − New York : Prentice Hall, 1999. − 372 с.

66. Blasi, V. The Burger Court: The Counter-Revolution That Wasn’t [Суд Бергера: контрреволюция, которой не было] / V. Blasi. − New Haven : Yale University Press, 1983. − 326 с.

67. Fiorina, M. P. Disconnected: The Political Class versus the People – Rejoinder / M. P. Fiorina, M. S. Levendusky // In Red and Blue Nation?: Characteristics and Causes of America’s Polarized Politics / ed. P. S. Nivola, D. W. Brady. – Washington, DC: Brookings Institution Press; Stanford: Hoover Institution Press, 2006. – P. 95–110.

68. Graetz, M. J. The Burger Court and the Rise of the Judicial Right [Суд Бергера и восход судебных правых] / M. J. Graetz, L. Greenhouse. − New York: Simon & Schuster, 2016. − 480 с.

69. Hall, K. L. Race relations and the law in American history : major historical interpretations [Расовые отношения и закон в американской истории: основные исторические интерпретации] / K. L. Hall. – New York : Garland Pub, 1987. – 655 с.

70. Mohr, J. C. Abortion in America: The Origins and Evolution of National Policy / J. C. Mohr. – Oxford University Press, 1979. – 352 с. – С. 4.

71. Schwartz, B. The Ascent of Pragmatism: The Burger Court in Action [Восход прагматизма: Суд Бергера в действии] / B. Schwartz. – Boston : Addison-Wesley, 1990. − 482 с.

72. Whitebread, Ch. Criminal Procedure: An Analysis of Cases and Concepts [Уголовный процесс: анализ дел и концепций] / Ch. Whitebread, Ch. Slobogin. − New York : Foundation Press, 2000. − 1100 с.

73. Yarbrough, T. E. The Burger Court: Justices, Rulings, and Legacy [Суд Бергера: судьи, решения и наследие] / T. E Yarbrough. − Bloomsbury Academic : ABC-CLIO, 2000. − 366 с.

Научные статьи

74. Аллалыев, Р. М. Верховенство права как политический и правовой идеал в англосаксонской правовой традиции / Р. М. Аллалыев // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 4. – С. 859–870.

75. Берлявский, Л. Г. Классификация теорий конституционной интерпретации в США / Л. Г. Берлявский // Известия высших учебных заведений. – 2015. – № 2 (319). – С. 64–87.

76. Клишас, А. А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран: Сравнительно-правовое исследование / А. А. Клишас. – Международные Отношения, 2015. – 560 с.

77. Хусаинова, А. В. Становление и развитие североамериканской модели судебного конституционного контроля / А. В. Хусаинова // Интерактивная наука. – 2018. – № 7 (29). – С. 76–78.

78. Hemel, D. Can Structural Changes Fix the Supreme Court? / D. Hemel // Journal of Economic Perspectives. – 2021. – Vol. 35, №. 1. – P. 119–142.

79. Horwitz, M. J. The Transformation in the Conception of Property in American Law, 1780-1860 / M. J. Horwitz // The University of Chicago Law Review. – 1973. – Vol. 40, № 2. – P. 248–290.

80. O'Neill, Timothy P. The Good, the Bad, and the Burger Court: Victims' Rights and a New Model of Criminal Review // J. Crim. L. & Criminology. – 1984. – № 75. – P. 363.

81. Горбунов, М. Д. Современный англо-американский правовой позитивизм: хронология и актуальные темы научного дискурса / М. Д. Горбунов // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2024. – Т. 49, № 2. – С. 254-262. – DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-254-262. – EDN LMZPKA.

82. Киреев, Д. В. "Верховный Суд США против Франклина Рузвельта": К вопросу о судебной реформе в 1930-е гг / Д. В. Киреев, Е. Н. Трикоз // Нравственно-правовые критерии формирования судебной власти в государстве : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 17 ноября 2017 года / Под редакцией В. В. Гребенникова. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – С. 73-76. – EDN XYGUGL.

Диссертации и авторефераты диссертации

83. Агеева, Е. А. Деятельность Верховного Суда США под председательством Э. Уоррена, 1953–1969 гг. : историко-правовое исследование : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Елена

Александровна Агеева; [Место защиты: Белгород. гос. ун-т]. – Белгород, 2009. – 167 с.

84. Аллалыев, Р. М. Концепция верховенства права в США : теоретико-правовое исследование : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Руслан Мурадович Аллалыев; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2019. – 170 с.

85. Арутюнян, Г. Г. Конституционный Суд в системе государственной власти (сравнительный анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Г. Г. Арутюнян. – М., 1999. – С. 13.

86. Герасимова, А. Е. Конституционные основы права на судебную защиту в США : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Александра Евгеньевна Герасимова; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина]. – Москва, 2016. – 28 с.

87. Голдобина, З. Г. Активизм и оригинализм в деятельности Верховного суда США и в американской политико-правовой доктрине : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Зарина Геннадьевна Голдобина; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. – Екатеринбург, 2007. – 27 с.

88. Жидков, О. А. Верховный суд США в период империализма [Текст] : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук / С. А. Жидков ; Моск. ордена Ленина и ордена Труд. Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. – Москва : [б. и.], 1957. – 13 с.

89. Махненко, Е. А. Формирование Верховного суда США в качестве органа конституционного контроля : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Елена Александровна Махненко; Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – Москва, 1988. – 199 с.

90. Шабанова, Т. Н. Рассмотрение и разрешение гражданских дел в Верховном суде штата Калифорния (США) : диссертация ... кандидата

юридических наук : 12.00.15 / Татьяна Николаевна Шабанова; [Место защиты: Ин-т государства и права РАН]. – Москва, 2007. – 243 с.

Периодические издания и материалы интернет

91. Бакли против Валео: Дело в Верховном суде, аргументы, последствия // ThoughtCo. – URL: https://www.thoughtco.com/buckley-v-valeo-4777711 (дата обращения: 07.05.2024).

92. Власенко, Н. А. Модернизация Конституции России (к итогам обсуждения в связи с 25-летием) / Н. А. Власенко // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-konstitutsii-rossii-k-itogam-obsuzhdeniya-v-svyazi-s-25-letiem (дата обращения: 18.02.2025).

93. Вступительное слово судьи Бретта Кавано: официальный текст выступления и видеоматериалы // The New York Times. – URL: https://www.nytimes.com/2018/09/04/us/politics/judge-brett-kavanaughs-opening-statement-full-prepared-remarks.html (дата обращения: 09.04.2025).

94. Гандалоев, Р. Б. Институт конституционного контроля Верховного суда США в историческом развитии / Руслан Баширович Гандалоев, Дмитрий Игоревич Борисов // Вестник Московского университета МВД России, 2019. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-konstitutsionnogo-kontrolya-verhovnogo-suda-ssha-v-istoricheskom-razvitii (дата обращения: 21.02.2024).

95. Горбань, В. С. О. Холмс в истории правового реализма в США и проблема типологизации его взглядов / В. С. Горбань, В. С. Груздев // Юридические исследования. – 2022. – № 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-holms-v-istorii-pravovogo-realizma-v-ssha-i-problema-tipologizatsii-ego-vzglyadov (дата обращения: 18.02.2025).

96. Закон. Верховный суд США и религия // Religion. – URL: https://oxfordre.com/religion/display/10.1093/acrefore/9780199340378.001.0001/a

crefore-9780199340378-e-449#acrefore-9780199340378-e-449-bibItem-0054 (дата обращения: 22.05.2024).

97. Зинковский, С. Б. Типология правовых культур / С. Б. Зинковский // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-pravovyh-kultur (дата обращения: 18.02.2025). С. 106.

98. Историческое постановление обеспечивает доступ СМИ и граждан к судебным разбирательствам // South Dakota Humanities Council. – URL: https://sdhumanities.org/landmark-ruling-gives-press-and-public-access-to-criminal-trials/ (дата обращения: 04.06.2025).

99. Кандидат в судьи Верховного суда Эми Конни Барретт: 'Судьи не являются субъектами нормотворческой деятельности' // The Thinking Conservative promotes the politics of reality. – URL: https://www.thethinkingconservative.com/supreme-court-nominee-amy-coney-barrett-judges-are-not-policymakers/ (дата обращения: 09.04.2025).

100. Козочкин, И. Д. Уголовное право США : учебник для вузов / И. Д. Козочкин. − Москва : Издательство Юрайт, 2025. − 218 с. − (Высшее образование). − ISBN 978-5-9916-8870-3. − Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. − URL: https://urait.ru/bcode/561352 (дата обращения: 28.04.2025).

101. Комментарии Уитакер по делу Марбери против Мэдисона: абсурд или в рамках основного течения? // University of Cincinnati Law Review. – URL: https://uclawreview.org/2019/01/26/whitakers-comments-on-marbury-v-madison-absurd-or-within-the-mainstream/ (дата обращения: 25.06.2025).

102. Конституция с комментариями // Конституции Соединенных Штатов Америки: анализ и толкование. – URL: https://constitution.congress.gov/constitution/ (дата обращения: 17.01.2024).

103. Малиновский, А. А. Механизм правового регулирования в зарубежных правовых семьях / А. А. Малиновский // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2017. – № 4 (32). – URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-pravovogo-regulirovaniya-v-zarubezhnyh-pravovyh-semyah (дата обращения: 18.02.2025).

104. Муромцев, Г. И. Соотношение административного и конституционного права в зарубежных странах / Г. И. Муромцев, О. В. Кривельская // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-administrativnogo-i-konstitutsionnogo-prava-v-zarubezhnyh-stranah (дата обращения: 18.02.2025).

105. Немытина, М. В. Правовое регулирование миграционных отношений: опыт Германии / М. В. Немытина, Н. А. Куличенко // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-migratsionnyh-otnosheniy-opyt-germanii (дата обращения: 18.02.2025). С. 113.

106. Непредсказуемая позиция судьи Горсача вызывает возмущение демократов // CNN Politics. – URL: https://edition.cnn.com/2017/03/28/politics/neil-gorsuch-supreme-court-testimony/index.html (дата обращения: 09.04.2025).

107. Округ Маккрири против Американского союза защиты гражданских свобод, Кентукки., 545 U.S. 844 (2005), часть II A. Центр Верховного суда США Justia. 27 июня 2005 г.

108. Председатель Верховного суда Робертс публично возразил на призыв Трампа к импичменту судьи // THE HILL. – URL: https://thehill.com/regulation/court-battles/5200768-john-roberts-trump-judge-impeachment/ (дата обращения: 09.04.2025).

109. Религия и Верховный суд // Pew Research Center. – URL: https://www.pewresearch.org/religion/2022/10/27/religion-and-the-supreme-court/ (дата обращения: 03.06.2025).

110. Решения Верховного суда Род-Айленда // JUSTIA US Law. – URL: https://law.justia.com/cases/rhode-island/supreme-court/ (дата обращения: 22.01.2024).

111. Сигалов, К. Е. Гражданское общество и патология права в западноевропейском правовом пространстве / К. Е. Сигалов // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-i-patologiya-prava-v-zapadnoevropeyskom-pravovom-prostranstve (дата обращения: 18.02.2025).

112. Судебная власть в современном правопорядке // XIII Петербургский международный юридический форум. – URL: https://legalforum.info/news/sudebnaja-vlast-v-sovremennom-pravoporjadke/ (дата обращения: 29.05.2025).

113. Судья Соня Сотомайор объясняет, почему общественное мнение не имеет значения для суда // Бизнес-Инсайдер. – URL: https://www.businessinsider.com/sonia-sotomayor-interview-on-jon-stewart-2013-1 (дата обращения: 09.04.2025).

114. «Толкование закона – это прерогатива и обязанность судебной власти» // Хранитель медиапортал о безопасности. – URL: https://psj.ru/nb-arhiv/tendentsii/72240-tolkovanie-zakona-eto-prerogativa-i-obyazannost-sudebnoj-vlasti.html (дата обращения: 25.06.2025).

115. Член Верховного суда С. Брейер выразил опасения, что увеличение числа судей может негативно повлиять на доверие общества к судебной системе // CBS NEWS. – URL: https://www.cbsnews.com/news/justice-stephen-breyer-supreme-court-packing-the-court/ (дата обращения: 09.04.2025).

116. Член Верховного суда США Каган предупреждает о рисках утраты легитимности судебной инстанции вследствие ее восприятия в качестве политического актора // Reuters. – URL: https://www.reuters.com/legal/us-supreme-court-risks-its-legitimacy-by-looking-political-justice-kagan-says-2022-09-14/ (дата обращения: 09.04.2025).

117. Эпштейн, Л. Выборы, которые делают судьи: стратегический анализ решений Верховного суда [The Choices Justices Make] / Л. Эпштейн, Дж. Найт; Пер. с англ. – М. : SAGE, 1997. _ URL:

https://books.google.ru/books?id=hSnom2h2_zUC&hl=ru (дата обращения: 09.04.2025).

118. Abortion Laws by State 2025 // World Population Review. – URL: https://worldpopulationreview.com/state-rankings/abortion-laws-by-state (дата обращения: 09.06.2025).

119. Batson v. Kentucky, 476 U.S. 79 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/476/79/ (дата обращения: 15.07.2025).

120. Brady v. United States, 397 U.S. 742 (1970) // Justia U.S. Supreme Court – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/397/742/ (дата обращения: 22.05.2025).

121. Clean Air Act [Законе о чистом воздухе] // GovInfo. – URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-8160/pdf/COMPS-8160.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

122. Dow Chemical Co. v. United States, 476 U.S. 227 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/476/227/ (дата обращения: 15.07.2025).

123. Doyle v. Ohio, 426 U.S. 610 (1976) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/426/610/ (дата обращения: 16.07.2025).

124. Earl, M. Maltz. Legislative Inputs and Gender-Based Discrimination in the Burger Court [Законодательные инициативы и дискриминация по признаку пола в период суда Бергера] / M. Maltz Earl. – 90 MICH. L. REV. – 1023 (1992). – URL: https://repository.law.umich.edu/mlr/vol90/iss5/4 (Дата обращения: 28.04.2025).

125. Edwards v. Arizona, 451 U.S. 477 (1981) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/451/477/ (дата обращения: 16.07.2025).

126. Endangered Species Act Of 1973 [Законе об исчезающих видах] // U.S. Fish & Wildlife Service. – URL:

https://www.fws.gov/sites/default/files/documents/endangered-species-act-accessible.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

127. Federal Water Pollution Control Act [Законе о чистой воде] // GovInfo. – URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-86/pdf/STATUTE-86-Pg816.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

128. Gideon v. Wainwright, 372 U.S. 335 (1963) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/372/335/ (дата обращения: 16.07.2025).

129. Goldblatt v. Town of Hempstead, 369 U.S. 590 (1969) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/369/590/ (дата обращения: 03.07.2025).

130. Harris v. McRae, 448 U.S. 297 (1980) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/448/297/ (дата обращения: 10.07.2025).

131. Hawaii Housing Authority v. Midkiff, 467 U.S. 229 (1984) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/467/229/ (дата обращения: 08.07.2025).

132. How Conservatives Weaponized the First Amendment // The New York Times. – 2018. – URL: https://www.nytimes.com/2018/06/30/us/politics/first-amendment-conservatives-supreme-court.html?pgtype=Article&action=click&module=RelatedLinks (дата обращения 08.05.2024).

133. James Madison and the Bill of Rights // Bill of Rights Institute. – URL: https://billofrightsinstitute.org/essays/james-madison-and-the-bill-of-rights (дата обращения 14.10.2024).

134. John Roberts’s Early Supreme Court Agenda: A Study in Disappointment // The New York Times. – URL: https://www.nytimes.com/2022/11/21/us/politics/john-roberts-supreme-court.html (дата обращения: 30.06.2025).

135. Kimmelman v. Morrison, 477 U.S. 365 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/477/365/ (дата обращения: 16.07.2025).

136. Kurland, Ph. B. The Religion Clauses and the Burger Court [Религиозные положения и суд Бергера] / Ph. B. Kurland. // Harvard Law Review. − 1984. – URL: https://scholarship.law.edu/lawreview/vol34/iss1/4 (Дата обращения: 28.04.2025).

137. Kuhlmann v. Wilson, 477 U.S. 436 (1986) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/477/436/ (дата обращения: 16.07.2025).

138. Law, the U.S. Supreme Court, and Religion // Religion. – URL: https://oxfordre.com/religion/display/10.1093/acrefore/9780199340378.001.0001/acrefore-9780199340378-e-449#acrefore-9780199340378-e-449-bibItem-0054/ (дата обращения 22.05.2024).

139. Leonhardt, D. The Supreme Court Needs Term Limits / D. Leonhardt // New York Times. – 2018. – URL: https://www.nytimes.com/2018/09/18/opinion/columnists/brett-kavanaugh-supreme-court-term-limits.html/ (дата обращения 27.02.2024).

140. Littleton, M. Meek v. Pittenger / M. Littleton // Encyclopedia Britannica. – 2024. – URL: https://www.britannica.com/topic/Meek-v-Pittenger. (дата обращения: 06.06.2024).

141. Lucas v. South Carolina Coastal Council, 505 U.S. 1003 (1992) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/505/1003/ (дата обращения: 07.07.2025).

142. Martin v. Hunter's Lessee, 14 U.S. 304 (1816) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/14/304/ (дата обращения: 26.06.2025).

143. McCulloch v. Maryland, 17 U.S. 316 (1819) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/17/316/ (дата обращения: 26.06.2025).

144. Miller v. Fenton, 474 U.S. 104 (1985) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/474/104/ (дата обращения: 16.07.2025).

145. Most Americans favor maximum age limits for federal elected officials, Supreme Court justices // Pew Research Center. – 2023. – URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/10/04/most-americans-favor-maximum-age-limits-for-federal-elected-officials-supreme-court-justices/ (дата обращения 21.02.2024).

146. New York Times Co. v. United States (1971) // Infoplease. – URL: https://www.infoplease.com/us/government/judicial-branch/new-york-times-co-v-united-states-1971/ (дата обращения 06.05.2025).

147. Ornstein, N. Why the Supreme Court Needs Term Limits / N. Ornstein // The Atlantic. – 2014. – URL: https://www.theatlantic.com/politics/archive/2014/05/its-time-for-term-limits-for-the-supreme-court/371415/ (дата обращения 27.02.2024).

148. Parenthood of Central Missouri v. Danforth (1976) // Justia U.S. Supreme Court. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/428/52/ (дата обращения: 10.07.2025).

149. Patrick Garry. The First Amendment and Freedom of the Press: A Revised Approach to the Marketplace of Ideas Concept, 72 Marq. L. Rev. 187 (1989). – URL: https://scholarship.law.marquette.edu/mulr/vol72/iss2/4 (дата обращения: 19.04.2024).

150. Planned Parenthood of Southeastern Pa. v. Casey, 505 U.S. 833 (1992) // Justia U.S. Supreme Court Center. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/505/833/ (дата обращения: 09.07.2025).

151. Rex, E. Lee. Religion and the Burger Court, 84 MICH. L. REV. 603 (1986). – URL: https://repository.law.umich.edu/mlr/vol84/iss4/6 (дата обращения 16.05.2024).

152. Senate confirms first federal Muslim judge in U.S. history // Reuters. – 2021. – URL: https://www.reuters.com/legal/government/senate-confirms-first-federal-muslim-judge-us-history-2021-06-10/ (дата обращения 19.02.2024).

153. Supreme Court cases, October term 2022-2023 // Ballotpedia. – URL: https://ballotpedia.org/Supreme_Court_cases,_October_term_2022-2023. (дата обращения: 30.06.2025).

154. The Supreme Court’s Liberal Justices Rip Their “Aggressive” Conservative Colleagues // The New Republic. – URL: https://newrepublic.com/article/166898/dobbs-dissent-breyer-kagan-sotomayor (дата обращения: 30.06.2025).

155. The Supreme Court Tanked Its Reputation. This Is the Way Back // Bloomberg. – URL: https://www.bloomberg.com/graphics/2024-opinion-supreme-court-data-partisan-politics-lost-trust/ (дата обращения: 01.07.2025).

156. Table of Laws Held Unconstitutional in Whole or in Part by the Supreme Court // Constitution of the United States of America: Analysis and Interpretation. – URL: https://constitution.congress.gov/resources/unconstitutional-laws/ (дата обращения: 30.06.2025).

157. The Federalist No. 78, [28 May 1788] // National Archives. – URL: https://founders.archives.gov/documents/Hamilton/01-04-02-0241 (дата обращения: 24.06.2025).

Приложение А

(обязательное)

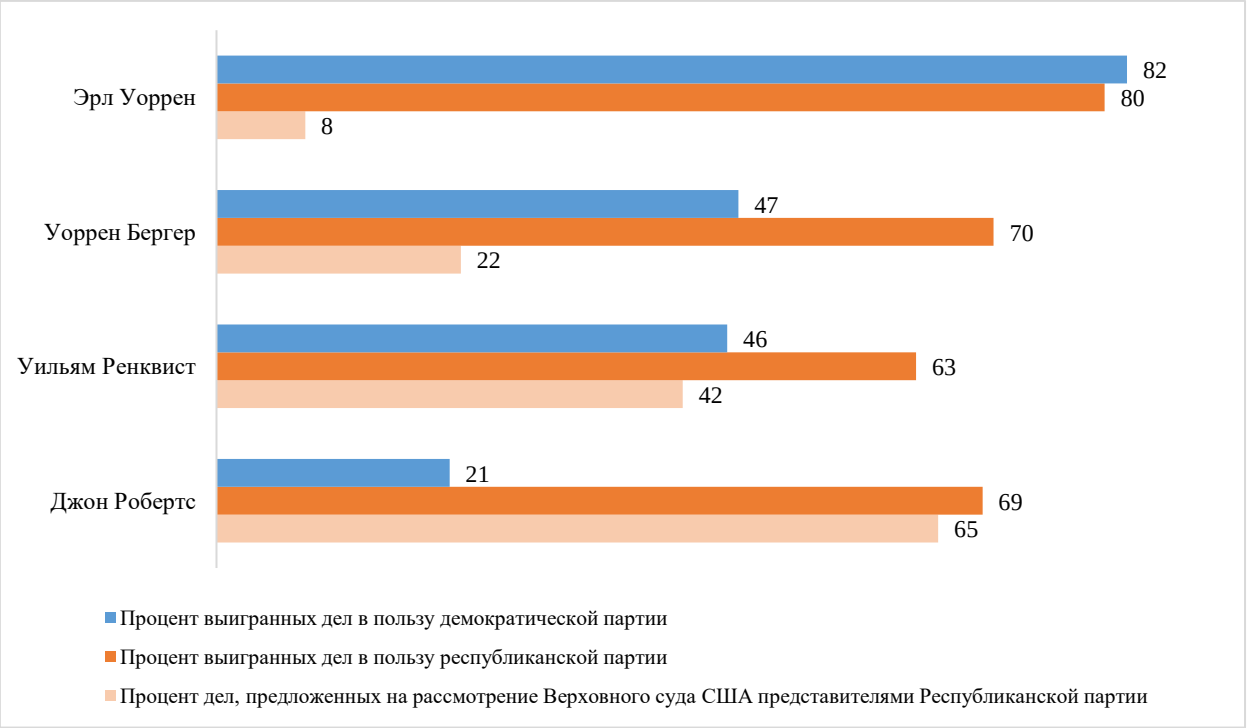

График 1. График дел, связанных со свободой слова, рассмотренных Верховным судом США